

ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1 (56) 2025

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (56) 2025

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (56) 2025

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 1 (56) 2025

Nadezhda I. Danilova, Fedor N. Dyachkovsky, Svetlana M. Trofimova. Names of pasture and animal housing in Yakut: a comparative aspect.....	7
Anna V. Dybo, Ninel V. Malysheva, Aitalina V. Timofeeva, Marina A. Osorova. Dialect names of trees and shrubs in the Sakha language: etymological materials	21
Natalia A. Koshelyuk. Digital resources on the Uralic languages of Siberia: an overview, evaluation and application	60
Irina A. Khomchenkova, Daria O. Zhornik. Comitative constructions with <i>tāγal</i> 'fullness' and <i>lūt</i> 'other things' in Northern Mansi	94
Style sheet	118

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (56) 2025

Н. И. Данилова, Ф. Н. Дьячковский, С. М. Трофимова. Названия пастбищ и животноводческих построек в якутском языке в сравнительном аспекте	7
А. В. Дыбо, Н. В. Малышева, А. В. Тимофеева, М. А. Осорова. Диалектные наименования деревьев и кустарников в якутском языке: этимологические материалы.....	21
Н. А. Кошелюк. Цифровые ресурсы по уральским языкам Сибири: обзор, оценка и применение	60
И. А. Хомченкова, Д. О. Жорник. Комитативные конструкции с единицами <i>tāyəl</i> 'полнота' и <i>lūt</i> 'все прочее' в северномансийском языке	94
Требования к оформлению статей.....	118

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь

Н. А. Кошелюк

(к.ф.н., Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН, Гамбургский университет), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., университет Берлина им. Гумбольдта)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary

Natalia Koshelyuk

(Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; University of Hamburg), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbееv (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Humboldt University of Berlin), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Aknulla Bashkir State Pedagogical University), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Названия пастбищ и животноводческих построек в якутском языке в сравнительном аспекте

Данилова Надежда Ивановна, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
ФИЦ ЯНЦ СО РАН (Якутск); nadiv2008@mail.ru

Дьячковский Федор Николаевич, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
ФИЦ ЯНЦ СО РАН (Якутск); fedjatschkov0801@mail.ru

Трофимова Светлана Менкеновна, Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городникова (Элиста); trofimovasm@mail.ru

В статье рассмотрены якутские лексемы, связанные с пастбищным и стойловым содержанием домашнего скота, в сравнении со словами соответствующего содержания в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Результат анализа дал основание считать слово *мэччирэн* заимствованием из монгольских языков. Якутское слово *отар* может с равной вероятностью быть как рефлексом общетюрк. **otar* ‘пастбище’ с сингармоническим эффектом, свойственным якутскому языку, так и обратным монголизмом. Тюркское происхождение имеют якутские основы *алаас*, *өртүк*, *оттук*, *сыһыы*, *хонуу*.

В тематической группе «Постройки и сооружения для содержания домашнего скота» выявлено пять основ: *хотон*, *түтүк*, *дал*, *хаһаа*, *күрүө*, — четыре из которых заимствованы из монгольских. Хозяйственная постройка для зимнего содержания рогатого скота в якутском языке — *хотон* — восходит к прамонг. **kotan* со значениями ‘ограждение; город-крепость’. Основа *дал* в значении ‘загон для скота’ имеет и монгольские, и тунгусо-маньчжурские параллели. Анализ показал, что это слово восходит к общеалтайской основе *dāla* (~ -o), но современный якутский язык сохранил тюркский рефлекс названной праформы и в то же время заимствовал рефлекс из монгольского. Монгольские параллели имеет также якутское слово *хаһаа* ‘конюшня, стойло’. Слово *күрүө* со значениями ‘плетень, забор, ограждение’ тоже относится к очевидным монголизмам. К тюркской глагольной основе *tüt-* ‘дымиться, испускать дым’ восходит современное якутское слово *түтүк* ‘летний хлев для скота’, для содержания скота рядом с ним устраивается дымокур от комаров и гнуса. Кроме того, в статье высказано предположение о монгольском происхождении слова *күкүр* ‘устройство для подачи сена в хлев’, а его синоним *долборук* имеет тунгусское происхождение.

Анализ показал, что лексика якутского языка, связанная с пастбищным содержанием скота, представлена в основном словами тюркского происхождения, а большую часть лексики стойлового содержания скота занимают монгольские заимствования.

Ключевые слова: лексика, семантика, пастбище, стойловое содержание скота, якутский язык, монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки

NAMES OF PASTURE AND ANIMAL HOUSING IN YAKUT: A COMPARATIVE ASPECT

Nadezhda I. Danilova, Institute of Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North,
Federal Research Center YSC SB RAS (Yakutsk); nadiv2008@mail.ru

Fedor N. Dyachkovsky, Institute of Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North,
Federal Research Center YSC SB RAS (Yakutsk); fedjatschkov0801@mail.ru

Svetlana M. Trofimova, B. B. Gorodnikov Kalmyk State University (Elista); trofimovasm@mail.ru

The paper present Yakut lexemes related to pasture and animal housing in comparison to their equivalents in Mongolic and Tungusic languages. The results suggest that the word *мэччирэн* was borrowed from a Mongolic language. The Yakut word *отар* may be both a reflex of the common Turkic **otar* ‘pasture’ with a Yakut synharmonism and a reverse Mongolic borrowing. The Yakut stems *алаас*, *өртүк*, *оттук*, *сыһыы*, *хонуу* are of Turkic origin. The subject group “Buildings and structures for animal housing” include five stems: *хотон*, *түтүк*, *дал*, *хаһаа*, *күрүө*, with four of them being borrowed from Mongolic languages. The Yakut word *хотон* ‘animal stall for winter housing’ goes back to the Proto-Mongolic **kotan* ‘barrier, fortress’. The stem *дал* ‘pen (enclosure)’ has both Mongolic and Tungusic parallels. The Yakut *хаһаа* ‘stable for adult and young horses’ also has Mongolic parallels. The word *күрүө* ‘hurdle, fence, hurdle, structure’ is also an obvious Mongolic borrowing. The Yakut word *түтүк* ‘summer housing for livestock’ originates from the Turkic verbal stem *tüt-* ‘fume, smoke’ since a smoky fire is arranged near a *түтүк* to drive away mosquitoes and gnat. The study suggests that the word *күкүр* ‘a structure used to feed hay in a stall’ is of Mongolic origin while its synonym *долборук* is of Tungusic origin.

The analysis showed that the Yakut vocabulary of housing animals on pasture lands is mainly of Turkic origin whereas most words related to housing animals in stalls are of Mongolic origin.

Keywords: vocabulary, semantics, pasture land, stall housing of livestock, Yakut, Mongolic languages, Tungusic languages

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

Введение

Изучение тюрко-монгольских языковых связей в алтаистике традиционно занимает значимое место и ознаменовано существенными результатами. Исследователи единодушны в том, что эти связи имели место на протяжении значительного исторического времени и обусловлены главным образом одинаковым характером образа жизни, а именно занятием кочевым и оседлым скотоводством. Данная проблема в тюркологии разрабатывается с точки зрения фонетических, грамматических, лексических соответствий, параллелей и реконструкций. При этом важно, что многие тематические группы лексики, в том числе животноводческая, являются общими для тюркских и монгольских языков (см., например, [Kałuzynsky 1961; Калужинский 1978; Щербак 1986; Рассадин 2007; СИГТЯ 2001]). Выбор объекта анализа продиктован тем, что якутский язык, так же как тюркские языки Сибири, отличается от других языков своей классификационной группы большим количеством монгольских параллелей и соответствий, особенно в лексике материальной культуры [Щербак 1986]. В якутоведении этот вопрос — в аспекте сопоставления явлений в фонетике, грамматике, лексике — изучался как в ранних классических [Radloff 1908; Бетлингк 1990], так и в современных исследованиях [Антонов 1971; Иванов 2001; Широбокова 2001; Попов 2003; Васильев 2007; Слепцов 2007; Убрятова 2011; Багдарьын Сулбэ 2019 и др.]. Вместе с тем на сегодняшний день многие тематические группы лексики якутского языка не были подвергнуты сравнительному анализу с использованием современных методов компаративистики. Необходимо также дальнейшее исследование якутско-монгольских параллелей в говорах якутского языка, которые сохранили следы древних контактов.

Итак, несмотря на обилие научных трудов и материалов, посвященных изучению взаимодействия якутского языка с другими, требуется последующая работа по упорядочению лексического состава якутского языка с точки зрения его генезиса и распределения по сферам использования, т. е. по лексико-семантическим группам (далее — ЛСГ).

Цель настоящего исследования заключается в сравнительном анализе подгрупп «Пастбища» и «Постройки для содержания домашнего скота», входящих в ЛСГ лексики «Скотоводство». Статья основана на результатах научных работ по проблеме якутско-монгольских и якутско-тунгусских языковых связей и реконструкции общеалтайской лексики. Авторы опирались также на результаты изысканий по данной проблеме, изложенные в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» [СИГТЯ 2001]. Материалом послужили следующие словари: «Древнетюркский словарь» [ДТС 1969], «Этимологический словарь алтайских языков» [EDAL 2003], «Этимологический словарь тюркских языков» [ЭСТЯ 1974; 1980], «Этимологический словарь монгольских языков» [ЭСМЯ 2015—2018], «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» [ССТМЯ 1975—1977], «Словарь якутского языка» [Пекарский 1958—1959], «Большой толковый словарь якутского языка» [БТСЯЯ 2004—2018], «Толковый словарь традиционного быта калмыков» [Пюрбеев 1996], в том числе переводные: «Большой академический монгольско-русский словарь» [БАМРС 2001—2002], «Бурятско-русский словарь» [БРС 2006—2008], «Калмыцко-русский словарь» [КРС 1977], «Якутско-русский словарь» [ЯРС 1972] и «Диалектологический словарь якутского языка» в двух выпусках [ДСЯЯ I; ДСЯЯ II]. В статье использован метод систематизации лексических единиц по лексико-семантическому принципу, т. е. объединение их на основании смысловой связанности, а также приемы сопоставительного анализа, который подразумевает сравнение опорных якутских лексем с монгольскими и установление общего и специфического в их семантике.

Наличие большого количества фонетических, морфологических и особенно лексических элементов в якутском языке, совпадающих с монгольскими, было отмечено еще в первом научном описании, сделанном О. Н. Бетлингком. В разделах его грамматики последовательно отмечаются параллели из монгольского языка, в том числе в лексике, что нашло отражение в словаре, помещенном в качестве приложения к научному описанию. Здесь обнаруживаем, например, *күрүө* 'огороженное место, где находится скот' [Бетлингк 1990: 519], *хаай* 'замыкать, запирают на замок, заточать, заключать (в тюрьму)' [там же: 520], *дабаан* 'путь вверх на гору, подъем на гору' [там же: 570], *сыарба* 'сани' [там же: 632] и т. д., к которым приведены монгольские соответствия. Наличие большого количества монгольских параллелей в якутском языке дало В. В. Радлову основание утверждать, что в какой-то период развития якутский язык превратился в одно из монгольских наречий [Radloff 1908: 51]. Исследователи убеждены, что лексические монголизмы попали в якутский язык в разное время и из различных монгольских языков [Рассадин 2019: 6]. Монгольским лексическим влиянием на якутский язык занимаются, естественно, и якутские языковеды; историография вопроса обширна, поэтому остановимся на основных работах. Так, Е. И. Убрятова, уделившая специальное внимание истории якутского языка, указала на длительные контакты якутов с монголами, отметив, что появившиеся в результате этого монгольские элементы все-таки не нарушают системный тюркский характер якутского языка [Убрятова 2011: 91]. В работах Н. К. Антонова проанализированы фонетические и семантические особенности именных основ монгольского

и якутского языков, которые имеют общие лексические элементы. Это исследование представляет интерес для лингвистов, изучающих взаимодействие и влияние различных языковых групп. Здесь отмечено также, что большинство якутских терминов оседлого скотоводства заимствованы из монгольского [Антонов 1971: 36]. П. А. Слепцов склонен поддержать мнение о возможных тесных контактах предков современных якутов с монголоязычными племенами на территории Прибайкалья [Слепцов 2007: 78]. Влияние монгольского языка на якутский оказало существенное воздействие на формирование характерных черт якутского диалекта, включая его словарный состав. Диалектные слова являются отражением истории языка и его носителей. Особый интерес представляют данные о говорах, расположенных на периферии, где было обнаружено 1400 лексических заимствований из монгольского языка. Большинство из них обозначают названия природных объектов, инструменты и термины, связанные с рыболовством. Диалектные параллели между якутским и монгольским языками, предположительно, относятся к древнему и среднемонгольскому периодам контактов [Шамаева 2012: 4]. В последних сравнительно-сопоставительных исследованиях лексического состава якутского языка с классификацией его по ЛСГ отмечается, что монгольскими по происхождению являются слова, обозначающие территории, примыкающие к жилищу, и хозяйственные сооружения [Кузьмина 2021: 152]. Существенное количество монгольских параллелей установлено в якутской топонимической лексике, и они связаны с разведением крупного рогатого и конного скота [Иванов 2001: 170]. Затрагивается также проблема якутско-тунгусских параллелей в словарном составе якутского языка [Романова и др. 1975: 111].

В статье рассмотрены якутские лексемы, связанные с пастбищным и стойловым содержанием домашнего скота, в сравнении со словами соответствующего содержания в монгольских языках. В необходимых случаях приведены параллели из тунгусо-маньчжурских языков. Как известно, пастбищно-стойловый способ содержания скота или подвижное скотоводство, при котором семьи мигрируют со своими стадами с одного сезонного пастбища на другое в определенные циклы года, характерно и для тюркских, и для монгольских народов. По предположению якутских исследователей, в старину якуты вели полуседлый образ жизни и кочевали до четырех раз в год. Во всяком случае, выявленные в составе якутских топонимов слова, относящиеся к содержанию скота и имеющие параллели в монгольском, связаны с весенне-летним, осенним, зимним видами хозяйствования [Иванов 2001: 55—56]. Это соотносится со скотоводческим циклом, который у других сибирских тюрков разделяется на весенне-летний и осенне-зимний периоды [Мягков 2009: 16]. Первый из этих периодов основан на выпасе скота на пастбище, а второй — на стойловом содержании скота.

Наименования пастбищ

Для летнего выпаса домашнего скота выбиралось специальное место *мэччирэн* ‘выпас, пастбище’ с подходящей для корма травой и водопоем. Слово образовано от глагола *мэччий* ‘добывать корм, пастись (о стаде, животных)’. «Большой толковый словарь якутского языка» слово *мэччирэн* сравнивает с монг. *бэлчих*, бур. *бэлиэхэ* ‘пастись, находиться на пастбище’ [БТСЯЯ 2005—2018, т. VI: 422]. «Бурятско-русский словарь» приводит *бэлиээри* со значением ‘пастбище, выгон’ [БРС 2006—2008, т. 1: 172], современный монгольский использует в значении ‘пастбище’ лексику *бэлчээр* [БАРМС 2015: 46]. Данное слово сопоставимо также и с калм. *белчр* (*белчур*) ‘пастбище, выпас, пастбищные места’ [Пюрбеев 1996: 18]. Чередование *м/б* в якутском *мэччирэн* и монгольских *бэлиээри*, *бэлчээр*, *белчр* (*белчур*) — известное, широко распространенное как в тюркских, так и в монгольских языках явление [Иванов 2001: 101]. Все это дает основание считать якутское *мэччирэн* ‘пастбище’ заимствованием из монгольского.

К словам, обозначающим места летнего выпаса скота, относится и *сыһыы*. Н. И. Данилова и Н. И. Попова, рассматривая это слово в составе якутской ландшафтной лексики, обратили внимание на то, что «*сыһыы* в современном якутском языке понимается как ‘широкая равнина, луг, долина’» [БТСЯЯ 2005—2018, т. IX: 493]. Тюркологи отмечают присутствие слова *jazy* уже в древнетюркских памятниках в значении ‘степь, равнина’ [ДТС 1969: 251] и считают его производным от глагола *jaz-* ‘расстилать, стелить’, образованным с помощью суффикса *-y* [ЭСТЯ 1989: 73]. Эти же значения приводит «Этимологический словарь алтайских языков»: здесь зафиксирована пратюркская основа в значениях ‘1 плоский, 2 степь, плоская почва, 3 расстилать, расправлять складки’ [EDAL 2003: 473]. Что касается слова *хонуу*, то оно в современных словарях якутского языка переводится как ‘поле, поляна, луг’ [ЯРС 1972: 497; БТСЯЯ 2005—2018, т. XIII: 576—577]. Э. К. Пекарский соотносит его с тюрко-монгольской глагольной основой *хон-*, *хону-* со значением ‘остановиться и переночевать’ [Пекарский 1958—1959: 3478]. Ст. Калужинский ставит знак равенства между якут. *хонуу* и др.-тюрк. *qonu*, которое, в свою очередь, могло произойти от *qop-* со значением ‘опускаться, садиться, оседать, поселяться’. Данная глагольная основа сопоставляется с якут. *хон-* ‘ночевать’ и монг. *qono-* ‘провести ночь’ [Калужинский 1978: 73].

В состав наименований мест для летнего выпаса скота можно включить и якут. *алаас* ‘алас, чистое поле (или луг), окруженное лесом (обычно с озерком по середине)’ [БТСЯЯ 2005—2018, т. I: 391]. Происхождение, значения и употребление этого слова через призму наивной картины мира якутов были рассмотрены в [Дьячковский, Попова 2004]. В [Попов 2003: 66] существительное *алаас* зафиксировано со ссылкой на материалы Э. К. Пекарского в значении ‘елань, луговое или полевое пространство, окруженное лесистой горою’. [ЭСТЯ 1974: 135] возводит его к основе *алан* с соотносимыми с якутским значениями ‘ровная, открытая и обширная местность; поле, долина, равнина’.

К осеннему периоду выпаса скота относится слово *отор*, которое по сей день употребляется в языке тюрков и монголов в значении ‘временное осеннее жилище и выпас скота осенью на отаве’. По свидетельству этнографов, у якутов срок проживания на *оторах* был непродолжительным, к концу XIX в. они почти полностью изжили себя, память о них сохранилась в основном в топонимике [Зыков 1986: 15], однако слово зафиксировали все якутские словари. Так, [БТСЯЯ 2005—2018, т. VII: 363] объясняет это слово как ‘стоянка, где осенью после сенокоса и до первого снега располагалось временное жилище человека’, ‘пастбище с отавой для скота’ и приводит для сравнения алт. *одор* ‘пастбище’. Э. К. Пекарский переводит его как ‘временное, частное летовье’, приводит сочетания с этим словом и сравнивает с кирг. *отар* ‘отдаленное от аула пастбище’ и письм.-монг. *отор* ‘пастбище, на котором скот может ходить без присмотра’ [Пекарский 1958—1959: 1996]. Якутский исследователь Н. К. Антонов отмечает, что данная лексема имеет тюркское соответствие *отар* в значениях ‘пастбище’ и ‘отдаленное от аула пастбище’ и предполагает, что монг. *отор* ‘выпас скота на отгонных пастбищах’ можно считать тюркским [Антонов 1971: 46]. А. А. Кузьмина также включает якут. *отор* в список слов ЛСГ собственно тюркского происхождения и полагает, что в его значении произошло изменение, обусловленное необходимостью приспособления якутов к новым климатическим условиям [Кузьмина 2021: 41]. Из якутских исследователей сравнивает это слово с тюркским и монгольским материалом топонимист Багдарыин Сулбэ, приводя тюрк. *отар* с фонетическими вариантами и письм.-монг. *otur*, монг. *отор* в значении ‘выпас скота на отгонных пастбищах’ [Багдарыин Сулбэ 2019: 191]. Что касается тюркских языков в целом, то в [ДТС 1969: 373] была зафиксирована форма *отуар*, которая имеет значение, схожее с современным *отар* ‘пастбище’.

В [ЭСТЯ 1974: 488] приведено шесть производных значений слова *отар*, но указано, что «центральными и исходными в *отар* следует считать значения 1-й группы». А они следующие: «пастбище; пастбище, отдаленное от аула; выгон; временное, частное летовье» [там же]. Слово, сопоставимое с тюрк. *отар* по значению, приводят исследователи монгольских языков. Так, В. И. Рассадин отметил в калмыцком языке это слово в значении «отгонный (о пастбище)» и объяснил его как общемонгольское, но имеющее тюркское происхождение. Он привел также параллели из старописьменного монгольского, бурятского, халха-монгольского в значениях «выпас скота на отгонных пастбищах; свежая трава весною; пастбище; весенняя облава», «летник, заимка; летняя ферма; дальнейшее пастбище», которые совпадают со значением тюрк. *отар* [Рассадин 2013: 38]. В этих же значениях *отор* зафиксировано в [БРС 2006—2008, т. 2: 54]. В [БАМРС 2001—2002, т. 2: 504] слово *отор* приведено в трех значениях: 1) выпас скота на отгонных пастбищах; 2) свежая трава весною; пастбище; 3) весенняя облава. Очевидно, что значение ‘выпас скота на отгонных пастбищах’, приводимое в монгольских словарях, сопоставимо с общетюркским ‘пастбище, отдаленное от постоянного поселения’. [ЭСМЯ 2015—2018, т. II: 218] в качестве заглавного слова дает вариант *отур* и приводит тюркскую параллель: «*otur* [←*otar] халх. *отор* ‘выпас скота на отгонных пастбищах’; калм. *отр* ‘дальнее пастбище, дальнее охотничье место’; бур. (алар.) *отор* ‘заимка (второе, временное местожительство на период полевых работ)» ◇ ← Тюрк.: кирг. *отор* ‘отдалённое зимнее пастбище, где снега выпадает мало (и, следовательно, есть трава: от трава)». Как показывает материал монгольских словарей, у данного слова есть фонетический вариант с неогубленным гласным *атар* [БАМРС 2001—2002, т. 1: 298; БРС 2006—2008, т. 1: 89], среди значений которого присутствуют ‘пастбище с хорошей нетронутой травой; целина, новь’ [Иванов 2001: 30]. Чередование *o/a* в основе *отор/отар/атар*, связанное с процессами развития фонетической структуры слова (так называемый «акающий» вариант этого слова (*атар*)), в материалах якутского языка отсутствует. Изложенное позволяет предположить, что якут. *отар* может с равной вероятностью быть рефлексом общетюрк. *otar ‘пастбище’ с сингармоническим эффектом, свойственным якутскому языку, и обратным монголизмом.

В современных языках, в том числе в якутском, очевидно, произошло некоторое сужение, конкретизация значения слова. Об этом может свидетельствовать сочетание *отрын бэлчээр* ‘отгонное пастбище’, которое используется в современном монгольском [БАМРС 2001—2002, т. 3: 46]. Здесь можно заметить также, что калм. *отр* обозначает ‘выпас на дальних отгонных пастбищах’ [Пюрбеев 1996: 29]. О семантическом сдвиге в значении слова *отор* ‘пастбище вдали от поселения’ > ‘временное частное летовье’ в современном якутском языке писал Н. К. Антонов, объясняя это переходом якутов на оседлый образ

жизни [Антонов 1971: 46]. Изменение в значении данной основы в якутском языке в связи с приспособлением к новым климатическим условиям отметила А. А. Кузьмина [Кузьмина 2021: 42].

В якутском языке обнаружены основы, обозначающие места выпаса скота недалеко от жилища. Это прежде всего слово *өртүк*, известное в значении ‘огороженное пастбище, огороженный выгон для домашнего скота (близ жилища)’ [БТСЯЯ 2005—2018, т. VII: 463]. Э. К. Пекарский дал более обширное объяснение этому слову: «отгороженное недалеко от дома место, куда загоняется рабочий скот, дойные коровы, кобылы и телята, отгороженное место и усадьба, которыми якут владеет, как наследственный владелец» [Пекарский 1958—1959: 1964]. Тюркским по происхождению считает это слово А. А. Кузьмина (см. [Кузьмина 2021: 223]). [ЭСТЯ 1974: 551] приводит глагольную основу *өрт-/үрт-*, «наиболее распространенным старейшим производным которой является существительное *өртүк/үртүк* с объектным значением ‘покрывало, покров’». Таким образом, якут. *өртүк* по форме совпадает с общетюрк. *өртүк*, но закрепилось в другом значении, сопоставляемым с тюрк. ‘запирать; затворять’, приведенным в [ЭСТЯ 1974]. Якутский язык сохранил также однокоренную с этим словом глагольную основу *өртөө-* со значением ‘пускать скот пастись на привязи (обычно о лошадях)’ [БТСЯЯ 2005—2018, т. VII: 462]. Анализ материала показывает, что тюрк. *өртүк/үртүк* монгольской параллели не имеет, что может говорить о тюркском происхождении слова и о том, что способ пастьбы скота в огороженном выгоне близ жилища был характерен и для тюрков.

К наименованиям пастбищ поблизости от жилища можно отнести якутское слово *оттук*, основным номинативным значением которого является ‘трава на пастбище, подножный корм’ [там же: 367]. В настоящее время оно широко употребляется в северо-восточной диалектной зоне, для которой характерно сохранение архаических черт якутского языка, в значении ‘огороженный выпас для скота недалеко от чего-л.’ [ДСЯЯ I: 191], ‘пастбище’ [Афанасьев 1965: 138], ‘травянистое место, хороший травник, пастбище с хорошей травой’ [Коркина 1992: 68]. Кроме того, Багдарыын Сүлбэ отмечает употребление слова *оттук* в значении ‘пастбище’ в говоре верхоянских якутов и справедливо сопоставляет его с др.-тюрк. *отлуз* [Багдарыын Сүлбэ 2019: 191]. В [ДТС 1969: 373—347] действительно зафиксированы глагольная основа *отла-* ‘пастись’ и отыменная именная основа *отлуу* ‘имеющий траву’. Однако, если рассматривать устаревшее диалектное значение слова — ‘огороженное пастбище, выгон для домашнего скота, расположенный рядом с жилищем’, то можно считать, что *оттук* является фонетическим вариантом слова *өртүк* с тем же значением. Важно подчеркнуть, что многозначность лексики демонстрирует следы развития семантической структуры слов в говорах якутского языка.

Интересно, что В. И. Рассадин включил сопоставимую с калмыцкой основу *отлг* [отльг] в список слов тюркского происхождения, бытующих только в калмыцком языке и его говорах, но не отмечаемых в других монгольских языках [Рассадин, Трофимова 2014: 41]. При этом он сослался на «др.-тюрк. *отлуз* “корыто для корма”, кирг. *отток* “пастбище с хорошей травой”, каз. *оттық* “кормушка для скота”, ног. *отлык*, тат. *утлык*, кумык. *отлукъ* “ясли для скота, кормушка”, уйг. *отлуқ* “луг, пастбище угодя”, туркм. *отлук* “луг, выгон, пастбище”, гагауз. *отлук* “стог сена”, тур. *отлук* “луг, выгон, пастбище; сеновал; стог, скирда”» [там же]. Данные формы образованы от общетюрк. *от* ‘трава’ [ЭСТЯ 1974: 481—483]. Видно, что все перечисленные значения так или иначе связаны с выпасом скота на пастбище или кормлением его травой, что дает основание допустить развитие значения якутского *оттук* ‘имеющий траву’ > ‘пастбище’. Приведенная В. И. Рассадиным основа зафиксирована и в [КРС 1977: 407] с переводом ‘ясли для кормления скота’.

Постройки и сооружения для содержания домашнего скота

В данной тематической группе слов обнаруживается гораздо больше якутских основ, сопоставляемых с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими, по сравнению с предыдущей группой. Как отметил Ф. М. Зыков, «содержание крупного рогатого скота и лошадей в суровых климатических условиях Якутии требовало специальных сооружений, приспособленных к холодной, долгой зиме и жаркому лету, изобилующему комарами и гнусом» [Зыков 1986: 60].

Хозяйственная постройка для зимнего содержания рогатого скота в современном якутском языке обозначается словом *хотон*. Исследователи фиксируют это слово во всех тюркских языках (в том числе в якутском) и сравнивают его и с тюркскими, и с монгольскими основами с таким же значением. В словаре Э. К. Пекарского оно переведено как ‘хлев, помещение для скота; теплый зимний хлев, сарай для коров, коровник, *хотон* (кол.-рус.)’. Для сравнения приведены тюрк. *котан*, *котон* ‘хлев для скота, бур. *хотон* ‘ограда, хлев’, монг. *котан* ‘стена, вал, ограда, город, селение, стойбище’, калм. *хотон* ‘группа кибиток, аул’ [Пекарский 1958—1959: 3531]. [БТСЯЯ 2005—2018, т. XIII: 622] дает значения ‘специальное зимнее помещение для скота, хлев, коровник’ и сравнивает слово с тюрк. *котон*, *котан*

‘загон; сарай; хлев’, в работе А. А. Кузьминой это слово фигурирует как собственно тюркское [Кузьмина 2021: 223] (см. [ЭСТЯ 2000: 82—83; СИГТЯ 2001: 524—525]). Н. К. Антонов указал, что, хотя в уйгурском, чагатайском, казахском языках имеются совпадающие с якутским как по форме, так и по значению слова, у современных тюрков они широко не известны, а в монгольских языках это слово демонстрирует «широкую употребительность», что дает основание считать его исконно монгольским [Антонов 1971: 50]. С. А. Иванов отметил, что якут. *хотон* сохранило древнее значение ‘загон для скота’ и имеет тюркские и монгольские параллели [Иванов 2017: 213]. Авторы «Этимологического словаря тюркских языков» указывают на отсутствие слова *қотан* в древнетюркских памятниках, считают его заимствованием и солидарны с исследователями, которые относят тув. *қодан* и якут. *хотон* к монголизмам [ЭСТЯ 2000: 83]. Такая же точка зрения на происхождение приведенной основы изложена в [СИГТЯ 2001: 524].

В современном монгольском словаре слово *хот* зафиксировано в трех значениях: 1) город; 2) хотон, группа юрт (совершающие совместную перекочевку); 3) стойбище, загон для скота, ограда, ограждение [БАМРС 2001—2002, т. 1: 978]. Для монгольской этимологии приводятся халх., калм. *хот* ‘загон для скота, хлев’ [ЭСМЯ 2015—2018, т. III: 60]. В данной словарной статье указано, что якутское слово со значением ‘коровник’ имеет параллели в северо-монгольских языках: халха-монгольском, калмыцком, бурятском. Слово заимствовано в эвенкийский и маньчжурский языки. [БРС 2006—2008, т. 2: 453] зафиксировал два значения слова *хотон*: 1) загон, стайка, хлев; 2) стойбище, становище. Здесь приведено толкование слова, данное В. Я. Владимирцовым и Н. Н. Поппе, согласно которому «*хотон* — это кочевой поселок, кочевое поселение, группа вместе кочующих юрт, первоначально сородичей». Из других работ видно, что вполне можно допустить реконструкцию слова *kotan со значениями ‘ограждение; город-крепость’ для прамонгольского состояния [Nugteren 2011: 421].

К важным внутренним элементам зимнего хлева *хотон* относится устройство для подачи сена, которое обозначается синонимами *долборук/күкүр* [Пекарский 1958—1959: 731; БТСЯЯ 2005—2018, т. III: 152]. Причем их употребление имеет явное распределение по говорам: носителям восточных говоров известно *долборук*, а в западных используется *күкүр*. Употребление разных номинаций одного понятия в говорах якутского языка — распространенное явление и служит одним из способов образования в якутском языке абсолютных лексических синонимов [Васильева 1996: 76]. По поводу синонимичной пары *долборук/толборук* Н. К. Антонов придерживался мнения, что «якутские названия яслей для скота возникли в разных говорах якутов позже самостоятельно и по-разному, причем словообразование происходило почему-то от монгольских основ: — подставка, *талбиху* — класть, ставить, положить; *күкүр*, по-видимому, от *хөкүүр* — бурдюк» [Антонов 1971: 52]. «Диалектологический атлас якутского языка» действительно свидетельствует, что слова *долборук/толборук* и *күкүр* являются синонимами и имеют территориальную закрепленность. Так, носители западных говоров употребляют *күкүр*, а центральных (это заречные говоры) и далее северо-восточных — *долборук/толборук* [ДАЯЯ 2010: 66]. Синонимический ряд *долборук, күкүр* в значении ‘ясли для скота’ пополняется в говорах якутского языка основой *кэллргэ*, имеющей фонетические варианты *кэдилгэ, кэдилгэх, кэдиргэ, кэдиргэх* [БТСЯЯ 2005—2018, т. V: 475; ДСЯЯ I: 143]. Н. К. Антонов допускает происхождение основы *кэллргэ* от монгольской *кэрлгэ* со значением ‘забор’ [Антонов 1971: 52]. Что касается происхождения слова *долборук* (как и *долбуур* — ‘полка’) от монг. *талбиуур*, то «Этимологический словарь якутского языка», так же как и Н. К. Антонов [там же], возводит его к монгольскому *тавиур* ‘подставка’, письм.-монг. *талбиуур* ‘подставка’ [Попов 2003: 162]. Предположение о связи якут. *долборук* и монг. *тавиур, талбиуур* ‘подставка’, видимо, появилось из-за значения 2) ‘полка для хранения молочных продуктов’, отмеченного в вилюйских, т. е. западных, говорах якутского языка [ДСЯЯ 1976: 87].

Отметим, что в тунгусо-маньчжурских языках известно слово *далба*, которое в эвенкийских говорах имеет варианты *далбантур, далбур, залба* и означает 1) ‘полка (для посуды и пр.)’; 2) ‘место в чуме (около входа для хозяйственных принадлежностей)’. [ССТМЯ 1975—1977: 193] сравнивает его с письм.-монг. *talbiyur*, монг. *тавиур*, бур. *тавиуур* в значениях: 1) ‘подставка’; 2) ‘столлик’ и якут. *далбуур/долбуур* ‘полка (для посуды на левой женской стороне юрты)’. Это дает обоснование для предположения об эвенкийском происхождении слова *долборук* от эвенк. *далба*. Оно имеет аффикс *-рук*, который активно образует «отыменные названия вместилищ» [Цинциус 1947: 258].

Что касается якут. *күкүр*, то оно имеет параллели в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Якутские словари отсылают его к *долборук* и для сравнения приводят бур. *хүхчүр*, монг. *хөхүүр* ‘бурдюк’ [БТСЯЯ 2005—2018, т. III: 598]. Общемонгольской основой этого слова является *köküür* [*kökü-gür] со следующими рефлексами: халх. *хөхүүр*, бур. *хүхүүр*, калм. *хөкүр* ‘кожаный бурдюк, мешок’ [ЭСМЯ 2015—2018, т. II: 138]. Словари современных монгольских языков приводят образования от этой основы в сопоставимом значении: монг. *хөхүүр* 1) бурдюк (из шкуры крупного рогатого скота); 2) металлический сосуд для чая, чайник [БАМРС 2001—2002, т. 2: 151], бур. *хүхүүр* ‘бурдюк, мешок из шкур’ [БРС

2006—2008, т. 2: 507]. Из тюркских языков, видимо, эта основа в значении ‘бурдюк’ известна в кирг. *көөкөр* ‘бурдючок’ [ЭСМЯ 2015—2018, т. II: 138], ‘бурдючок (с горлышком для кумыса из тисненой верблюжьей кожи; по форме напоминает плоский графин)’ [КиргРС 1965: 425]. Если допустить монгольско-якутскую параллель *хөхүүр/хүхүүр/хөкүр/күкүр*, то возможен семантический сдвиг в значении основы в якутском. Кроме того, в говорах якутского языка *күкүр* имеет значение ‘сарай для хранения орудий труда’ [ДСЯЯ I: 130], что тоже говорит о сдвиге значения первичной основы. Сдвиг мог произойти по следующему пути: ‘бурдюк как кожаная торба для кормления лошади на ходу’ > ‘устройство для подачи корма’ > ‘устройство для хранения сена’. Такое развитие значения указывает на постепенный переход якутов к стойловому содержанию домашнего скота для приспособления к новым холодным климатическим условиям.

Для содержания домашнего скота в летнее время якуты сооружали *титиик* — летний хлев для скота, постройка, служащая «для защиты дойных коров и телят от летней жары и дождя, от комаров и гнуса, поэтому щели на стенах между бревнами не обмазывались для лучшего проветривания» [Зыков 1986: 62]. В современных словарях якутского языка оно сопоставляется с тюрк. *түтик* ‘место для дымокура, место, где устраивают дымокур’ [БТСЯЯ 2005—2018, т. X: 384]. В словаре Э. К. Пекарского это слово представлено в более обширном значении: ‘летний хлев для рогатого скота, скотник (постройка, служащая для доения коров)’; ‘помещение, куда загоняются кобылы для удоя’; ‘шалаш для конного скота в непогоду’ [Пекарский 1958—1959: 2690]. В материалах говоров якутского языка *титиик* отмечено в значении ‘шалаш для временного житья летом’ [ДСЯЯ I: 240]. А. А. Кузьмина считает, что оно тунгусо-маньчжурского происхождения [Кузьмина 2021: 228], хотя [ССТМЯ 1975—1977, т. II: 189] *титик* ‘шалаш из любого материала’ отводит к якут. *титиик* ‘летний хлев для рогатого скота, шалаш для лошадей в непогоду’.

[ДТС 1969: 601] приводит глагольную основу *tüt-* ‘дымиться, испускать дым’, а также имя от нее *tütün* ‘дым’. Если современное якут. *титиик* действительно восходит к тюркской основе, то развитие значения ‘летний хлев для скота’ < ‘место для дымокура, место, где устраивают дымокур’ вполне допустимо, поскольку около летнего якутского помещения для доения скота устраивался дымокур. Кроме того, возможным аргументом для такого допущения может служить то, что в некоторых тюркских языках, в частности киргизском, однокоренное с якут. *титиик* слово *түтүн* вмещает в себя значения: 1. дым, 2. двор, дом; 3. юрта [КиргРС 1965: 785—786]. Вокалическое соответствие *ü > i* возможно объяснить отмеченными якутскими исследователями случаями, когда «в некоторых корневых основах язык якутов сохраняет нелабиализованные варианты, тогда как в других тюркских языках они оказались огубленными, что прослеживается с древнейших времен: якут. *миин-* ‘садиться верхом’ — др.-тюрк. *бын-* ~ *мин-* ~ *мун-* ‘садиться верхом’ (ДТС, 100, 344, 353); якут. *мин, миин* ‘суп, бульон’ — др.-тюрк. *бүн* ~ *мүн* ‘похлебка, суп’ (ДТС, 132, 352); якут. *сим-* ‘закрывать глаза, жмуриться’ — др.-тюрк. *йүм-, йум-* ‘закрывать, зажмуривать’ (ДТС 279, 286)» [Иванов 1993: 50].

Явные, установленные монгольские параллели имеет якутская основа *дал* в значении ‘загон для скота’ [БТСЯЯ 2005—2018, т. III: 90]. В словаре Э. К. Пекарского эта основа приведена в более широком значении: ‘скотский пригон; загород для загона лошадей (*сылгы дала*) или коров (*ынах дала*); скотный двор, надворье’ [Пекарский 1958—1959: 668]. Сопоставляют ее с монгольской *дал* и другие исследователи якутского языка [Антонов 1971: 48; Кузьмина 2021: 226]. Эта основа присутствует в словаре якутско-монгольских лексических параллелей со значением в монгольском языке ‘теплый крытый загон для крупного скота’ [Васильев 2007: 13]. «Древнетюркский словарь» слово *дал* не приводит. В [EDAL 2003: 460] указывается основа *dala* (~ *-e-*), прамонгольский рефлекс которой **dal* (‘хлев, стойло’) сохранился в современном монгольском, халха-монгольском, бурятском и калмыцком.

Что касается словарей монгольских языков, то это слово там неизменно присутствует. Так, в [ЭСМЯ 2015—2018, т. I: 166] зафиксировано DAL¹ в халхаском и бурятском в значениях ‘навес, хлев, тёплый загон для скота’. В современном монгольском оно имеет омонимы, из них сопоставимым с якутским является значение ‘теплый крытый загон для крупного скота, навес, хлев; прикрытие, укромное место, за-слон (от снежных заносов)’ [БАМРС 2001—2002: 23]. В бурятском языке слово *дал* понимается как ‘большой, открытый с одной стороны хлев; навес, двор; стайка *обл.*’ [БРС 2006—2008, т. 1: 253]. Изложенное позволяет заключить, что в современном якутском языке произошло сужение значения.

В связи с основой *дал* со значением ‘загон для скота’ представляет интерес якут. *далда/далла/даллаа*, которое в говорах имеет значение ‘укрытие для скота’ [ДСЯС 1995: 64]. В общенациональном языке оно известно в значении ‘дощатый щиток для укрытия от зверя (напр., дикого оленя) и стрельбы, устанавливаемый на лыжах охотника’ [Пекарский 1958—1959: 671; БТСЯЯ 2005—2018, т. III: 99—100]. Якутские исследователи сравнивают его с монг. *далд* ‘скрытое, укрытое место, тайник; скрытый, тайный’ [Васильев 2007: 15]. Многозначная основа *далда* присутствует и в [ЭСТЯ 1980: 138], где она интерпретируется

вана как «довольно ранний (не позднее XIII века) монголизм, проникший в тюркские языки, преимущественно в огузские», при этом в данной группе тюркских языков сохранилось общемонгольское значение ‘защита’. Словарь допускает, что остальные значения, в том числе ‘защищенное от ветра место, укрытие’, предположительно, могли сформироваться уже на тюркской почве. [ЭСМЯ 2015—2018, т. I: 166] основу *dalda* подает как образованное от *dal* со значениями в халх., бур. ‘навес, хлев, тёплый загон для скота’ и приводит параллели: маньчж. *dalda* ‘закрытие; тень’; кирг. *далда* ‘прикрытие, укрытие, убежище’. Современный монгольский язык употребляет основу *далд* в значении ‘тайный, скрытный, потаенный’ [БАМРС 2001—2002: 26], в бурятском имеется основа *далда* в том же значении [БРС 2006—2008, т. 1: 255], а в калмыцком — *дал* ‘тёплый загон для крупного рогатого скота’ [Пюрбеев 1996: 69]. Основа *далда* имеет и тунгусо-маньчжурские параллели, из которых к якутскому ‘укрытие для скота’ по значению ближе всех эвен. *далда* ‘шалаш’ (временное укрытие из ветвей кедрового стланика или сена) и маньчж. *далда* ‘навес; убежище’. В [ССТМЯ 1975—1977, т. I: 195] в качестве источника слова *далдā* ‘укрыть’ со знаком □ указано п.-мо. *dalda-* в значениях ‘1. тайно, скрытно; 2. тайный, скрытный; 3. тайна’ и для сравнения приведена основа *дал-*. А эта основа со значением ‘закрывать’ также отсылается к п.-мо. *dal* ‘тёплый крытый загон для крупного скота’, монг. *дал* ‘тёплый крытый загон для крупного скота’, бур. *дал* ‘навес, хлев, стойка (для скота)’ и др.-тюрк. *jaşur* ‘закрывать’ [там же: 192]. Алтайская этимология выводит монг. *далд/далда/далдэ* от основы *дал-* ‘тайный, спрятанный’. Любопытно, что в тюркских языках существует аналогичная основа, которая звучит как **jal-* ‘закрывать(ся), прятать(ся)’, рефлексией которой в якутском послужила глагольная основа *сас-* ‘прятаться, скрываться’ [EDAL 2003: 462]. Получается, что общеалтайская основа *dāla* (~-o) в якутском языке сохранила тюркский рефлекс праформы, но в то же время заимствовала рефлекс из монгольского, что, скорее всего, произошло в более поздние времена.

К числу основ, имеющих монгольские параллели, относится также якут. *xahaa*, которое в современном языке имеет значения ‘конюшня, стойло для лошадей и жеребят’ [БТСЯЯ 2005—2018, т. XIII: 424]. «Большой толковый словарь» для сравнения приводит как древнетюркскую основу *хасы* ‘загон для скота’, так и тюрко-монгольскую *кашаа*, *хашаа* ‘забор, крытый двор; хлев’ параллели. Э. К. Пекарский сравнивает слово *хасаа* с тюркскими и монгольскими и переводит его как ‘холодный хлев, навес (стойло) для лошадей и жеребят, конюшня, жеребятник; повет с яслями; летнее стойло, летний хлев (для жеребят), загон (ср. хотон)’ [Пекарский 1958—1959: 3383]. Н. К. Антонов относит его к четырем якутским терминам оседлого скотоводства, имеющим тюркские параллели [Антонов 1971: 47]. В исследовании А. А. Кузьминой эта основа включена в список лексем монгольского происхождения [Кузьмина 2021: 226]. Как видно из словарей якутского языка, слово *xahaa* больше связано с уходом за лошадьми, чем за коровами. Это подтверждают и этнографические исследования, в которых данная постройка определяется как «крытый загон для лошадей, сооружаемый для защиты от метелей, снежных заносов и атмосферных осадков для рабочих лошадей и жеребых кобыл вблизи дома» [Зыков 1986: 63].

В монгольских языках сопоставимая с якут. *xahaa* широко употребляется, например, бур. *хашаа* ‘ограда, забор, изгородь’ [БРС 2006—2008, т. II: 417], калм. *хаша* ‘загон, скотный двор, помещение для скота’ [Пюрбеев 1996: 34]. В современном монгольском оно многозначно: 1) забор, изгородь, ограда, частокол; тын; 2) двор; хозяйство; подворье; 3) загон [БАМРС 2013: 929—930]. Общемонгольский этимон *qasu* трактуется как отглагольное имя, восходящее к глагольной основе *qas-* ‘окружать, огораживать, обносить забором’. [ЭСМЯ 2018: 39] отметил слово *QASI*¹, распространенное в северомонгольских языках в следующих значениях: «Халх., калм. *хаш-* окружать, огораживать; бур. *хаша-* прижимать, припирать, протискивать; (перен.) притеснять». К этому слову приведена параллель: «др.-тюрк. *qasi* загон для скота, связанный из прутьев» [там же]. [ЭСТЯ 1997: 346] для первой рубрики основы *КАША* привел, кроме прочих значений, якутское «загон — як.». И там же в комментариях написано, что «слово это имеет монг. происхождение, о чем уже упоминалось в литературе (RAM. KWb.171; Joki LS 174; Kał 32; Räs. WEVT 240ab. Причем источником тюрк. форм послужили, видимо, разные монг. оригиналы» [там же]. Таким образом, в современном якутском значение основы сузилось и обозначает ‘конюшня, стойло для лошадей и жеребят’.

К тематической группе «Постройки и сооружения для содержания домашнего скота» относится также якутское слово *күрүө*. В современном якутском языке оно имеет несколько значений, из них к тематике статьи подходит ‘загон для временного содержания скота, лошадей’ [БТСЯЯ 2005—2018, т. V: 94]. Похожие значения приводит словарь Э. К. Пекарского: ‘огороженное место, где находится скот, где сохраняется сено’ и т. д.; ‘пригон, загон для скота’. Слово *күрүө* здесь сравнивается с тюрк. *кура* (*кура*), *күрā*, а также приводятся бурятские и монгольские параллели [Пекарский 1958—1959: 1336]. Исследователи якутского языка относят его к лексике, имеющей монгольские параллели [Антонов 1971: 48; Кузьмина 2021: 205, 226]. В [EDAL 2003: 745] дана общеалтайская основа **kuri* со значениями ‘плетень,

забор, ограждение, здание', из приведенных параллелей с якут. *күрүө* 'загон для временного содержания скота, лошадей' по значению ближе всех монг. **kürjen*. Распространенная в монгольских языках — халхаском, бурятском, калмыцком — основа *küriye* первичным номинативным значением имеет 'изгородь, ограда' и сравнивается с киргизским, маньчжурским, эвенкийским [ЭСМЯ 2015—2018, т. II: 150]. Рефлексом прамонгольской основы *küriye* в современном бурятском является *хорёо* '1) ограда, изгородь, загородка'; *хорёо шэбээ* 'изгородь, ограда, забор'; *газар хорёо* 'поскотина, изгородь на поле' [БРС 2006—2008, т. II: 448]. [ССТМЯ 1975—1977: 436] в качестве источника, распространенного в тунгусо-маньчжурских языках, слова *куре* 'ограда' указывает на п.-мо. В большинстве языков этой группы, кроме 'ограда, изгородь, забор', присутствует значение 'загон (для оленей)'. При этом данная основа сравнивается также с соответствующим якутским словом *күрүө*. Таким образом, якутская именная основа *күрүө* в значении 'загон для временного содержания скота, лошадей' по своему значению сопоставимо с приведенными тунгусскими и монгольскими основами.

Заключение

Итак, рассмотрение основной лексики, выражающей наименования пастбищ и мест стойлового содержания домашнего скота в сравнительном аспекте, показало ее неоднородный состав. Для наименования пастбищ в современном якутском языке употребляются четыре слова, два из которых имеют монгольские параллели. Первое — *мэччирэн* 'выпас, пастбище' — обозначает места для летнего выпаса домашнего скота с подходящей для корма травой и водопоем. Результат анализа дает основание считать это слово заимствованием из монгольских языков. К осеннему периоду выпаса скота относится слово *отор*, которое сохранилось в языке тюрков и монголов в значении 'временное осеннее жилище и выпас скота осенью на отаве'. Данное слово имеет также тунгусские параллели. Тюркское происхождение прослеживается у якутских основ *өртүк/үртүк* и *оттук*. Первая из них известна в значении 'огороженное пастбище, огороженный выгон для домашнего скота (близ жилья)'. Во многих тюркских языках употребляются фонетические варианты др.-тюрк. *otluq* в значениях 'ясли для кормления скота' и 'пастбище'. Наличие этих двух основ говорит о распространении у якутов двух разных способов содержания скота — стойловом и пастбищном.

Якутские слова, сопоставляемые с монгольскими, обнаруживаются и в тематической группе «Постройки и сооружения для содержания домашнего скота». В эту группу входит пять основ: *хотон*, *титиик*, *дал*, *хаһаа*, *күрүө*, — четыре из которых заимствованы из монгольских языков. Якутское слово *хотон* 'специальное зимнее помещение для скота, хлев, коровник' имеет тюркские и монгольские параллели, но является заимствованием из монгольских языков. Явные, установленные монгольские параллели имеет и якутская основа *дал* в значении 'загон для скота'. Тюркологи рассматривают ее как один из ранних монголизмов, а также находят в ней сходство с языками тунгусо-маньчжурской группы. К числу основ, сопоставимых с монгольскими, относится также якут. *хаһаа*, которое в современном языке означает 'конюшня, стойло для лошадей и жеребят'. Слово *күрүө* со значениями 'плетень, забор, ограждение, здание' также относится к очевидным монголизмам.

К тюркской глагольной основе *tüt-* 'дымиться, испускать дым' восходит современное якутское слово *титиик* 'летний хлев для скота'. Развитие значения 'летний хлев для скота' < 'место для дымокура, место, где устраивают дымокур' вполне допустимо, поскольку около летнего якутского помещения для доения скота устраивался дымокур для защиты от комаров, мошкары и т. д.

К важным внутренним элементам зимнего хлева *хотон* относится устройство для подачи сена, которое в якутском языке обозначается синонимами *долборук/күкүр*. Оба они имеют монгольские параллели: *долборук//тавиур* 'подставка', письм.-монг. *талбигуур* 'подставка', *күкүр//хөхүүр*, *хүхүүр//хөкүр/күкүр*, но с семантическим сдвигом в значении основы в якутском языке.

Как можно видеть из приведенного материала, якутская лексика, входящая в тематическую группу «Названия пастбищ и животноводческих построек», достаточно хорошо сохранила монгольские параллели. Так, из четырех якутских названий пастбищ доказанное монгольское происхождение имеет *мэччирэн* 'выпас, пастбище'. А слово *отор* 'временное осеннее жилище и выпас скота осенью на отаве' может быть как рефлексом общетюрк. **otar* 'пастбище' с сингармоническим эффектом, так и обратным монголизмом. Из пяти названий построек и сооружений для содержания домашнего скота четыре сопоставимы с монгольскими.

Таким образом, анализ материала показал, что лексика якутского языка, связанная с пастбищным содержанием скота, представлена основами как тюркского, так и монгольского происхождения. А большую часть лексики стойлового содержания скота (6 из приведенных в статье 8) занимают монгольские заимствования.

Якутские слова, обозначающие пастбища и животноводческие постройки

	Слова тюркского происхождения	Монгольские заимствования	Тунгусо-маньчжурские заимствования
Лексика, связанная с пастьбой	<i>алаас</i> 'чистое поле (или луг), окруженное лесом (обычно с озерком посередине)'; <i>оттук</i> 'огороженный выпас для скота недалеко от чего-л., пастбище'; <i>өртүк</i> 'огороженное пастбище, огороженный выгон для домашнего скота (близ жилья)'; <i>сыһыы</i> 'широкая равнина, луг, долина; пастбище'; <i>хонуу</i> 'поле, поляна, луг'	<i>мэччирэн</i> 'выпас, пастбище'; <i>отор</i> 'временное осеннее жилище и выпас скота осенью на отаве'	
Лексика, связанная со стойловым содержанием	<i>оттук/өттүк</i> 'ясли для кормления скота'; <i>титиик</i> 'летний хлев для скота'	<i>хотон</i> 'зимнее помещение для скота, хлев, коровник'; <i>дал</i> 'загон для скота'; <i>хаһаа</i> 'конюшня, стойло для лошадей и жеребят'; <i>күрүө</i> 'загон для временного содержания скота, лошадей'; <i>долборук</i> 'устройство для подачи сена'; <i>күкүр</i> 'ясли в хлеву'	<i>долборук</i> от эвенк. 1) полка (для посуды и пр.); 2) место в чуме (около входа для хозяйственных принадлежностей)

Сокращения

Языки

алт. — алтайский
бур. — бурятский
гагауз. — гагаузский
др.-тюрк. — древнетюркский
каз. — казахский
калм. — калмыцкий
кирг. — киргизский
кумык. — кумыкский
маньчж. — маньчжурский
монг. — монгольский
ног. — ногайский
общетюрк. — общетюркский
прамонг. — прамонгольский

п.-мо. — письменно-монгольский
рус. — русский
тат. — татарский
тув. — тувинский
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
тюрк. — тюркский
уйг. — уйгурский
халха-монг. — халха-монгольский
эвен. — эвенский
эвенк. — эвенкийский
якут. — якутский

Словари

БАМРС 2001—2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001—2002.

БРС 2006—2008 — Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006—2008.

БТСЯЯ 2005—2018 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. I—XV. Новосибирск: Наука, 2005—2018.

ДАЯЯ 2010 — Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. 2: Морфология и лексика. Новосибирск: Наука, 2010

ДСЯЯ I — Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976.

- ДСЯС II — Диалектологический словарь языка саха / Сост. М. С. Воронкин, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977.
- КиргРС 1965 — Киргизско-русский словарь / Сост. К. К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Пекарский 1958—1959 — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1958—1959.
- Попов 2003 — Г. В. Попов. Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003.
- Пюрбеев 1996 — Г. Ц. Пюрбеев. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1996.
- ССТМЯ 1975—1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1—2. Л.: Наука, 1975—1977.
- ЭСМЯ 2015—2018 — Этимологический словарь монгольских языков: В 3 т. / Гл. ред. Г. Д. Санжеев; ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: Институт востоковедения РАН, 2015.
- ЭСТЯ 1974 — Э. В. Севортыан. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974.
- ЭСТЯ 1980 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д» / Отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1980.
- ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997.
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ» / Авт. сл. ст. Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Индрик, 2000.
- ЯРС 1972 — Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972.
- EDAL 2003 — S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003.

Литература

- Антонов 1971 — Н. К. Антонов. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971.
- Афанасьев 1965 — П. С. Афанасьев. Говор верхоянских якутов. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1965.
- Багдарыын Сүлбэ 2019 — Багдарыын Сүлбэ. Словарь топонимной лексики Республики Саха. Якутск: Бичик, 2019.
- Бетлингк 1990 — О. Н. Бетлингк. О языке якутов / Пер. с нем. В. И. Рассадина. Новосибирск: Наука, 1990.
- Васильев 2007 — Ю. И. Васильев. Якутско-монгольские лексические параллели: словарь. Якутск: Дани Алмас, 2007.
- Васильева 1996 — Н. Н. Васильева. Лексические синонимы в языке саха. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 1996.
- Данилова, Попова 2021 — Н. И. Данилова, Н. И. Попова. Ландшафтная лексика в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021, 4 (37). С. 65—76.
- Дьячковский, Попова 2004 — Ф. Н. Дьячковский, Н. И. Попова. Алаас как концепт якутской лингвокультуры // Урало-алтайские исследования. 2004, 1 (12). С. 58—67.
- Зыков 1986 — Ф. М. Зыков. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов (XIX — начало XX в.). Историко-этнографическое исследование. Новосибирск: Наука, 1986.
- Иванов 2001 — Н. М. Иванов. Монголизмы в топонимии Якутии. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2001.
- Иванов 1993 — С. А. Иванов. Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. Новосибирск: Наука, 1993.
- Иванов 2017 — С. А. Иванов. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017.
- Калужинский 1978 — Ст. Калужинский. Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (II) // Rocznik orientalistyczny. 1978. Т. 40. Z. 1. P. 71—82.
- Коркина 1992 — Е. И. Коркина. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992.
- Кузьмина 2021 — А. А. Кузьмина. Лексика якутского языка. Формирование одно- и двусложных основ имен существительных. Новосибирск: Наука, 2021.
- Мягков 2009 — Д. А. Мягков. Традиционное хозяйство барабинских татар во второй половине XIX — первой половине XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009.
- Рассадин 2013 — В. И. Рассадин. О некоторых пластах лексики калмыцкого языка в контексте монгольских языков. Элиста, 2013.
- Рассадин 2019 — В. И. Рассадин. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / Под ред. А. В. Дыбо. СПб.: Нестор-История, 2019.
- Рассадин, Трофимова 2014 — В. И. Рассадин, С. М. Трофимова. Лексика калмыцкого языка сквозь призму тюрко-монгольской лингвистической общности // Вестник Бурятского государственного университета. 2014, 10 (3). С. 36—45.

- Романова и др. 1975 — *А. В. Романова, А. Н. Мыреева, П. П. Бараишков*. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. Л.: Наука, 1975.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001.
- Слепцов 2007 — *П. А. Слепцов*. Саха тылын историята. Дьокуускай: Саха госуниверситетын издательствота, 2007.
- Убрятова 2011 — *Е. И. Убрятова*. Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011.
- Цинциус 1947 — *В. И. Цинциус*. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология. Л., 1947.
- Шамаева 2012 — *А. А. Шамаева*. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка. Автореф. канд. дис. ... филол. наук. Якутск, 2012.
- Широбокова 2001 — *Н. Н. Широбокова*. Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001.
- Щербак 1986 — *А. М. Щербак*. Тюрко-монгольские языковые связи (К проблеме взаимодействия и смешения языков) // Вопросы языкознания. 1986, 4. С. 47—59.
- Kaluzynsky 1961 — *St. Kaluzynsky*. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.
- Nugteren 2011 — *H. Nugteren*. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht, 2011.
- Radloff 1908 — *W. Radloff*. Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen. SPb., 1908.

References

- Afanas'ev 1965 — P. S. Afanas'ev. Govor verkhoyanskikh yakutov. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. {P. S. Afanas'ev. The subdialect of the Verkhoyansk Yakuts. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965.}
- Antonov 1971 — N. K. Antonov. Materialy po istoricheskoi leksike yakutskogo yazyka. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. {N. K. Antonov. Materials on the historical vocabulary of the Yakut language. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971.}
- Bagdaryyn Sylbeh 2019 — Bagdaryyn Sylbe. Slovar' toponimnoi leksiki Respubliki Sakha. Yakutsk: Bichik, 2019. {Bagdaryyn Sulbe. Dictionary of toponymic vocabulary of the Republic of Sakha. Yakutsk: Bichik, 2019.}
- BAMRS 2001—2002 — Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar': V 4 t. / Otv. red. G. Ts. Pyurbeev. Moskva: Academia, 2001—2002. {Great Academic Mongolian-Russian Dictionary: In 4 vol. / Ed.-in-chief G. Ts. Pyurbeev. Moscow: Academia, 2001—2002.}
- Betlingk 1990 — O. N. Betlingk. O yazyke yakutov / Per. s nem. V. I. Rassadina. Novosibirsk: Nauka, 1990. {O. N. Boetlingk. On the language of the Yakuts. Novosibirsk: Nauka, 1990.}
- BRS 2006—2008 — Buryatsko-russkii slovar': V 2 t. Ulan-Udeh: Respublikanskaya tipografiya, 2006—2008. {Buryat-Russian dictionary: In 2 vol. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2006—2008.}
- BTSYaYa 2005—2018 — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka. T. I—XV. Novosibirsk: Nauka, 2005—2018. {Great explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. I—XV. Novosibirsk: Nauka, 2005—2018.}
- Danilova, Popova 2021 — N. I. Danilova, N. I. Popova. Landshaftnaya leksika v yakutskom yazyke. In: Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2021, 4 (37). S. 65—76. {N. I. Danilova, N. I. Popova. Landscape vocabulary in the Yakut language. In: North-Eastern Humanities Bulletin. 2021, 4 (37). P. 65—76.}
- DAYaYa 2010 — Dialektologicheskii atlas yakutskogo yazyka. Chast' II: Morfologiya i leksika. Novosibirsk: Nauka, 2010. {Dialectological atlas of the Yakut language. Vol. II: Morphology and vocabulary. Novosibirsk: Nauka, 2010.}
- DSYaYa I — Dialektologicheskii slovar' yakutskogo yazyka / Sost. P. S. Afanas'ev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Moskva: Nauka, 1976. {Dialectological dictionary of the Yakut language / Comp. P. S. Afanasiev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Moscow: Nauka, 1976.}
- DSYaYa II — Dialektologicheskii slovar' yakutskogo yazyka / Sost. M. S. Voronkin, Yu. I. Vasil'ev. Novosibirsk: Nauka, 1995. {Dialectological dictionary of the Yakut language / Comp. M. S. Voronkin, Yu. I. Vasiliev. Novosibirsk: Nauka, 1995.}
- DTS 1969 — Drevnetyurkskii slovar'. Leningrad: Nauka, 1969. {Early Turkic Dictionary. Leningrad: Nauka, 1969.}
- D'yachkovskii, Popova 2004 — F. N. D'yachkovskii, N. I. Popova. Alaas kak kontsept yakutskoi lingvokul'tury. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2004, 1 (12). S. 58—67. {F. N. Diachkovsky, N. I. Popova. Alaas as a concept of the Yakut linguistic culture In: Ural-Altaic Studies. 2004, 1 (12). P. 58—67.}
- EDAL 2003 — S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- EHSMya 2015—2018 — Ehtimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: V 3 t. / Gl. red. G. D. Sanzheev, red. L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2015—2018. {Etymological Dictionary of the Mongolian languages: In 3 vol. / Ed.-in-chief G. D. Sanzheev; eds. L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman. Moscow: IV RAS, 2015.}

EHSTYa 1974 — E. V. Sevortyan. Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshechetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye. Moskva: Nauka, 1974. {E. V. Sevortyan. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Vowel Stems. Moscow: Nauka, 1974.}

EHSTYa 1980 — Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshechetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy “V”, “G” i “D” / Otv. red. N. Z. Gadzhieva. Moskva: Nauka, 1980. {Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic stems ending with letters “V”, “G” and “D” / Ed.-in-chief N. Z. Gadzhieva. Moscow: Nauka, 1980.}

EHSTYa 1997 — Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshechetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy “K”, “K” / Otv. red. G. F. Blagova. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1997. {Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic stems ending with letters “K”, “K” / Ed.-in-chief G. F. Blagova. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1997.}

EHSTYa 2000 — Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshechetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu “K” / Avt. sl. statei L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Moskva: Indrik, 2000. {Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and Inter-Turkic stems ending with letters “K” / Author of articles L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Moscow: Indrik, 2000.}

Ivanov 2001 — N. M. Ivanov. Mongolizmy v toponimii Yakutii. Yakutsk: IGI AN RS(Ya), 2001. {N. M. Ivanov. Mongolisms in the toponymy of Yakutia. Yakutsk: IGI AN RS(Ya), 2001.}

Ivanov 1993 — S. A. Ivanov. Tsentral'naya gruppa govorov yakutskogo yazyka. Fonetika. Novosibirsk: Nauka, 1993. {S. A. Ivanov. The central group of subdialects of the Yakut language. Phonetics. Novosibirsk: Nauka, 1993.}

Ivanov 2017 — S. A. Ivanov. Leksicheskie osobennosti govorov yakutskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 2017. {S. A. Ivanov. Lexical features of subdialects of the Yakut language. Novosibirsk: Nauka, 2017.}

Kaluzhinskii 1961 — St. Kaluzynsky. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.

Kaluzhinskii 1978 — St. Kaluzhinskii. Ehtimologicheskie issledovaniya po yakutskomu yazyku. Dvuslozhnye osnovy (II). In: Rocznik orientalistyczny. 1978. Vol. 40. Z. 1. P. 71—82. {St. Kaluzhinsky. Etymological research on the Yakut language. Two-syllabic foundations (II). In: Rocznik orientalistyczny. 1978. Vol. 40. Z. 1. P. 71—82.}

KirGRS 1965 — Kirgizsko-russkii slovar' / Sost. K. K. Yudakhin. Moskva: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1965 {Kyrgyz-Russian dictionary / Comp. K. K. Yudakhin. Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1965.}

Korkina 1992 — E. I. Korkina. Severo-vostochnaya dialekt'naya zona yakutskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 1992. {E. I. Korkina. Northeastern dialect zone of the Yakut language. Novosibirsk: Nauka, 1992.}

KRS 1977 — Kalmytsko-russkii slovar' / Pod red. B. D. Munieva. Moskva: Russkii yazyk, 1977. {Kalmyk-Russian dictionary. Moscow: Russkii yazyk, 1977.}

Kuz'mina 2021 — A. A. Kuz'mina. Leksika yakutskogo yazyka. Formirovanie odno- i dvuslozhnykh osnov imen su-shchestvitel'nykh. Novosibirsk: Nauka, 2021. {A. A. Kuz'mina. Vocabulary of the Yakut language. Formation of one- and two-syllable stems of nouns. Novosibirsk: Nauka, 2021.}

Myagkov 2009 — D. A. Myagkov. Traditsionnoe khozyaistvo barabinskikh tatar vo vtoroi polovine XIX — pervoi polovine XX veka. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2009. {D. A. Myagkov. Traditional economy of the Baraba Tatars in the second half of the 19th — the first half of the 20th century. Summary of Candidate thesis. Omsk, 2009.}

Nugteren 2011 — H. Nugteren. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht, 2011.

Pekarskii 1958—1959 — E. K. Pekarskii. Slovar' yakutskogo yazyka. 2-e izd. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958—1959. {E. K. Pekarsky. Dictionary of the Yakut language. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958—1959.}

Popov 2003 — G. V. Popov. Ehtimologicheskii slovar' yakutskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 2003. {G. V. Popov. Etymological dictionary of the Yakut language. Novosibirsk: Nauka, 2003.}

Pyrbeev 1996 — G. Ts. Pyrbeev. Tolkovy slovar' traditsionnogo byta kalmykov. Ehlista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1996. {G. Ts. Pyrbeev. Explanatory dictionary of traditional lifestyle of the Kalmyks. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1996.}

Radloff 1908 — W. Radloff. Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen. Saint Petersburg, 1908.

Rassadin 2013 — V. I. Rassadin. O nekotorykh plastakh leksiki kalmytskogo yazyka v kontekste mongol'skikh yazykov. Ehlista, 2013. {V. I. Rassadin. On some layers of the Kalmyk language vocabulary in the context of the Mongolic languages. Elista, 2013.}

Rassadin 2019 — V. I. Rassadin. Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoi yazykovoï obshchnosti / Pod red. A. V. Dybo. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2019. {V. I. Rassadin. Essays on the history of formation of the Turkic-Mongolian linguistic community / Ed. by A. V. Dybo. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019.}

Rassadin, Trofimova 2014 — V. I. Rassadin, S. M. Trofimova. Leksika kalmytskogo yazyka skvoz' prizmu tyurko-mongol'skoi lingvisticheskoi obshchnosti. In: Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. 2014, 10 (3). S. 36—45. {V. I. Rassadin, S. M. Trofimova. Vocabulary of the Kalmyk language from the perspective of the Turkic-Mongolic linguistic community. In: Bulletin of the Buryat State University. 2014, 10 (3). P. 36—45.}

Romanova i dr. 1975 — A. V. Romanova, A. N. Myreeva, P. P. Barashkov. Vzaimovliyanie ehvenkiiskogo i yakutskogo yazykov. Leningrad: Nauka, 1975. {A. V. Romanova, A. N. Myreeva, P. P. Barashkov. The mutual influence of the Evenk languages is not Yakut. Saint Petersburg: Nauka, 1975.}

- Shamaeva 2012 — A. A. Shamaeva. Mongol'skie paralleli dialektnoi leksiki yakutskogo yazyka. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. 2012. {A. A. Shamaeva. Mongolian parallels of the dialect vocabulary of the Yakut language. Summary of Candidate thesis. 2012.}
- Shcherbak 1986 — A. M. Shcherbak. Tyurko-mongol'skie yazykovye svyazi (K probleme vzaimodeistviya i smesheniya yazykov). In: Voprosy yazykoznaniiya. 1986, 4. S. 47—59. {A. M. Shcherbak. Turkic-Mongolian language connections (On the problem of interaction and mixing of languages). In: Voprosy Yazykoznaniiya. 1986, 4. P. 47—59.}
- Shirobokova 2001 — N. N. Shirobokova. Istoricheskoe razvitie yakutskogo konsonantizma. Novosibirsk: Nauka, 2001. {N. N. Shirobokova. Historical development of Yakut consonantism. Novosibirsk: Nauka, 2001.}
- SIGTYa 2001 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Leksika. Moskva: Nauka, 2001. {Comparative-historical grammar of Turkic languages: Vocabulary. Moscow: Nauka, 2001.}
- Sleptsov 2007 — P. A. Sleptsov. Sakha tylyn istoriyata. D'okuuskai: Sakha gosuniversitetyn izdatel'stvota, 2007. {P. A. Sleptsov. History of the Yakut language. Yakutsk: Publishing House of the Yakut State University, 2007.}
- SSTMYa 1975—1977 — Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov / Otv. red. V. I. Tsintsius. T. 1—2. Leningrad: Nauka, 1975—1977. {Comparative dictionary of the Tungusic languages / Ed. in chief V. I. Tsintsius. Vol. 1—2. Leningrad: Nauka, 1975—1977.}
- Tsintsius 1947 — V. I. Tsintsius. Ocherk grammatiki ehvenskogo (lamutskogo) yazyka. Fonetika i morfologiya. Leningrad, 1947. {V. I. Tsintsius. An essay on the grammar of the Even (Lamut) language. Phonetics and morphology. Leningrad, 1947.}
- Ubryatova 2011 — E. I. Ubryatova. Izbrannye trudy. Issledovaniya po tyurkskim yazykam. Novosibirsk: RITS NGU, 2011. {E. I. Ubryatova. Selected works. Studies on Turkic languages. Novosibirsk: RITS NGU, 2011.}
- Vasil'ev 2007 — Yu. I. Vasil'ev. Yakutsko-mongol'skie leksicheskie paralleli: slovar'. Yakutsk: Dani Almas, 2007. {Yu. I. Vasiliev. Yakut-Mongolian lexical parallels: dictionary. Yakutsk: Dani Almas, 2007.}
- Vasil'eva 1996 — N. N. Vasil'eva. Leksicheskie sinonimy v yazyke sakha. Yakutsk: IGI AN RS(Ya), 1996. {N. N. Vasil'yeva. Lexical synonyms in the Sakha language. Yakutsk: IGI AN RS(Ya), 1996.}
- YARS 1972 — Yakutsko-russkii slovar' / Pod red. P. A. Sleptsova. Moskva: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1972. {Yakut-Russian dictionary / Ed. by P. A. Sleptsov. Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1972.}
- Zykov 1986 — F. M. Zykov. Poseleniya, zhilishcha i khozyajstvennyye postroiiki yakutov (XIX — nachalo XX v.). Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. Novosibirsk: Nauka, 1986. {F. N. Zykov. Settlements, houses and outbuildings of the Yakuts (19 — early 20th century). Historical and ethnographic research. Novosibirsk: Nauka, 1986.}

Диалектные наименования деревьев и кустарников в якутском языке: этимологические материалы

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН (Москва); adybo@mail.ru
Малышева Нинель Васильевна, Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова (Якутск); ninel_malysheva@mail.ru
Тимофеева Айталиνα Владимировна, Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова (Якутск); aitalina0895@gmail.com
Осорова Марина Анатольевна, Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова (Якутск); me.marine@mail.ru

Документация и анализ диалектных наименований деревьев и кустарников в якутском языке — актуальная задача, т. к. диалектная лексика в настоящее время подвергается быстрому вымыванию. Между тем в ней не только отражаются особенности познавательной деятельности, мировоззрения и культурного освоения природы якутами — в ней может быть прослежена история становления и развития якутского языка, народа саха и соседствующих народов, ведь чаще всего диалектизмами являются слова, используемые только на определенных территориях — в зонах соприкосновения нескольких языков. В рамках данного исследования мы анализируем наименования деревьев и кустарников якутского языка.

Выбор именно этой группы лексики обусловлен тем, что в сравнительно-историческом языкознании на материале различных языковых семей давно установлено, что названия деревьев и кустарников, благодаря данным ботаники, в том числе палеоботаники, могут довольно надежно локализовать географию распространения языка, для которого они засвидетельствованы или реконструированы.

В статье выполнен комплексный лингвистический (этимологический, в том числе ономазиологический) анализ диалектных наименований деревьев и кустарников в якутском языке. Анализ внутренней формы фитонимов показал, что номинация деревьев и кустарников в якутском чаще всего ориентирована на лексико-семантические группы: зоонимы — 10, цветообозначения — 8, человек — 7, предмет быта — 5, запах — 4. Что касается типов мотивации, то наиболее часто используемые мотивационные признаки: форма — 21, размер — 12, цвет — 10, пищевое качество — 9 и хозяйственная функция — 7.

Ключевые слова: якутский язык, фитонимы, ботаническая номенклатура, диалектная система, этимология

DIALECT NAMES OF TREES AND SHRUBS IN THE SAKHA LANGUAGE: ETYMOLOGICAL MATERIALS

Anna V. Dybo, Institute of Linguistics RAS (Moscow); adybo@mail.ru
Ninel V. Malysheva, North-Eastern Federal University in Yakutsk; ninel_malysheva@mail.ru
Aitalina V. Timofeeva, North-Eastern Federal University in Yakutsk; aitalina0895@gmail.com
Marina A. Osorova, North-Eastern Federal University in Yakutsk; me.marine@mail.ru

Documentation and analysis of dialectal names for trees and shrubs in the Yakut language is an urgent task, as dialectal vocabulary is currently undergoing rapid erosion. At the same time, it reflects the peculiarities of cognitive activity, worldview, and cultural interaction with nature among the Sakha people. It also allows us to trace the history of the formation and development of the Sakha language, the Sakha people, and neighboring ethnic groups, since dialectal terms are often words used only in specific areas — zones of contact between several languages. Within the framework of this study, we analyze the names of trees and shrubs in the Sakha language. The selection of this specific lexical group is justified by the fact that comparative-historical linguistics, based on data from various language families, has long established that the names of trees and shrubs, supported by botanical and paleobotanical evidence, can reliably localize the geographical distribution of a language for which they are attested or reconstructed.

The article presents a comprehensive linguistic (etymological, including onomasiological) analysis of dialectal names for trees and shrubs in the Yakut language. The analysis of the internal structure of phytonyms revealed that the nomination of trees and shrubs in the Sakha language is most frequently oriented toward the following lexico-semantic groups: zoonyms — 10, color terms — 8, human-related terms — 7, household items — 5, and smell — 4. As for the types of motivation, the most commonly used motivational features are: shape — 21, size — 12, color — 10, food quality — 9, and household function — 7.

Keywords: Sakha language, phytonyms, botanical nomenclature, dialect system, etymology

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-78-00221 «Лексика живой природы (растительный мир) в якутском языке: лингвогеографическое распределение».

I. Введение

Диалектная лексика якутского языка — уникальный лексический пласт, содержащий множество чрезвычайно интересных и информативных лексем, в частности продуктов народной номенклатуры, отражающих особенности познавательной деятельности, культурного освоения территорий и мировоззрения носителей якутского языка. Особую ценность диалектная лексика представляет и потому, что в ней может проследиваться как история якутского языка и якутского народа, так и соседствующих этносов, т. к. чаще всего диалектизмами являются слова, используемые только на определенных территориях — зонах соприкосновения нескольких языков. Поэтому в диалектной лексике могут храниться те формы, которые часто остаются без внимания большинства этимологов, ведь толковые словари не всегда фиксируют все возможные лексемы, а ограничиваются общепринятыми литературными нормами.

Важной лексико-семантической группой считается фитонимическая лексика, т. к. она находится под угрозой исчезновения в силу двух фундаментальных процессов общемирового значения, происходящих в данное время. Во-первых, в результате глобального потепления и изменения климата резко меняется облик природы Якутии — постепенно исчезают и модифицируются некоторые виды растений, на территории республики появляются представители более южных регионов. Во-вторых, в связи с интенсивным темпом глобализации и урбанизации выходят из употребления многие диалектизмы, являющиеся, безусловно, менее устойчивыми по сравнению с литературными вариантами.

Кроме того, как считает Ю. В. Норманская, принципиальное отличие изучения фитонимов заключается в том, что «денотат ботанической номенклатуры достаточно хорошо изучен биологами и существует в действительности как набор конкретных объектов, привязанных к определенным территориям» [Норманская 2006: 387]. Благодаря этой географической привязке представляется возможным по наименованиям растений определить географическую локализацию прародины якутов.

Выбор деревьев и кустарников в качестве объектов исследования объясняется тем, что деревья и кустарники — неотъемлемая часть многих природных зон на суше. Они являются основными лесообразователями тайги и тундровой зоны, всей экосистемы северного ландшафта Якутии. Кроме того, деревья играют большую роль в хозяйстве, культуре и мировоззрении якутов. В сравнительно-историческом языкознании на материале различных языковых семей давно установлено, что названия деревьев и кустарников, благодаря данным ботаники, в том числе палеоботаники, могут довольно надежно локализовать географию распространения языка, для которого они засвидетельствованы или реконструированы (см., например, работу П. Фридриха, посвященную монографическому исследованию индоевропейской системы дендронимов, «Протоиндоевропейские названия деревьев» [Friedrich 1970: 1—3]). Далее в статье мы постарались следовать этому принципу, работая с материалом якутского языка и его диалектов.

В данной статье планируется:

- 1) установить корреляции между ботанической информацией о растении (ботаническая классификация, ареал произрастания, предпочитаемые природные условия) и диалектологической информацией о соответствующем фитониме (район, где была зафиксирована лексема, согласно источнику);
- 2) провести этимологический, в том числе ономазиологический, анализ способов образования диалектных наименований деревьев и кустарников (их происхождение и номинативные стратегии).

Относительно первого пункта отметим, что нашу работу следует рассматривать как предварительную, поскольку те диалектные названия растений, которые мы берем из опубликованных диалектологических источников, обычно не имеют четких ботанических определений, и установить их можно было бы только в результате совместной работы ботаников и диалектологов, подобной той, которая привела к появлению труда [Ачимова 2007] и которая для Якутии — дело будущего.

Статья состоит из введения (где главным образом излагается необходимость и актуальность попытки провести такое комплексное исследование), раздела об источниках и методах, раздела с этимологическим и ономазиологическим анализом фитонимов, выводов, перечня сокращений и списка использованной литературы.

II. Источники и методы исследования

Объектами исследования нами выбраны 185 наименований деревьев и кустарников, денотатами выступили 18 объектов флоры Якутии — лиственница, пихта, кедр, кедровый стланик, сосна, ель, ива/тальник, осина, тополь, багульник, берёза, ольха, можжевельник, боярышник, шиповник, черёмуха, рябина, жимолость и один неопределенный денотат. Из них для 73 фитонимов не удалось установить четкую географическую принадлежность в силу отсутствия соответствующей информации в источнике

(приведена только пометка «диал.», без конкретизации). Остальные 112 наименований отнесены к районам (улусам) Республики Саха (Якутия), а также к некоторым регионам Российской Федерации — Иркутской и Амурской областям, Красноярскому и Хабаровскому краям.

Материалом исследования послужили:

- 1) лексикографические источники по якутскому языку (толковые и диалектологические словари): «Толковый словарь якутского языка» = «Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта» в 15 томах под общей редакцией П. А. Слепцова [ТСЯЯ I—III, БТСЯ IV—XIV], «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского в 3 томах [Пек. I—III], «Диалектологический словарь якутского языка» (основной том) [ДСЯЯ 1976], «Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том» [ДСЯС 1995] и др.;
- 2) биологические источники (указатели, энциклопедии, справочники): «Двудольные растения окрестностей г. Якутска» [ДРОЯ 1990], «Иллюстрированный определитель лекарственных растений Якутии» [ИОЛРЯ 2018], «Лекарственные растения Якутии» [ЛРЯ 2016], «Использование лекарственных растений Якутии» [ИЛРЯ 2009].
- 3) этнографические, архивные материалы: «Научные труды» А. Е. Кулаковского [Кулаковский 1979], «Якуты. Саха» [Алексеев и др. 2012], отчеты экспедиций из архивного фонда Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН [Афанасьев 1967; Васильев 1987; Барашков, Жиркова 1974 и др.].
- 4) полевые материалы экспедиционных выездов авторов, проходивших с 2017 г., в том числе из недавних, в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616): Анабарский (2021 г.), Оленекский (2022 г.), Кангаласский (2021—2022 гг.), Таттинский (2022 г.), Среднеколымский (2023 г.) районы.

Методом сплошной выборки отобраны лексемы, соответствующие следующим критериям: 1) лексема является именно названием растения (т. е. в выборку не включены общие понятия типа «лес», «дерево», «кустарник» и т. п.); 2) лексема не является специальным ботаническим термином, калькированным с русскоязычного или международного ботанического термина.

Для анализа материала были использованы: метод семантической классификации (для распределения фитонимов по лексико-семантическим группам); лексико-семантический и описательный методы; метод структурного анализа (в целом для лингвистического анализа, но в большей части — для анализа мотивационных признаков); количественно-статистический метод (для выявления наиболее и наименее частотных явлений) и метод сравнительно-исторического и сопоставительного анализа (для этимологического анализа лексем).

Для сопоставления географической привязки фитонима согласно источнику (где указаны районы, в которых зафиксированы лексемы) и ареала произрастания в большинстве случаев мы опирались на труд П. А. Тимофеева «Деревья и кустарники Якутии» [Тимофеев 2003], содержащий четко структурированную и исчерпывающую информацию о деревьях и кустарниках Якутии. В процессе работы выяснилось, что квазисинонимичные (характеризующие один и тот же род растения) народные наименования практически не соотносятся с научной ботанической классификацией видов соответствующего рода, произрастающих на территории Якутии и прилегающих территориях. Отчасти это может быть связано с отсутствием совместных работ ботаников и лингвистов по сбору народных названий растений; обычно в диалектологических словарях даются довольно общие значения фитонимов. Всё же мы приводим перечисления видов соответствующих растений на интересующей нас территории ради наглядности этого несоответствия. Ботаническая классификация также необходима для характеристики типов семантических переходов.

При изучении говоров, диалектов и диалектных групп мы отталкивались от работ известных якутских диалектологов М. С. Воронкина [Воронкин 1983; 1999] и С. А. Иванова [Иванов 1993; 2004], Е. И. Коркиной [Коркина 1987; 1990; 1992], Е. И. Убрятовой [Убрятова 1960], которые систематизировали и резюмировали труды многих исследователей, в том числе тех, кто собирал ценнейший диалектологический материал в рамках экспедиционных выездов и полевых работ.

В дальнейшем мы опираемся на следующую классификацию якутских диалектов, предложенную М. С. Воронкиным:

- 1) северо-западная группа говоров: долганский диалект и есейский говор якутского языка — за пределами республики; анабарский говор (с юрюнг-хаинским подговором), оленекский (с эйикским подговором), булунский и жиганский говоры, из которых два последних переходные;

2) вилюйская группа говоров: вилюйский (с заречным подговором), нюрбинский, сунтарский (с садынским подговором) говоры; территории Олекминского, Ленского и Кобяйского периферийных районов, относящиеся по всем признакам к данной языковой группе;

3) центральная группа говоров: территории Намского, Горного, Орджоникидзево, Амгинского, Мегино-Кангаласского, Усть-Алданского, Алексеевского, Чурапчинского и Усть-Майского районов, которые пока не расчленены на говоры;

4) северо-восточная группа говоров: верхоянский говор; территории современных Оймяконского, Усть-Янского, Момского, Абыйского, Аллаиховского, Среднеколымского и Верхнеколымского районов, а также якутоязычных районов Магаданской области [Воронкин 1983: 79—80].

Ключевую роль с точки зрения методики исследования номинаций, образованных по определенным мотивационным признакам, для нас сыграла работа И. В. Бродского «Названия растений в финно-угорских языках» [Бродский 2007], в которой автор выявляет основные мотивационные признаки номинации растений, опираясь на формально-семантическую структуру фитонимов и используя комплекс методов: словообразовательный, компонентный анализ, описательный, количественный и сравнительно-исторический методы научного исследования. Подавляющее большинство фитонимов образованы благодаря номинации по мотивационному признаку. Образованные таким способом фитонимы часто являются продуктом народной номенклатуры, отражающей роль и место растений в жизни якутов, особенности их восприятия природы и взаимодействия с ней. Согласно И. В. Бродскому, «в основе народной номинации растений лежит стремление отметить присущие лишь данному виду существенные свойства» [там же: 16]. Человек в своем сознании выделяет самые характерные черты в интересующих его объектах и классифицирует, давая им наименования на основе данной характеристики.

В рамках методики проведения этимологического анализа большую ценность для нас представляет тезаурус А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской под названием «Лексика природного окружения в уральских языках», где авторы считают, что «основой семантической реконструкции является семантическая типология, но центр тяжести переносится на типологию семантических изменений» [Норманская, Дыбо 2010: 6], поэтому основное внимание в нашей работе будет всё же уделено лексико-семантической составляющей. Также в ходе исследования мы не раз будем обращаться к работе Ю. В. Норманской «Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики» [Норманская 2006], где приведена классификация семантических переходов в названиях растений.

Вначале мы рассматриваем синхронно немотивированные названия растений исконно-тюркского происхождения, затем синхронно немотивированные названия растений, являющиеся заимствованными из соответствующих названий растений в контактных с якутским языках, наконец названия растений, которые могут рассматриваться как синхронно мотивированные в якутском языке (т. к. их внутренняя форма опознаваема). Названия растений, различающиеся только фонетическими особенностями, характерными для различных диалектов якутского языка, мы считаем одним названием.

III. Этимологический и ономазиологический анализ способов образования наименований деревьев и кустарников в якутском языке

1. Семейство Сосновые

ЛИСТВЕННИЦА, *ТИИТ*

Виды, произрастающие на территории Якутии: лиственница Гмелина (*Larix gmelinii (Rupr.) Rupr.* — як. *Гмелин тиитэ*), лиственница Каяндера (*Larix cajanderi Mayr.* — як. *Каяндер тиитэ*), лиственница сибирская (*Larix sibirica Ledeb.* — як. *Сибиир тиитэ*), лиственница Чекановского (*Larix czekanowskii Szaf.* — як. *Чекановскай тиитэ*). Лиственница — самая холодостойкая и морозоустойчивая порода из всех деревьев, встречающихся в Якутии, поэтому ареал ее распространения доходит вплоть до прибрежной территории республики (см. рис. 1). Два вида лиственницы — Гмелина и Каяндера — являются главными лесобразующими породами Якутии.

1. Немотивированные названия

1.1. Синхронно немотивированное название, восходящее к общетюркскому фитониму

1. Само общее название лиственницы в якутском *тиит* восходит к праобщетюркскому *Tīt ‘лиственница’ [VEWT 1969: 479; EDT 1972: 449; Stachowski 1993: 224]. В северных регионах Якутии это слово,

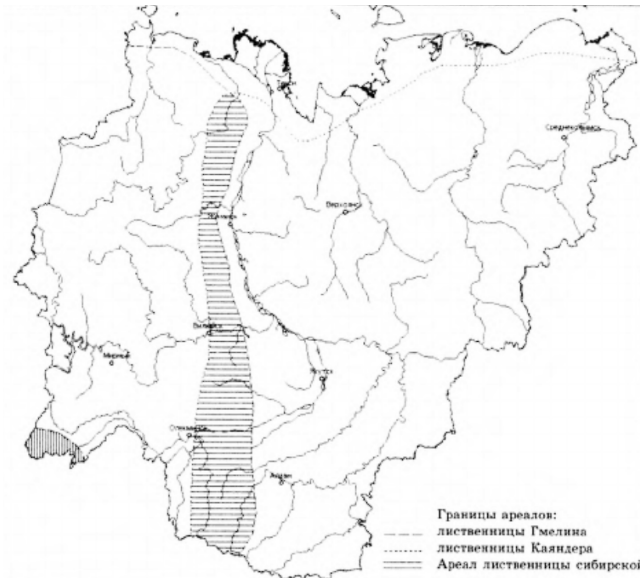

Рис. 1. Ареалы произрастания лиственницы [Тимофеев 2003: 8]

по материалам наших экспедиций, приобретает значение основного наименования дерева (по ответам при сборе списков Сводеша), что обусловлено природными лесотундровыми условиями данных регионов.

1.2. Немотивированное название — заимствование из тунгусо-маньчжурских языков

2. Фитоним *һэһтэ* Ан. ‘молодая лиственница’ [ДСЯЯ 1976: 230]: слово формально выглядит как эвенское заимствование (из названия растения с суф. *-тА* — рефлексом ПТМ **-ktA*). Скорее всего, это нижнеколым. *һэһтэ* ‘ветки, используемые как подстилка’ [Шарина, Кузьмина 2018: 178], восходящее к ПТМ **sekte* ‘подстилка’ [ССТМЯ 1977: 136—137].

2. Мотивированные номинации

Большая часть наименований лиственницы в якутском языке — мотивированные названия, образованы на основе различных мотивационных признаков. Наиболее продуктивны признаки, связанные с внешним видом, в основном с формой и размером — подчеркиваются густота веток, толщина и высота лиственниц.

2.1. Мотивированные однословные названия лиственницы якутского происхождения

По размеру:

3. *Тииһчээн* Уд. ‘молодая лиственница’ [ДСЯС 1995: 186] < як. *тииһ* ‘лиственница’ + *чээн*. Это исходно уменьшительная форма, образованная с помощью продуктивного аффикса *-чаан*, восходящего к эвенкийскому аффиксу пренебрежительности и уничижительности *-чāн* [Болдырев 2007: 103]. Мотивация по размеру.

4. *Титирик* ‘молодая лиственница’ [Пек. III: 2691], Центральная диалектная зона. Э. К. Пекарский считает слово производным от глагола *титирээ-* ‘дрожать’ (ср. там же *титирик* ‘дрожь’), но предлагает сравнить также с *тииһ*. Значения: ‘молодая лиственница, листвяшка ДП. (= *титирик тииһ*), лиственничный прут (дручок), тонкий молодой листвяк Пор.; тоненькое деревцо, мелкий лес, жердинки (= *титирик мас*, *титирик мастар*)’. С другой стороны, по гипотезе Н. К. Антонова, это уменьшительная форма лексемы *тииһ*, которая соответствует тув. *тытчык* ‘маленькая лиственница’ [Антонов 1971: 17], тув. уст. *тытчык* ‘маленькая лиственница’ [Катанов 1903: 1304] (в современных словарях нет). В грамматической системе тувинского языка аффикс *-чык* является уменьшительным. В якутском языке *-рик* как уменьшительно-ласкательный аффикс не зафиксирован, однако он мог вторично выделиться в данном случае из такого набора слов, как *бэһэрик* ‘низкорослый, малорослый, мелкий (о лесе, деревьях)’, ‘молодая лиственница, начавшая распускать шишки’, *иһирик* ‘густой молодой лес’, *бэчэрик талах* ‘тонкий, гибкий тальник’. В принципе его можно также сопоставить с общетюркским аффиксом непол-

ноты выражения качества **(A)Rlk* (см. [СИГТЯ 1988: 153—154]). Сокращение корневого гласного может быть обусловлено действием правила Ст. Калужинского — М. Стаховского [Stachowski 1993: 42—45]. Мотивация по размеру.

5. Названия лиственницы *кытык* Верх. ‘заросли мелкой лиственницы’ [ДСЯЯ 1976: 141] и *кычык* Верх., В.-Кол. ‘заросли мелкой лиственницы’ [ДСЯЯ 1976: 141], возможно, связаны с ПТю. глагольным корнем **kīs-* ‘сдавливать’, откуда производные ОТю. **kīs-ka* и чув. *хёсёк* ‘короткий, узкий’; тогда это также название, мотивированное внешним видом растения. Як. *-t-* бывает рефлексом ОТю. **-s-* в не до конца выясненных позициях; также для якутских северо-восточных диалектов наблюдается замена *s* на *č*.

2.2. Исторически мотивированное название, опирающееся на заимствование из тюркского языка саянской группы

По функции:

6. Слово *чабылах* Вил., Инд., *чабылла* Кол., *чабыллах тиит* Ойм., *чангылах* Инд. ‘крупное ветвистое дерево с толстым основанием’ [ДСЯС 1995: 230], ‘толстое развесистое дерево/лиственница’ [Афанасьев 1967: 177] представляет собой по фонетическому облику явное заимствование. П. С. Афанасьев высказывает гипотезу о производности от др.-тюрк. *jajliq* ‘местопребывание, летний дворец’ [ДТС 1969: 227], *йайлык* ‘летовка, летнее местопребывание’ [ЭСТЯ IV: 78], восходящих к ПТю. **jāj* ‘лето’ [EDAL 2003: 963]. У В. В. Радлова видим слово сагайского наречия *чаила̄* = *жайлу* ‘летнее жилище, летнее пастбище’ [Радлов 1905: 1829], ср. хак. *чайлаг* ‘летник, летняя усадьба, летнее пастбище’ [ХРС 2006: 927]. Однако фонетически это невозможно, поскольку в якутском языке имеется лексема *сайылык* ‘летнее жилище, летник’ (ср. як. *сайын* ‘лето’), показывающая правильные рефлексии пратюркских согласных; и ПТю. **-j-* (как в **jāj* ‘лето’) никогда не переходит в як. *-б-*. Близкие по фонетике и по семантике к як. *чабылах* слова обнаруживаются в тув. *чаглак* ‘сень, покров’ [ТувРС 1968: 506], тоф. *чаглау* ‘навес, место, защищенное от осадков’ [ТофРС 2005: 110]; это производные от ПТю. **jag-* ‘идти о дожде, осадках’ (корень сохраняется в як. *самыыр* < ПТю. **jag-mur* ‘дождь’) с правильными фонетическими рефлексиями. Лексема *чабылах*, по всей видимости, представляет собой позднее (позже перехода *č* > *s*, отнесенного Н. Н. Широковой к курыканскому периоду VIII—XI вв. [Широкова 2001: 76]) заимствование из тюркского языка саянского (тувинско-тофаларского) типа. Соответственно, данная форма говорит о якутско-саянских контактах, происходивших, вероятно, до переселения на Среднюю Лену. Мотивированность названия развесистого дерева в якутском подтверждается вторым диалектным (индигирским) значением слова: (устарелое) ‘первый справа столб в якутской юрте’ [ДСЯС 1995: 230] — скорее всего, слово было заимствовано первоначально в значении детали постройки, а затем по функции (возможности служить укрытием) стало использоваться как фитоним.

2.3. Мотивированные однословные названия, опирающиеся на заимствования из монгольских языков

По размеру:

7. К ПМонг. **besereg* ‘ублюдок, помесь’ восходят названия лиственницы як. *бэһэрик* ‘молодая недоросшая лиственница (молодняк)’ [ТСЯЯ II: 896], Верх. ‘молодая лиственница’ [ДСЯЯ 1976: 82], *бэчик* Верх. ‘молодая лиственница, начавшая распускать шишки’ [там же].

В якутском языке также найден диалектизм Абыйского района *бэтэрик* ‘лесная чаша’ [там же]. Здесь мы видим вариации согласных *s — h*, *s — ч* и *t — ч*, причина появления которых неоднозначна. С одной стороны, вероятно, повлияли контакты с коренным населением, в частности с эвенками. С другой стороны, Н. Д. Дьячковский считает, что трудно установить, например, непосредственную связь между чередованием *s — ч* в якутском и эвенкийском. В ряде случаев вариации *s — ч* отражают соответствия звуков, «наблюдаемые в качестве межъязыковых соответствий в других тюркских, а также монгольских языках» [Дьячковский 1977: 98—100]. По мнению С. А. Иванова, эти соответствия наметились в языке якутов давно и связаны с различными реализациями древних звуков в якутской фонетике [Иванов 1993: 296].

Монгольская основа (отмечена только в северной группе) означает прежде всего «помесь, гибрид»; судя по примерам в словаре О. М. Ковалевского [Kow.: 1112], в письменномонгольском — с пейоративной коннотацией (‘animal métis, avorton’; ‘chien qui vient d’une chienne jolie et d’un vilain mâle’). Однако в современном монгольском слово *бэсрэг* получает как одно из значений ‘небольшой, малый’ [БАМРС 2001: 460], обозначение физического размера. В якутском языке также представлено размерное значение, и существует несколько лексем от данной основы, обозначающих низкорослость: фитонимы —

бэчэрик талах В.-Кол. ‘тонкий, гибкий тальник’ [ДСЯЯ 1976: 82], *бэгэл* ‘малорослая сосна, с корня до вершины обросшая вся ветвями’ [там же: 80], *бэһиргэй* ‘сучковатое, начиная от корня, дерево’ [там же: 82], *бэһэрик* ‘малорослый (о дереве)’ [Пек. I: 445]; обозначения низкорослости — *бэһэл* ‘низкорослый, отставший в росте’ [ТСЯЯ II: 895], ‘запоздалый в росте (человек, скотина, дерево) Ion.; недоросток ДП.’ [Пек. I: 444], *бэһиргэй* ‘1. низкого роста человек; 2. сучковатое, начиная от корня, дерево Ion.’ [там же: 446]. Мотивация по размеру.

По форме и размеру:

8. *Агаалык* ‘крупное лиственничное дерево, засохшее на корню’ [Пек. I: 115 (без помет); ДСЯЯ 1976: 47], ‘крупное засохшее лиственничное дерево’ [ТСЯЯ I: 485]. Производящее слово — *агаа II* ‘диал. очень большой, крупный (о лосе, олене)’ [там же]. Само производящее слово исторически может быть производным от ОТю. *ау ‘крупное копытное; крупная дичь’, но не на якутской почве (правильный якутский рефлекс этого корня: *ын* ‘охотничий загон, загородь, посредством которой якуты промышленяют диких оленей’). Можно предположить заимствование из монгольского: заимствованное в письм.-монг. *ang* (халх., бур. *ан(э)*, калм. *аң* ‘зверь, дикое животное’ [ЭСМЯ 2015: 32], от него отыменной глагол на *-А* (ср. монг. *агн-а-х*, бур. *агн-а-ха* ‘охотиться’) и от глагола стандартное отглагольное имя на *-уА* (см. [Károly 2013: 73]), *-ХА*; вероятно, в данном случае мы имеем дело с его поствокалической формой, ср. написание у Э. К. Пекарского *аңаа*). В [Пек. I: 115] также находим форму *агаалык буур* ‘крупный самец лося’. Слово образовано с помощью продуктивного аффикса образования именных основ от именных *-лЫк*, соответствующего ОТю. *-lXk* [Erdal 1991: 121; 2004: 147]. По-видимому, здесь мотивация обеспечена метафорическим переносом с названия животного на название растения: мотивирующие признаки — большой размер и форма — торчащие ветки, напоминающие олени рога.

9. Диалектная лексема *дьылыһын* Верх. ‘высокая стройная лиственница в долине реки’ [ДСЯЯ 1976: 102], ‘высокая, тонкая, молодая лиственница’ [ТСЯЯ III: 499], несомненно, связана с як. *дьылыгырас* ‘стройный, прямой’ (*уһун дьылыгырас тиит* ‘высокая стройная лиственница’), *дьылыгыраа-* ‘быть прямым, стройным’ (*дьылыгыраабыт мас* ‘тонкое стройное дерево’) и, вероятно, с як. *дьылбан* ‘отборный, малосучковатый’ (о дереве) [Пек. I: 881]. Основа, скорее всего, монгольского происхождения, судя по фонетике и суффиксации; ср. еще як. *дьылбанны* ‘отощавший’ (о скоте) [там же], которое Ст. Калужинский [Kałużyński 1961: 94] выводит из калм. *džily^аха* ‘утомиться, истощиться’; впрочем, у Г. Рамстедта [Ramstedt 1935: 110] слово под вопросом, в словаре [Муниев 1977] его нет.

2.4. Мотивированное однословное название, опирающееся на заимствование из русского языка

По форме:

10. *Тэпниһэ* эйик. ‘низкорослая ветвистая лиственница’ [ДСЯЯ 1995: 201]. В [ДСЯЯ 1976: 257] есть омонимичное слово *тэпниһэ* Вил., табуированное, ‘медведь’ = *тапныһа*. Все якутские слова с кластером *-nn-*, что есть у Э. К. Пекарского, — это русские заимствования с сочетаниями согласных, включающими *-n-* (*терпи* > *теппи*, *терпуг* > *теппук* и под.). *Тапныһа* как название медведя — наверняка интерпретация рус. *Топтыгин* в акающем произношении; *тэпниһэ* — видимо, переднерядный вариант того же самого слова; перенос на низкорослую лиственницу по форме (такое же приземистое и мохнатое). Фонетически и словообразовательно данное объяснение наиболее простое, и это еще один случай переноса названия животного на растение.

2.5. Мотивированные двусловные названия лиственницы

2.5.1. Якутские двухкомпонентные наименования лиственницы

Структурно образованы по модели «определение + определяемый объект», где первый компонент является прилагательным, второй — фитонимом.

По размеру:

11. *Суон тиит* Верх. (букв. ‘толстая / широкая лиственница’) ‘старая толстая лиственница’ (инф. КВЗ, Верхоянский р-н).

12. *Баарабай тиит* Верх. (букв. ‘крупная лиственница’) ‘старая, крупная лиственница’ (инф. КВЗ, Верхоянский р-н).

13. *Кэйгэл титирик* (от як. *кэйгэл* ‘пространный’, букв. ‘распространенная лиственничная поросль’) ‘молодая лиственница, лиственничная поросль’ [ДСЯЯ 1976: 143]; ‘молодая лиственница, мелкая лиственничная поросль’ [Пек. I: 1012].

По форме:

14. **Арык тиит** Инд. ‘священная лиственница с густыми ветвями, к которой никто не прикасается’ [ДСЯС 1995: 42], см. *арык/орук* ‘ведьмино помело на сосне и лиственнице’ [Пек. I: 157], *орук* ‘ветки в виде очень густого пучка (на лиственнице, сосне), ведьмино помело’ [БТСЯЯ VII: 341]. Слово *арык* ~ *орук* Ст. Калужинский [Kałużyński 1961: 131] возводит к письм.-монг. *аруу* ‘плетеная корзина’. «Ведьмино помело», омела, по традиционным представлениям якутов, — вместилище души умершего шамана; считалось, что бездетные женщины могут попросить у такого дерева ребенка [Данилова 2017: 18]. Заметим, что *арык* никак не может быть якутским рефлексом ПТю. *ari-g ‘чистый’: правильный якутский рефлекс этого слова (с дополнительным суффиксом *-*gač*) — *ыраас* ‘чистый’. Возможно, впрочем (хотя довольно маловероятно), что здесь мы имеем дело с еще одним заимствованием из тюркского языка тувино-тофаларского типа, ср. тув. *арыг* ‘чистый, опрятный’ (и как 8-е значение в [ТДТС 2003: 164] ‘безгрешный’), тоф. *арыг* ‘чистый, опрятный’ [ТофРС 2005: 290], с оглушением конечной согласной; однако названий ритуально применяемых деревьев в якутском много (ср. указанную работу [Данилова 2017]), и обозначение через эпитет «священный» именно дерева с ведьминой метлой кажется слишком неспецифицированным.

По цвету:

15. **Хара мас** Верх. (букв. ‘черное дерево’) ‘лиственница, годная на бревно’ [Афанасьев 1967: 177], диал. ‘лиственничный строевой лес на корню’ [БТСЯЯ XIII: 340; ДСЯЯ 1976: 281].

16. **Кыһыл кычык** Верх. (букв. ‘красные заросли мелкой лиственницы’) ‘заросли молодой лиственницы на гари’ [ДСЯЯ 1976: 139], ‘диал. заросли молодой лиственницы на гари’ [БТСЯЯ V: 373].

По функции:

17. **Уолах тиит** арх. Сакк., С.-Кол. /Пек./ ‘средняя лиственница, большая толстая лесина, Обр. II, 107. 111’ [Пек. III: 3033], ‘молодая лиственница средней величины, большая толстая лиственница’ [ДСЯЯ 1976: 260], ‘молодая лиственница средней величины’ [БТСЯЯ XII: 194]. *Уолах* — производное от як. *уол-* ‘засыхать’; мотивация по функциональному признаку, использование для построек.

ПИХТА, ПИХТА

Вечнозеленое хвойное дерево, произрастает только на северо-востоке южной части Якутии и встречается лишь один вид — пихта сибирская (*Abies sibirica* Ledeb. — як. *Сибиир ыылааба*). В силу сходства ее внешнего вида с елью самым частотным литературным наименованием пихты считается **сытыган харыйа** (букв. ‘пахучая ель’), где подчеркивается основной признак, отличающий пихту от ели, — ее резкий запах, т. е. все эти общеупотребительные названия пихты образованы вторично по мотивационному признаку запаха.

1. Немотивированные названия

1.1. Немотивированное название — заимствование из русского языка

18. В 30-х гг. XVII в. в ныне Олекминском и Вилюйском районах были построены Олекминский и Вилюйский остроги Якутского воеводства. Начиная с этих времен с местным населением долгое время проживало и русскоязычное, что, несомненно, отразилось в языке в виде заимствований из русского, среди которых и одно из названий пихты як. **бииктэ** Олекм. ‘пихта’ [ДСЯС 1995: 50] от рус. *пихта*.

1.2. Немотивированные названия — заимствования из тунгусо-маньчжурских языков (из эвенкийского языка)

19. Заимствованиями из тунгусо-маньчжурских языков в названиях пихты являются як. Уд. **таанса** ‘пихта’ [ДСЯС 1995: 179] и **танса (харыйа)** [ДСЯЯ 1976: 235]. Г. В. Попов отнес компонент *танса* к словам неизвестного происхождения [Попов 1986: 77], однако обнаружена параллель в территориально контактном майском говоре эвенкийского языка — *танса* ‘кедр’ [Мыреева 2001: 76]. Вместе с тем Л. В. Дмитриева в этимологическом разборе названия пихты указывает на наличие в маньчжурском лексеме *тақта моо* ‘пихта’, ср. *тактикан* ‘кедр’ [Дмитриева 1972: 201; ССТМЯ 1977: 54]. Согласно И. Н. Новгородову, диалектная основа в якутском языке *тахтыкан* ‘низкорослое дерево с густыми вет-

виями, типичное для лесотундры» [ДСЯЯ 1976: 238: жиг.] является эвенкизмом: *тактикаан* ‘кедр’, ма. *такта моо* ‘пихта» [Новгородов 2009: 233]. В майском говоре эвенкийского *танса* может быть стяжением производного от этого корня (с усечением уменьшительного суффикса) с помощью эвенк. суффикса *-наса* ‘мертвый, негодный» [Болдырев 2007: 91].

2. Мотивированные названия

2.1. Мотивированные номинации собственно якутского происхождения

По запаху:

20. Резкий запах пихты отражается в фитониме як. *ыылаах мас* Лен. (букв. ‘дерево с запахом’) ‘пихта» [ДСЯЯ 1976: 317]; ‘дерево из семейства сосновых с мягкой плоской хвоей и большими шишками, разновидность пихты (растёт в гористой местности Южной Якутии)’ [БТСЯЯ XIV: 577].

21. Точно так же мотивировано литературное название *сытыган харыйа* (букв. ‘пахучая ель’) [Кулаковский 1979: 435].

КЕДР, КЕДР

Кедр (сосна сибирская — *Pinus sibirica* Burgsd. — як. *Сибиир сылааба*) растёт в юго-западной Якутии, в бассейне р. Олекмы и верхнем течении р. Алдана. На большей части территории Якутии распространён кедровый стланик (см. ниже). География обнаруженных диалектизмов в Олекминском, Вилюйском и, вероятно, в восточных районах республики в целом соответствует ареалам распространения кедра и кедрового стланика.

Общетюркское название кедра **bö:š*, в связи со слабым распространением вида, дало в якутском название для сосны (см. ниже). Как название кедра, в словаре приводится русское заимствование *кедр* и мотивированное двусловное название *сыа мас* (букв. ‘жирное дерево’) и *сылаах мас* (букв. ‘дерево с жиром’).

1. Немотивированное название — заимствование из русского языка

22. Як. литер. *кедр* представлено в [ЯРС 1972: 163] и в цитатах в «Большом толковом словаре якутского языка», например: *Кедр эриэхэтин сиир буоллааха сэллигинэн ыалдьымыааха сөн.* ‘Употребление в пищу кедровых орехов может предотвратить туберкулез’ [БТСЯЯ IX: 558].

2. Мотивированные номинации

Все мотивированные названия кедра имеют в виду пищевое качество: признак наличия маслянистых орешков. Это неудивительно, ведь кедровые орехи — излюбленное лакомство якутов, богатое питательными веществами, комплексом витаминов В и D.

2.1. Мотивированные собственно якутские названия

23. Общеякутские *сыа мас* (букв. ‘жирное дерево’), *сылаах мас* (букв. ‘дерево с жиром’) — подразумеваются маслянистые ядрышки орешков.

2.2. Мотивированное название на основе русского заимствования

24. Диалектизм як. *эриэхэлээх* Олекм. ‘кедр’ [ДСЯС 1995: 251], где *эриэхэ* (из рус. *орех*) + *-лаах* (аффикс проприетива) выражают отношения «актуального обладания», и фитоним буквально означает ‘с орехами’.

КЕДРОВЫЙ СТЛАНИК, (СЫЛААХТЫНЫ) БОЛБУКТА

Кедровый стланик (*Pinus pumila* Rgl.) распространён в бассейне р. Олекма, «в горных районах от Витимо-Патомского и Алданского нагорий на юге до хребтов Верхоянского и Черского на севере, западнее р. Лены, растёт в необычных для себя равнинных условиях на аллювиальных песчаных отложениях в низовье р. Вилюя и его левых притоков» [Тимофеев 2003: 15].

1. Немотивированные названия

1.1. Немотивированные названия — заимствования из тунгусо-маньчжурских языков (из эвенкийского языка)

25. Из эвенк. *болгикта* ‘кедровый стланик’ [Мыреева 2001: 76] заимствованы як. литер. *болбукта*, як. Уд. *болбиикта* ‘стланик’ [Васильев 1987: 55], *бабылыкта* Кол. ‘дыанта; // болбиикта’ [ДСЯС 1995: 46].

26. Фитоним *дыанта* Жиг. ‘кедровый стланик’ [ДСЯС 1995: 69; ДСЯЯ 1976: 95] заимствован из эвенк. *нянгта* ‘кедровая шишка, кедровый орех’ [Мыреева 2001: 76].

2. Мотивированные названия

2.1. Мотивированное собственно якутское название

27. *Тонус угунньата* Вил. [ДСЯС 1995: 190]: (СТ «основное название: *дыанта*» [там же: 69]). Букв. ‘тунгусская стелька’. Вероятно, ироническое название, относящееся к месту распространения (более северные, «тунгусские» территории). Реально как стельки использовали сухую траву; здесь, видимо, насмешливый перенос, как «растение, по которому топчутся тунгусы». Мотивация по месту произрастания.

СОСНА, БЭС

Вид сосны, произрастающий на территории Якутии, называется сосна лесная, или обыкновенная (*Pinus sylvestris* L. — як. *көннөрү бэс*, *ойуур бэһэ*).

Сосна обыкновенная, наряду с породами лиственницы, является лесообразующей породой, более 98 % лесов Якутии составляет ценная сосново-лиственничная тайга. Она довольно морозоустойчива, светолюбива и предпочитает сухие песчаные и супесчаные почвы.

1. Синхронно немотивированное название, восходящее к общетюркскому фитониму:

28. Немотивированное название сосны *бэс* в якутском восходит к праобщетюркскому **böš*; слово засвидетельствовано в языках Южной Сибири в значении ‘кедр’.

2. Мотивированные названия

2.1. Мотивированное название, опирающееся на монгольское заимствование

По размеру:

29. Як. *бэгэл* (Пек.) ‘малорослая сосна, с корня до вершины обросшая вся ветвями’ [ДСЯЯ 1976: 80], точная локализация неясна; скорее всего, связано с наименованиями лиственницы *бэһэрик*, *бэчик* (см. выше)¹. Полагаем, что слова, восходящие к ПМонг. *besereg* ‘ублюдок, помесь’, практически во всех случаях использования в фитонимах обозначают низкорослость, соответственно, молодняк хвойных деревьев. Другая возможная этимологизация: *бэгэл* может быть иначе не сохранившейся производящей основой к як. *bägäl-čäk* ~ *bägäččik* ‘запястье, кисть руки’ (формальный диминутив) — в этом случае мотивирующий признак — форма деревца (но семантически это выглядит менее убедительно). Об этимологии *bägäl-čäk* см. [Калужинский 1993: 80]; впрочем, предлагаемая тюркская этимология неидеальна по фонетическим причинам; нам кажется, что здесь подошло бы образование от монголизма, восходящего к сев.-монг. **behelei* ‘рукавицы’ [ЭСМЯ 2015: 82], возможно, через эвенкийское посредство (но эвенкийское слово не засвидетельствовано), если учитывать, что среди эвенкийских монголизмов есть случаи с отражением **-h-* как *-g-* (см. [Khabtagaeva 2010: 19; 2022: 190]).

2.2. Мотивированное название, опирающееся на эвенкийское/русское заимствование

30. Диалектизм *чээрэ* Вил. ‘сосна’, эвфемистическое название [ДСЯС 1995: 239]. Ср. як. *чээрэ* ‘1. отаток от чего-либо; огарок, объедки; 2. черный гриб в виде нароста на стволе березы, чага’ [БТСЯЯ XIV:

¹ Замена *-h-* на *-g-* наблюдается в якутских диалектах, см. [Stachowski 1994; Иванов 2004: 27—28] (долганский и северо-восточная зона). Ср. приведенные выше *бэһэл* ‘низкорослый, отставший в росте’ [ТСЯЯ II: 895], ‘запоздалый в росте (человек, скотина, дерево) Юн.; недоросток ДП.’ [Пек. I: 444].

305], скорее всего, является заимствованием из эвенк. *чэри* ‘наплыв (на коре березы)’ [ССТМЯ 1977: 421] = як. Вил., В.-Вил. *чэрии* ‘чага’ [ДСЯЯ 1976: 308]. Эвенкийское слово не имеет тунгусо-маньчжурской этимологии; может быть заимствованным из монг.: бур. *сэр*, калм. *цэр*, даг. *цэр* ‘опухоль, нарост’, связываемым Х. Нугтереном с ПМонг. *cer ‘гниль’ [Nugteren 2011: 300]. Проблему представляет долгота первой гласной у нашего слова: похоже, что, в отличие от названия чаги *чэрии*, заимствованного непосредственно из эвенкийского, здесь посредником послужило рус. диал. (засвидетельствовано в Амурской области, но, может быть, и шире?) *ча́ра* ‘трутовик березовый, чага’, заимствованное из эвенкийского (см. [Аникин 2000: 644]), с обычной адаптацией русской ударной гласной как долгой, упереднением под влиянием палатализованного *ч-*. Основание для эвфемизации — использование в традиционной якутской кухне сосновой заболони для заварки, так же как и чаги. Мотивация по пищевому качеству.

ЕЛЬ, ХАРЫЙА

Виды, произрастающие на территории Якутии: ель сибирская (*Picea obovata* Ledeb. — як. *Сибиур харыйата*), ель аянская (*Picea ajanensis* Fisch. — як. *Айаан харыйата*).

1. Синхронно немотивированное название, восходящее к общетюркскому фитониму

31. Немотивированное на общеякутском уровне название ели — *харыйа*, — согласно Н. К. Антонову, соответствует тел., леб., шор., казах., уйг., хак., койб., чаг. *харабай* ‘сосна’², в татарском означает лиственницу, а в киргизском, как и в якутском, — ель [Антонов 1971: 17]. Формально як. *харыйа* можно считать производным от ПТю. *Kara-KAj ‘ель’ (доказательство пражначения см. в [Мальшева 2024: 322]). Слово, по-видимому, исторически мотивировано цветообозначением *Kara ‘черный’ с помощью аффикса диминутива, см. [Räsänen 1955: 99; ГСЛЯЯ 1982: 112]: *быһыйа* ‘ножичек’ (*быһах* ‘нож’), *үрүйэ* ‘ручей’ (*үрэх* ‘речка’). Использован иной диминутивный аффикс, чем в приведенных формах других тюркских языков.

2. Семейство Ивовые

ИВА, ҮӨТ, ИИРЭ

Виды, произрастающие на территории Якутии: ива Бебба (*Salix bebbiana* Sarg. — як. *Бэбб үөтэ*), ива прутовидная (*Salix viminalis* L. — як. *өрүү үөтэ*), ива шерстистопобеговая (*Salix dasyclados* Wimmer — як. *түүлээх үөт*), ива Шверина (*Salix schwerinii* Wolf — як. *Шверин үөтэ*), ива сердцелистная (*Salix cardiophylla* Trautv. et Mey. — як. *сүрэх үөт*), ива росистая (*Salix rorida* Laksch. — як. *си́лбиктээх үөт*), ива грушанколистная (*Salix pyrolifolia* Ledeb. — як. *собо тыла үөт*), ива черничная (*Salix myrtilloides* L. — як. *харастыгы үөт*). Все эти якутские названия являются биологическими терминами, калькированными с русского.

В Якутии по разным версиям насчитывается от 56 [Тимофеев 1980] до 60 видов [Захарова 1992] семейства ивовых, большинство которых — кустарники и кустарнички, хотя встречаются и деревья высотой до 30—40 м. Обилие кустарниковых форм вместо древовидных объясняется экстремальными климатическими условиями Якутии и ее вечномерзлыми грунтами.

Как правило, ива предпочитает влажную почву, поэтому практически все виды ив чаще растут около рек, ручьев и т. п., даже в самых северных точках Якутии. А олиготрофный вид ива Бебба, или ива сухолюбивая, растет даже в относительно сухих местах, и ее ареал распространения тянется вплоть до низовий северных рек.

1. Немотивированные названия

1.1. Синхронно немотивированные названия, восходящие к общетюркскому фитониму

32. Общеякутское название ивы, *үөт* Ан., Верх., Ес. ‘ива-сушняк’ [ДСЯЯ 1976: 269], С.-Кол. ‘высшее ивовое дерево’ (по экспедиционным данным) (инф. КИМ, Среднеколымский р-н), восходит к общетюркскому названию ивы: ПТю. *següt ‘ива’ [EDAL 2003: 1263].

² В [СИГТЯ 2006: 418] в составе этимологии приведено халадж. *kāj* ‘сосна, лиственница, ель’. Это ошибка; в [D-T 1980: 10] приводится халадж. *kāj* ‘Kiefer, Tanne; Pinus’, заимствованное из перс. *kāj*.

33. Выявление видового разнообразия ив часто вызывает большие трудности даже для биологов, т. к. «в природе ивы легко скрещиваются друг с другом, образуя гибриды, разновидности, подвиды» [Тимофеев 1980: 22]. По всей вероятности, именно поэтому якуты использовали общее нейтральное слово *талах* ‘тальник’ по отношению ко многим видам кустарников и кустарничков березы, ольхи и ивы — всего мы обнаружили 24 диалектных фитонима деревьев и кустарников с данным компонентом. Для выражения собственно ивы компонент *талах* присутствует в 13 номинациях.

34. Диалектизм *тирэх* Инд. ‘речная ива’ [ДСЯС 1995: 186], ‘тополь, пихтовое дерево?, осина’ [Пек. III: 2680] восходит к ПТю. *derek, который в других тюркских языках обозначает деревья различных семейств: ‘1. тополь 2. дерево 3. осина 4. осокорь (тополь черный) 5. столб 6. пихтовое дерево’ [Норманская 2006: 412]. В якутском языке данная лексема также многозначна и является номинацией диалектных наименований, прежде всего тополя, як. *хара тирэх* (букв. ‘черный тополь’), а также черной смородины *тирэх отоно* (букв. ‘ягода тополя’) и красной смородины *тирэх аһа* (букв. ‘ягода/пища тополя’).

35. Фитоним *былах* Верх. ‘один из видов ивы, белая ива’ [ДСЯЯ 1976: 77] (фонетический вариант *булах* [Пек. I: 610]), скорее всего, восходит к тюрк. *балан* ‘калина’, ‘бузина’ [ЭСТЯ II: 52]: казах. *балан* ‘бузина’, ‘калина’, алт. *балан* ‘калина’, бараб. *балан* ‘калина’, ‘рябина’, байлан ‘калина’, ‘пихта’ [Дмитриева 1972: 181].

1.2. Немотивированные названия — заимствования

1.2.1. Немотивированные названия — заимствования из тунгусо-маньчжурских языков

Эвенкизм

36. В форме слова *ньяамыкта* Верх., С.-Кол., В.-Кол. ‘молодой тонкий тальник’ [Пек. II: 1712; БТСЯЯ VII: 65], ‘мягкий тальник’ [ДСЯЯ 1976: 177] присутствует характерный тунгусо-маньчжурский аффикс *-кта*, указывающий на принадлежность лексемы именно к этому этимологическому пласту. Ср. эвенк. *нямникта* (восточное наречие, томмотский говор) ‘гибкий, тонкий тальник, растущий на горях’ [Мыреева 2001: 84], возводимый к ПТМ. *ñamñi-кта: ‘эвенк. *н’амн’ита* Тмт тальник (гибкий, тонкий, растущий на горях), эвен. *н’амгит* Ол, Алл, Ох, *н’амңит* (Ох) 1) ива (сухая), «тальник (сухой); 2) краснотал»; нег. *н’амн’икта* ива чернотал, уд. *н’аута* верба; маньч. *nimadan* «нек. вид дерева; *nimala(n)* тутовник; сибэ *nimalən* тутовник (2163)’ [ССТМЯ 1975: 632; EDAL 2003: 1004; Новгородов 2009: 494]. Относительно происхождения северно-тунгусского слова ср. ПЮк. *ñantə К *ñantə* ‘shrubbery, willow bushes (*Salix caprea*); Т *ñante-jewje* basket for catching fish [lit. willow net]’; во всяком случае ПСТунг. источник северно-тунгусских форм, обозначающий ‘тальник’, очень похож на ПЮк. и по значению, и по фонетической форме, а сопоставление с маньчж. *nimadan* ‘a k. of tree; *nimala(n)* ‘тутовое дерево’ в [EDAL 2003: 1004] не очень надежно. Юкагирский и северно-тунгусский тальник сопоставлены в [Nikolaeva 2006: 289] с замечанием: «In Yukaghir metathesis is possible»; направление заимствования между ними, если не связывать с маньчжурскими и чжурчженскими формами, не определено. Но якутское слово, скорее всего, из эвенкийского.

Негидализм

37. Диалектизм с. Удское Хабаровского края *дэвэгдэ* Уд. ‘дерево с липкими листьями, похожее на иву’ [ДСЯС 1995: 66], судя по географическому положению и форме, является негидальским заимствованием: ср. эвенк. *дывуд* ‘карликовая береза’, *дывуг* ‘заросли карликовой березы’ [Роббек, Роббек 2005: 100]; эвенк. *дишвэб* ‘заросли березы (карликовой)’, *дишвэктэ* ‘береза карликовая’, эвенк. *дивуэб*, *дивукэб*, *дивэжэб* ‘заросли березы карликовой’, нег. *дивэгдэ* ‘береза’ и др. [ССТМЯ 1975: 203].

1.2.2. Немотивированные названия — заимствования из юкагирского?

38. Фитоним *нолут* В.-Кол. ‘разновидность дерева’ [ДСЯЯ 1976: 175], С.-Кол. ‘ива’ (инф. ЧМЮ, Среднеколымский р-н), вероятно, заимствован из юкагирского, см. ПЮк. *nołud > К[olyma] *nołut* ‘poplar, willow’ [Nikolaeva 2006: 1490].

39. Еще одно общеякутское название, *иирэ* ‘ива, тальник, белоталь’, может быть связано с рефлексам ПТМ. *iirē-кте ‘растение с прутьями, тальник, лиственница’. В [ССТМЯ 1975: 329] находим следующие лексические параллели: эвенк. *йирэ-* (восточное наречие, урмийский говор) ‘обдирать кору лиственницы’, *ирэктэ* ‘лиственница’, ‘дерево (южное наречие, подкаменнотунгусские говоры)’, *ирэктэжэн* (южное наречие, подкаменнотунгусские говоры) ‘1) лиственница (маленькая); 2) жердь (лиственничная); 3) семя лиственницы’, *ирээмэ* (южное наречие, подкаменнотунгусские говоры) ‘лиственничный’ и др. При этом наиболее похоже якутское слово (и по значению, и по отсутствию тунгусских суффиксов)

на юкагирское название осины: **ijera/ujera* К *i:re* «осина», КD *iyere, uyere*; SD *ujere* К *i:ra* < **ijra/ujra* < **ijera/ujera* [Nikolaeva 2006: 170]. Остается проблемой связь юкагирского и тунгусо-маньчжурского слов.

2. Мотивированные номинации

2.1. Мотивированные якутские названия

По цвету:

40. *Уруҥ талах* (букв. 'белый тальник') 'ива коротконожковая' [Кулаковский 1979: 436], 'верба' [БТСЯЯ X: 166].

41. *Хара талах* (букв. 'черный тальник') 'ива корзиночная' [Кулаковский 1979: 436].

42. *Кыһыл талах* (букв. 'красный тальник') '(красная талина, красная ива) вид дерева, красное дерево, *Cornus sibirica* M.' [Пек. II: 1437], 'свидина белая' (*Cornus sibirica* Lodd.) [Кулаковский 1979: 436], 'бот. свидина' [БТСЯЯ V: 373].

43. *Хара былах* 'Salix Tourm., черный тальник' [Пек. III: 330] (относительно *былах* см. выше).

Во всех случаях, скорее всего, подчеркивается цвет коры стволиков и веток: у ивы коротконожковой она светло-желтая, у ивы корзиночной, или прутовидной, — темно-серая.

По размеру (в основном толщина стволиков):

44. *Бэчэрик талах* В.-Кол. 'тонкий, гибкий тальник' [ДСЯЯ 1976: 82], где компонент *бэчэрик* имеет такое же происхождение, что и наименования лиственницы *бэһэрик* и *бэчик* (подробно см. выше).

45. *Ыман талах* (букв. 'тонкий тальник') 'вид тальника' [там же: 312].

По полу:

46. *Дьахтар талах* (букв. 'женщина-тальник') 'краснотал' [там же: 96].

47. *Эр талах* (букв. 'мужчина-тальник') 'речной кустовидный тальник' [Кулаковский 1979: 436]; 'речной кустовидный тальник' [БТСЯЯ XIII: 168].

48. *Эр киһи талаба* (букв. 'тальник мужчины') 'тальник, пригодный для связки чего-либо' [ДСЯС 1995: 251].

В последних трех названиях, возможно, использован энантиосемический метафорический перенос — тонкие, красные ветви краснотала уподобляются тонкой женщине, а толстые, крепкие ветви — крепкому мужчине. Впрочем, если учитывать, что ива — двудомное растение, скорее всего, носители языка, давшие описателям эти названия, имели в виду биологический пол конкретных экземпляров ивы (пол легко определяется визуально при цветении по форме сережек); но этот факт не был учтен при переводе на русский язык.

По качеству древесины:

49. *Хороҥ талах* Инд. (букв. 'жесткий, грубый тальник') 'заросли тальника, растущие в тенистых местах' [ДСЯС 1995: 226].

По хозяйственной функции:

50. *Быа талах* Инд. (букв. 'веревка-тальник') 'тальник, пригодный для связки чего-либо' [там же: 57].

51. *Сигэ талаба* (букв. 'ремешок-тальник') 'вид тальника, используемый благодаря гибкости для связки, чернота' [БТСЯЯ VIII: 357]. Из тальника изготавливали веревки и ремешки для связывания различных предметов, например верши, изгороди и т. д., а также использовали для разжигания костра, печки.

По месту произрастания:

52. Архаизм и фольклоризм *иһик бадылбах*, *иһик бидилгэх* Ботур. обозначает 'карликовую иву в тундре' [ДСЯЯ 1976: 109; Пек. I: 956] или 'мелкую густую тальниковую поросль в заболоченной тундре (обычно подразумевается как непроходимая грязь, топь)' [ТСЯЯ III: 759]. В основе данной лексемы лежит номинация по месту произрастания, не противоречащая биологическим особенностям ивы, которая предпочитает влажную почву, — компонент *бадылбах* имеет значение 'засасывающее болото, топь' [ТСЯЯ II: 122], а первый компонент *иһик* происходит от той же основы, что и *иһирик* 'весьма густой лес', *иһир* 'тонкая, мелкая, густая поросль' [Пек. I: 968, 699], *ис* 'внутренний, внутренность' [там же: 959] и *иһирдэ* 'внутри, в доме' [там же: 969]. Таким образом, фитоним ивы *иһик бадылбах* подчеркивает, что дерево растет в центре болотистого участка.

53. Еще одно название ивы (с диалектными фонетическими вариантами) имеет в своем составе этноним *сах* ‘якут, якутский’ и буквально означает ‘якутский тальник’ или ‘ива якутская’: *сах* *талаба* В.-Кол. ‘ива сухолюбивая’ [ДСЯЯ 1976: 205], С.-Кол. ‘вид ивы’ [там же: 205], ‘тальник, древесина которой как более прочная и гибкая использовалась раньше якутами в качестве связки; ива якутская’ [БТСЯЯ VIII: 325], *сахха талаба* Верх., В.-Кол. ‘ива сухолюбивая’ [ДСЯЯ 1976: 205], *хахха талаба* Верх. ‘вид ивы’ [там же: 226]. Видно, что такая номинационная модель используется в северных диалектных группах — северо-западной и северо-восточной. Означает ли это то, что эти названия были даны коренными тунгусо-маньчжурскими народами, эвенками и эвенками, которые тесно контактировали с якутами, не совсем ясно на текущий момент. Не исключается возможность того, что данные фитонимы появились в результате калькирования — выражение «ива якутская» редко, но используется в качестве ботанического термина-синонима для ивы шерстистопобеговой, як. *туулээх уөт*.

Диалектно маркированными являются названия ивы *сахха талаба* и *хахха талаба* в Верхоянском, Верхнеколымском и Среднеколымском районах, в которых наблюдается два фонетических процесса в области консонантизма — замена *c ~ h* и *x ~ хх*.

Соответствие долгих и кратких согласных *x ~ хх* (*хахха* вм. *хах*) — одно из диалектных явлений, как правило, характерное для верхоянского говора. П. С. Афанасьев приводит следующие примеры: *буххатыыр* вм. *бухатыыр* ‘богатырь’, *аккаары* вм. *акаары* ‘глупый, дурак’, *мээччик* вм. *мээчик* ‘мяч’, *Микиитэ* вм. *Микиитэ* ‘Никита’ и т. д. [Афанасьев 1965: 76—80]. М. С. Воронкин отмечает, что процесс не ограничен одним районом и встречается в других смежных говорах [Воронкин 1999: 97—99], что также подтверждается рассматриваемыми нами примерами — долгий *x* обнаружен в Верхоянском, а также Верхнеколымском и Среднеколымском районах.

Замену сибиланта *c* фарингалом *h* в начале слова (*хахха* вм. *сах*) С. А. Иванов считает широко распространенным явлением в якутских говорах, особенно в есейском, оленекском и анабарском [Иванов 2004] (см. рис. 2).

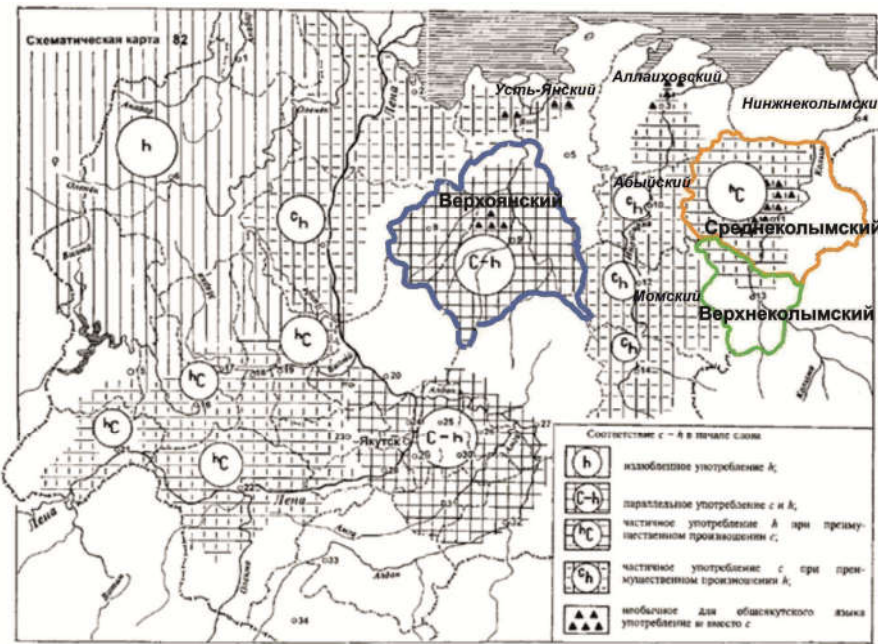

Рис. 2. Соответствие *c ~ h* в начале слова [Иванов 2004: 124]

По пищевому качеству:

Ряд наименований ивы связан с питанием, т. к. некоторые виды ив и их части пригодны для пищи.

54. *Кыыл сиур талаба* ‘ива черничная’ [Кулаковский 1979: 436] — выражение буквально переводится как ‘тальник, поедаемый зверем/диким оленем’, олень действительно может питаться молодым березняком, ерником и тальником.

55. *Сутугах талах* (букв. ‘лыко-тальник’) ‘ива грушанколистная’ [Кулаковский 1979: 436], *сутуга талах* ‘ива круглолистная, *Salix rurolaefolia* Led.’ [Пек. II: 2537], *сутугах* — дериват от слов *сутуга/сутука* ‘мягкая, легко отделяемая кора (лыко) ивы, тальника и т. д.’ [Пек. I: 2374], которое ели якуты.

56. *Чай таллах* ‘полярная ива’ [ДСЯЯ 1976: 296; БТСЯЯ XIV: 89], ‘полярная ива и арктическая ива’ [Кулаковский 1979: 436], букв. ‘чайная ива’ (из рус. *чай*). В книге «Якуты (Саха)» Н. А. Алексеев пишет, что «в старину *отосуты* при лихорадке пользовались отваром коры (лыка) осины (*тэтин сутуката*)» [Алексеев и др. 2012: 269].

По времени цветения:

57. Пищевые отношения между объектами флоры и фауны участвуют во внутренней форме фитонима *кэбэ отоно* Верх. ‘вид ивовых’ [ДСЯЯ 1976: 142] (букв. ‘кукушачья ягода’). Кукушка питается (хотя и в относительно небольших количествах) ягодами и вегетативными частями растений, вероятно, может клевать и побеги ивы. Однако, как известно, ива не является ягодным растением; предлагалось объяснение, что ее кусты часто становятся местом гнездования лесных птиц [Тимофеев 1980: 22]. Другая, как кажется, более надежная возможность мотивации через кукушку — это связь с ранним цветением ивы; как показано в [Николаев 2022], номинация растений через кукушку обычна для рано зацветающих растений; «ягодой» в этом случае могут считаться округлые ярко-желтые мужские соцветия ивы.

2.2. Мотивированные названия, основанные на монголизмах

По форме:

58. По мотивационному признаку формы образована номинация ивы *дьондол* Жиг. ‘ива, белая ива’ [ДСЯЯ 1976: 98], ср. як. *дьондой* ‘быть высоким и сухощавым, быть долговязым, вытягиваться’. Из монг., бур. *yondoḷ-, yontoḷ-* ‘выдаваться, выступать’, *yondoigšo narhaḷ* ‘одинокая (букв. ‘торчащая’) сосна’, халх. *yondoḷ-* ‘выступать, торчать’ [Калужинский 1995: 274], письм.-монг. *yondoyiqu* ‘торчать; становиться долговязым’ [БАМРС 2001: 137].

59. Образование фитонима *арбай* Ойм., Аб., Верх., В.-Кол. ‘ива’ [ДСЯЯ 1976: 50], ‘1. чаща, густой лес; 2. ива’ [ТСЯЯ I: 540] может иметь несколько версий. Во-первых, с помощью мотивационного признака внешнего вида — якутский глагол *арбай-* означает ‘растопыриваться, взъерошиваться’, что позволяет нам предположить, что форма растения легла в основу номинации ивы. Видимо, и фитоним, и глагол связаны с монг. *арвагар* ‘растопыренный, взъерошенный; растрепанный; косматый’, *арвайх* ‘1) растопыриваться (о пальцах); 2) щетиниться, торчать; становиться дыбом (о волосах), растрепаться; взъерошиваться’ [БАМРС 2001: 252], которые восходят к письм.-монг. *arba-yi-*, см. халх. *арвай-*, бур. *арбай-*, калм. *арва-* ‘растопыриваться, взъерошиться, становиться лохматым’ [ЭСМЯ 2015: 53]. Во-вторых, этимология может быть связана с письм.-монг. *арвай* ‘ячмень, ячменный’, ср. халх. *арвай*, бур. *арбай* ‘ячмень’, калм. *арва* ‘овёс, (иногда) ячмень’ < др.-тюрк. *arpa*, ма. *arfa* ‘ячмень, овёс’ [там же: 54]. Однако с точки зрения изменения семантики данный вариант представляется маловероятным.

60. Не вполне ясно происхождение фитонима *абырбал* Верх. ‘густой кустарник, ерник’ [Коркина 1990: 107], ‘1. хворост; 2. низкорослые кустарники, заросли кустарников’ [ТСЯЯ I: 243]. Э. К. Пекарский связывает данную лексему с основой як. *абыр* ‘разбросанно, редко, местами, там и сям’ [Пек. I: 11—12], таким образом, подчеркивается хаотичный способ произрастания тальника. С другой стороны, ср. монг., бур. глагол *абир-* ‘шептать’ и отглагольный суффикс имени признака *-yar/-yal* [Рорре 1976: 46].

По функции:

61. Як. *сансырба* Вил. ‘тальник с густыми ветками, употребляемый для тушения пала’ [ДСЯЯ 1976: 203] является монголизмом, заимствованным якутским языком гораздо раньше, чем позднейшие монгольские слова с начальным *ч* и *дь*, т. к., согласно В. И. Рассадину, наблюдается сочетание инициального *с* с гласным *ы*, стоящим на месте среднемонгольского *и* [Рассадин 1980: 79]: ПМонг. *čabčirya* [ЭСМЯ 2015: 127] или *čibčirya ~ sibirya* ‘1) прут, хлыст 2) розга’ [ССТМЯ 1977: 64], ср. халх. *чавчирга* ‘розга, батог’ [ЭСМЯ 2015: 127]. Фитоним *сансырба*, очевидно, связан со скотоводческой деятельностью — имеется в виду ветка, используемая для того, чтобы стегать скот. NB: это заимствование должно принадлежать к старому слою, до перехода в якутском *ч* > *с*.

2.3. Мотивированное название, основанное на заимствовании из эвенкийского

По форме:

62. Фитоним *лабаа* Томп. ‘тальник’ [ДСЯЯ 1976: 149], ‘боковой отросток ствола дерева или стебля травы, на котором вырастают листья или хвоя; ветвь, лоза’ [БТСЯЯ VI: 66] заимствован из эвенк. *лавā* (восточное наречие, томмотский говор, учурский говор) ‘ветвь, отросток рогов; ветвистый (о рогах оле-

ня)'. М. Ряснен вслед за [Рорре 1961: 139] этимологизировал данную основу как заимствованную из монгольского в тунгусский: < тунг. [Василевич 1958] *lava* 'ветвистый (о рогах оленя)' < монг. *патауа* 'ветвь' [VEWT 1969: 313]. Это предположение кажется более приемлемым, чем предположение [ССТМЯ 1975: 485] о заимствовании в эвенкийский из якутского: якутскому не свойственно начало слова на *л-*.

2.4. Мотивированное название, основанное на заимствовании из юкагирского

63. Мотивация по цвету произошла в фитониме *хара иирэ* (букв. 'черный тальник') 'вид тальника, *Salix Tourn.*' [Пек. III: 3330]. Опорное слово *иирэ* 'ива, тальник, белоталь' (см. выше).

ОСИНА, ТЭТИН

1. Синхронно немотивированное название, восходящее к общетюркскому фитониму

64. Як. *тэтин* 'осина, *Populus tremula* L. (тэтин иирэ)' [Пек. III: 2652], 'осина (*Populus tremula* L.)' [Кулаковский 1979: 435]. Ср. у Э. К. Пекарского варьирующие формы, явно производные от этого названия дерева: *тэтинньиэр* = *чэчинньиэр*, *чачынньиар* 'усохшие сучья, мелкая поросль', *тиэтинньиэрдээ* = *чачынньиардаа* 'собирать сушняк (для топки летом)' [Пек. III: 2652]. Сохранение начального [ч] может объясняться сложными фонетическими взаимодействиями между первым и вторым согласными корня. Таким образом, учитывая встреченные у Э. К. Пекарского варьирующие формы, следует связывать его с ОТю. *čEt 'молодые хвойные поросли; кустарник', шор. *šet*, алт. *čet ауаš*, тув. *šet* [VEWT 1969: 102; EDT 1972: 867—868].

2. Мотивированное название, основанное на заимствовании из русского языка

65. Як. *бадыйаан* Лен. 'дерево с продолговатыми листьями, похожее на осину' [ДСЯЯ 1976: 57] заимствовано из рус. *бадьян*, *бадан* 'ясенец; грушанка круглолистная' (см. [Аникин 2000: 107]); сходство по форме листьев? Данная лексема зафиксирована в Ленском и Вилюйском районах, расположенных на реках Лена и Вилюй соответственно, что совпадает с зоной распространения осины — «в Якутии северная граница ареала проходит по левобережью р. Вилюя, Центральному и Восточному Верхоянью» [Тимофеев 1980: 28].

Возникновение заимствования из русского языка в Ленском и Вилюйском районах вполне оправдывается тем, что эти улусы со времен появления русских на территории Якутии были зонами соприкосновения русскоязычного населения с местным. С 1630-х гг. образовывались рабочие поселки Витим, Пеледуй [Сафронов 1961]. По состоянию на 1 января 2016 г. население Ленского района преимущественно состояло из русских: из 37 616 человек русские — 78 %, якуты — 10,2 %, украинцы — 3,8 %, белорусы — 2,9 %, буряты — 1,8 % и др. [Тартыева, Филимонова 2018: 10]. Столица Вилюйского района г. Вилюй был одним из главных опорных пунктов русского воеводства с 1634 г., когда был построен острог, и сейчас является административным центром района.

ТОПОЛЬ, ТИРЭХ

Виды, произрастающие в Якутии: тополь душистый (*Populus suaveolens* Fisch. — як. *сыттаах тирэх*) и, по А. Е. Кулаковскому, тополь черный, осокорь (*Populus nigra* L. — як. *хара тирэх*) [Кулаковский 1979: 435].

1. Немотивированные названия

1.1. Синхронно немотивированные названия, восходящие к общетюркскому фитониму

66. *Тирэх* (см. выше в разделе «Ива»).

67. *Тэтин* Кол. 'молодой тополь' [ДСЯС 1995: 201] (см. выше в разделе «Осина»).

1.2. Немотивированное название — заимствование из юкагирского?

68. *Нолур* Кол. 'высокое толстое дерево, похожее на тополь' [ДСЯС 1995: 134] (см. выше, *нолут* в разделе «Ива»). Ср. юкаг. T[undra] *nohur* 'red poplar' [Nikolaeva 2006: 1490].

3. Семейство Вересковые

БАГУЛЬНИК, СУГУН АБАҒАТА

Под наименованием «багульник» в Якутии фигурирует багульник болотный (*Ledum palustre*), растение из семейства Вересковые.

1. Немотивированные названия

1.1. Немотивированные названия — заимствования из русского языка

69. От рус. *багульник* произошли фонетически разные названия багульника: *бабылыаньньык* Кол. [ДСЯС 1995: 46], *баблыаньньык* С.-Кол., В.-Кол. ‘багульник’ [ДСЯЯ 1976: 56], *бабыалыньньык* Верх. ‘багульник’ [там же], *бабылыаньньык* С.-Кол., В.-Кол. ‘багульник’ [там же].

70. Як. *һэппэрээк* Оленек. ‘багульник’ (инф. КЕН, Оленекский р-н), *сэппэрээк*, *сэппэрээх*, *сэкипэрээк* ‘1) мелкий кустарник, кустик, низкое нежное многоствольное растение, куст; 2) болотный кустарник, багульник, *Ledum palustre* L. = *сугун абаҕата*’ [Пек. II: 2167]. Первая форма зафиксирована также у А. Е. Кулаковского в значении ‘багульник, болотный кустарник (*Ledum palustre* L.)’ [Кулаковский 1979: 436]. В [БТСЯЯ IX: 584] приводится параллель с эвенк. *супирээг* ‘кустарник, заросль шиповника’, в [ДСЯЯ 1976: 226] — с эвенк. *сэүкирэ* ‘можжевельник, багульник’. Однако по наличию фитонима *чэм-пэрээк* багульник болотный (болотная одурь, болотник, багун душистый) [ИЛРЯ 2009: 28; ЛРЯ 2016: 15] можно провести параллель с рус. *чепурник* ‘мелкий густой кустарник», чаша, вятск. (Васн.). По-видимому, от чепать (см.), т. е. «цепкая растительность» [Фасмер 1973: 333]. Все якутские фонетические варианты, согласно М. С. Воронкину, отражают «фонетические дублиеты слова, наблюдаемые в самом языке-доноре», к примеру, касательно фитонимов *һэппэрээк*, *чэмпэрээк*, *сэппэрээк* — «в восточном ареале без колебания употребляется литературное *сэппэрээк*, а в западном оно значительно варьирует (*чэмпэрээк* / *чэппэрээк* / *сэмпэрээк* / *сэппэрээк*)» [Воронкин 1999: 93].

1.2. Немотивированные названия — заимствования из эвенкийского языка

71. Фитонимы *сэмкэрэ* Уд. ‘багульник’ [ДСЯС 1995: 172], **һэнтэрэ* Ес. ‘багульник’ [Чорду 2011: 19], *һэнгэрэ* Ес. ‘кустарник, растущий на гольцах и похожий на багульник’ [ДСЯЯ 1976: 226] заимствованы из эвенк. *сэүкирэ* ‘можжевельник, багульник’ [там же], эвенк. *һэнкирэ* ‘можжевельник, багульник’ [Мыреева 2001: 83].

72. Як. *һамдурку* Ес. ‘багульник’ [ДРОЯ 1990: 95; ИОЛРЯ 2018: 338], *һамдуркураа* долг. ‘багульник стелющийся’ [ИОЛРЯ 2018: 345], ‘кустарник, растущий на гольцах и похожий на багульник’ [ДСЯЯ 1976: 226], *һандуккураа* Ес. ‘кустарник, растущий на гольцах и похожий на багульник’ [там же], *һомдуркураа* Ан. ‘кустарник, растущий на гольцах и похожий на багульник’ [там же: 227], *һэндикирэ* Ан. ‘кустарник, растущий на гольцах и похожий на багульник’ [там же: 226] — по суффиксальному оформлению явные эвенкизмы, но трудно подобрать точный источник заимствования; ср. эвенк. *һунмумкурэ* ‘шиповник’ [Мыреева 2001: 83]; *хутумуктамкура* Учр., *хутумуктэмкурэ* Урм., Сх. ‘жимолость (куст)’ [Василевич 1958: 501]; ср. также эвенк. *һайктамкурā* ‘название кустарникового растения (употребляемого на стельки), жимолость (растение), трава (сухая, болотная, употребляемая на стельки)’ [ССТМЯ 1977: 309].

2. Синхронно мотивированные собственно якутские номинации

По форме:

73. Литературное якутское название багульника — *сугун абаҕата* (букв. ‘голубичный дядя’), ср. як. *сүһик абаҕата* ‘древовидная ольха; ольховик’. Обычно этимологи сравнивают с тат. *abaҕа*, башк. *abaҕа* ‘папоротник-орляк’ и возводят к ПТю. **арака* ‘растение со съедобными ростками (папоротник, ольха)’, предположительно, старому производному от табуистического названия медведя **ара* (букв. ‘дядя, дед’); большое количество параллелей названий папоротника в тюркских языках, связанных с медведем, типа ‘медвежья лапа’, приводит Р. Г. Ахметьянов [VEWT 1969: 1; Попов 1986: 92; Ахметьянов 2015: 69]. Однако, поскольку слово как фитоним встречается только в изафетной конструкции с определением, обозначающим также тип кустарника (ольха; голубика), т. е. его употребление полностью параллельно многократно отмеченным зоонимам с *абаҕа* ‘дядя’ во второй позиции, которые означают ‘нечто схожее с животным, обозначенным в первой позиции’ (ср. *тайах абаҕата* ‘кабарга’, букв. ‘дядя лося’), вполне

возможно, что данный якутский тип названий кустарников не связан непосредственно с татарской и башкирской формами, а представляет собой мотивированную номинацию по форме. См. ниже о названии ольхи.

По запаху:

74. *Сытыган ыарба* Бул. (букв. ‘вонючий кустарник’) ‘багульник’ [ДСЯС 1995: 172], мотивационный признак — запах.

4. Семейство Березовые

БЕРЁЗА, ХАТЫН

Виды, произрастающие на территории Якутии: берёза белая (*Betula alba* L. — як. *үрүҥ хатын*), берёза повислая (*Betula pendula* Roth. — як. *хаптабай сэбирдэхтээх хатын*), берёза каменная, или шерстистая (*Betula ermanii* Cham.s.l. — як. *түүлээх хатын*), берёза кустарниковая (*Betula fruticosa* Pall. — як. *ыарба хатын*), берёза тощая (*Betula exilis* Sukacz. — як. *хара ыарба хатын*), берёза растопыренная (*Betula divaricata* Ledeb. — як. *Миддендорф ыарбата*).

Большинство диалектных наименований берёзы (*минньик талаба, сиппиир талаба, уохтала, һэпкэрээк*) обозначают кустарниковые виды берёз. Именно берёза кустарниковая произрастает по тундровой и почти по всей таежной зоне, образуя множество ерников (см. рис. 3).

Рис. 3. Северные границы ареалов кустарниковых берёз [Тимофеев 2003: 34]

1. Немотивированные названия

1.1. Синхронно немотивированное название, восходящее к общетюркскому фитониму

75. Литературное название берёзы в якутском языке — *хатын* (ПТю. *Kadiŋ [TMN III: 183; ЭСТЯ V: 214—215; VEWT 1969: 218, СИГТЯ 2001: 122]). В эссееском говоре отмечен фонетический вариант *катын* Ес. ‘берёза’ [Чорду 2011: 147], образованный вследствие реализации заднеязычных смычных согласных вместо увулярных проточных ($\zeta \sim \zeta$, $x \sim k$). Такая реализация прослеживается в северных говорах якутского языка, особенно ярко в северо-западной диалектной зоне, и «является одной из значительных особенностей говоров якутского языка в области консонантизма» [Воронкин 1999: 77]. В бытовой речи рефлекс этой основы обычно применяются именно к древовидной берёзе белой; в тундровых районах Якутии кустарниковые виды берёзы не называют этим словом. Ботанические названия кустарниковых видов берёзы, содержащие слово *хатын*, калькированы с русского языка.

1.2. Немотивированное название — монголизм

76. Заимствованием из монгольских языков является фитоним *ыарба*, приведенный у Э. К. Пекарского: [ср. тюрк. *ırbaı* = *ырбаı*, монг. *ırbaı* — ирга, кизильник, *Cotoneaster vulgaris* Lindl. (*Mespilus cotoneaster* Linn.) Килл. и Колок.] ‘2) березниковый куст, тундровое растение, Пор.; карликовая, мало-

рослая береза, береза ерник, березовый ерник, березовый сланец, *Betula nana* L. β *sibirica* ledeb., деревцо, М.; особый вид березы: каменная или Эрманова береза, *Betula Ergmani* Cham., М. ...' [Пек. III: 3745].

Некоторые лингвисты относили данную лексему к словам тюркского происхождения [Антонов 1971: 16; Дмитриева 1972: 187], однако в монгольских языках отмечены такие слова, как письм.-монг. *irayai*, халх., бур. *яргай*, калм. *ярга* (бот.) 'кизил' [ЭСМЯ 2016: 105], кроме того, А. Е. Аникин указывает на монгольское происхождение тюркских названий кустарниковых растений, где, помимо алт. *уҕуј*, казах. *уғуј*, тув. *уғуј* 'род кустарника', упоминает и як. *ыарба* 'низкий тернистый кустарник' [Аникин 2000: 223].

1.3. Немотивированные названия — заимствования из тунгусо-маньчжурских языков

Почти все остальные названия березы (*дэбигдэ*, *уохтала*, *чалаан*) заимствованы из различных контактных тунгусо-маньчжурских языков. Наименования березы тунгусо-маньчжурского происхождения сосредоточены в местах длительного сосуществования эвенков, долган и якутов — Анабарском и Мирном районах и в Амурской области (в последнем случае заимствование, скорее всего, из негидальского).

77. **Уохтала** Ан., долг. 'кустарник, растущий в тундре' [ДСЯЯ 1976: 261], 'тундровая, карликовая береза' (инф. ЕМП, Анабарский р-н) — от ПСТунг. *ōkta- 'кустарник, полярная береза': эвенк. *ōkta*-у, Члм. *ōkta*-лйу 'заросли полярной березы', эвен. *ōtлақау* 'карликовый ольшаник', нег. *ōkta*-камка 'береза полярная, черная' [ССТМЯ 1977: 11]. Заимствовано, вероятно, из эвенкийского.

78. **Чалаан** Сад. 'молодой березовый лесок, березняк' [ДСЯС 1995: 230] — ср. эвенк. *чалбан* 'береза', *чалбуу* 'березняк', эвен. *чълбан* 'береза', ороц. *чъбакта* 'березняк (мелкий)' и др., ПТМ. *čälban [ССТМЯ 1977: 380; EDAL 2003: 413]. Тунгусское название березы, вопреки [ССТМЯ 1977], вряд ли связано с цветообозначением 'белый' (в словарной статье [ССТМЯ 1977] явно смешано несколько фонетически разных основ). Название березы **чалаан** является заимствованием из эвенкийского языка.

79. **Дэбигдэ** Амур. 'березка с тонкой как бумага берестой' [ДСЯЯ 1976: 91], 'береза с тонкой, как бумага, корой' [Кулаковский 1979: 436], *дэвэгдэ* 'дерево с липкими листьями, похожее на иву' [ДСЯС 1995: 66], *дэвэгдэ* (хабаровский край) 'кустарник' [Васильев 1987: 67]. Фитоним *дэбигдэ* отмечен в говоре амурских якутов. Слово зафиксировано Ю. И. Васильевым во время экспедиции в Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края в 1987 г. Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края — место компактного проживания эвенков. Ср. эвенк. *дишвэб* (*восточное наречие*, сахалин. гов.) 'заросли березы (карликовой)', *дишвэктэ* (*восточное наречие*, зейск. гов., учурск. гов.) 'береза карликовая' [EDAL 2003: 1369]: эвенк. *dīwekte*, возводимое к ПТунг. *dībe-kte. Амурское слово скорее заимствовано из негидальского: нег. *дивегде* 'черная береза' [Kałużyński 1982: 263], нег. *дивэгдэ* 'береза' [ССТМЯ 1975: 203].

1.4. Немотивированные названия — заимствования из русского языка

80. **Һэпкэрээк** Ес. 'карликовая березка' [Чорду 2011: 19] — см. выше под *һэпкэрээк* 'багульник' из рус. диал. *чепурник* (эвенк. *супирээг* 'кустарник; заросль шиповника', вероятно, из як.) [БТСЯЯ IX: 657].

2. Мотивированные номинации

2.1. Мотивированное собственно якутское название

По хозяйственной функции:

82. **Сиптиир талаба** М.-Канг. 'береза тощая' [ДСЯЯ 1976: 207] образовано по такой же логике, что и **миньньик талаба** (см. ниже). Отличие в том, что оба элемента названия — *сиптиир* 'веник' и *талах* 'тальник' — являются якутскими.

2.2. Синхронно мотивированное название, основанное на русском заимствовании

По хозяйственной функции:

81. **Миньньик талаба** Вил., М.-Канг., С.-Кол., В.-Вил., В.-Кол. 'береза тощая' [ДСЯЯ 1976: 159] буквально означает 'вениковый тальник', 'метельный тальник', где *миньньик* — от рус. *веник*; объяснением этому является практика использования якутами веток березы и тальника в качестве метлы. Таким образом, в основе номинации данной лексемы лежит мотивационный признак по применению растения в хозяйстве. Якуты изготавливали из березы посуду, украшения, сувениры, также «применение в быту находит береза кустарниковая, из нее изготавливают веники» [Тимофеев 1980: 35].

ОЛЬХА, СИҺИК

Виды, произрастающие на территории Якутии: ольха волосистая (*Alnus hirsuta* (Spach) Turcz. ex Rupr. — як. *бамтахтаах сүһүк*), ольховник (душекия) кустарниковый (*Duschekia fruticosa* (Rupr.) Pouzar — як. *талах сүһүк*).

Видовое разнообразие ольхи в Якутии достаточно скудно и представлено лишь двумя видами, произрастающими на влажных почвах. Якутские видовые названия — сугубо биологические термины, калькированные с русских видовых названий. *Бамтахтаах сүһүк* ‘ольха волосистая *Alnus hirsuta* (Spach) Turcz. ex Rupr.’ встречается в основном около рек Центральной и Южной Якутии, т. к. она предпочитает более плодородные пойменные почвы рек, речек и ручьев. Второй вид — *талах сүһүк* ‘ольховник (душекия) кустарниковый *Duschekia fruticosa* (Rupr.) Pouzar’ — также любит хорошо увлажненные и промываемые почвы [Тимофеев 2003]. Диалектизмы *дыахтар талаҕа* Кол. ‘ольха кустарниковая’ (букв. ‘женский тальник’) [ДСЯЯ 1976: 96; Коркина 1990: 108], ‘свидина’ [ТСЯЯ III: 328] и *абаҕа* Лен. ‘древовидная ольха; ольха’ [Попов 1986: 92] зафиксированы в районах с большими реками, куда впадает множество речек и ручейков — в колымском говоре (т. е. бассейн р. Колыма) и Ленском районе (бассейн р. Лена).

1. Синхронно немотивированные названия

1.1. Синхронно немотивированное название, восходящее к общетюркскому фитониму

83. Литературное название ольхи — *сүһүк* — имеет тюркское происхождение: чагат.³ *зірік*, казан. *зірік* ‘ольха’ [Радлов 1911: 142, 915; Антонов 1971: 16], кбалк. *žerk* ‘ольха’, тат. *zirek* ‘ольха’ ~ тат. нокр. *jerek* ‘ольха’ ~ тат. Мамад., Перм., Лямб. *zirek* ‘ольха’, башк. *jerek* ‘ольха’, узб. *zirk* ‘ольха’, долг. *sisik* ‘ольха’, чув. *sirək* ‘ольха’ [СИГТЯ 2001: 130, СИГТЯ 2006: 425]. Отметим, что гипотеза об иранском происхождении, высказываемая в [СИГТЯ 2001], пожалуй, верна только в отношении таких форм, как узб. *зирк* ‘барбарис’, *зирк дарахти* ‘ольха’ (букв. ‘барбарисовое дерево’) при новоуйг. *зирик*, *зи(р)к* ‘барбарис’, — здесь в узбекском налицо контаминация с перс., тадж. *zirk* ‘барбарис’ (прямое заимствование из таджикского трудно предполагать из-за семантической разницы). Остальные формы, кроме якутской и долганской, представляют собой правильные рефлексы праобщетюркского *jeṛk с поздним разрешением конечного кластера вставной гласной; *z-* в татарских диалектных формах — один из позиционно правильных рефлексов начального **j-*, а литературная форма, учитывая семантику слова, может быть заимствована из диалекта (ср. «правильную» для современного литературного татарского казанскую форму у В. В. Радлова). Якутская и долганская формы могут быть привязаны к прочим, если предположить общего предка ПТю. *jeṛk и раннее разделение конечного кластера вставной гласной в якутской группе; рефлексация *ř во всех языках-потомках тогда объясняется правилом Е. А. Хелимского (см. [Хелимский 1986]).

84. *Талах* Кол. ‘ольха Юх.’ [Пек. I: 2536] (см. выше в разделе «Ива»).

1.2. Немотивированное название — монгольское заимствование

85. Форма диалектного названия ольхи *убаайы* ‘ольха’ [Кулаковский 1979: 435], по всей видимости, является опечаткой (или контаминацией с як. *убай* ‘старший родственник по линии отца (моложе отца)’ [БТСЯЯ XII: 71—72] под влиянием *абаҕа*?) вместо еще одного наименования ольхи *улаайы*, *уулаайы* ‘чозения крупночешуйчатая’ [Пек. III: 2993; ДСЯЯ 1976: 259], ‘недавно начавшее сохнуть дерево, ольховое дерево’ [Пек. III: 2993; БТСЯЯ XII: 112].

Как считает Н. К. Антонов, фитоним *улаайы* — единственное видовое название дерева в якутском языке, заимствованное из монгольских языков: < монг.-бур. *уляангир*, *уляаһан* ‘тополь, осина’ [Антонов 1971: 24], ср. также бур. *улаһан* ‘осина’ [Коркина 1992: 152]. В [ЭСМЯ 2018: 196] приводится опорная форма письм.-монг. *uliyasun* [*uli-ya-sun] (*huliyasun* [Nugteren 2011: 363]), с рефлексами в других языках — халх. *улиас(ан)*, бур. *уляаһан*, калм. *уласн* ‘осина’. Здесь наблюдается семантический переход между названиями растений разных семейств, т. к. в монгольских языках данное название обозначало либо осину, либо тополь (семейство Ивовые), в якутском же — только ольху (семейство Березовые).

³ Источник чагатайской формы у В. В. Радлова нам обнаружить не удалось.

2. Синхронно мотивированные номинации

2.1. Собственно якутское название

По форме:

86. Фитоним ольхи *дьахтар талаба* В.-Кол., С.-Кол., Н.-Кол. буквально означает ‘женский тальник’. Относительно мотивации см. выше о тальнике; однако ольха — однодомное растение (женские и мужские цветы растут на одном и том же кусте). Вероятно, слабо пушистые серо-зеленые женские сережки ивы оказались достаточно похожи на хорошо заметные непушистые серо-зеленые (мужские) сережки ольхи, что могло вызвать семантический перенос или же ошибку определения растения (см. рис. 4). Если это действительно семантический перенос, т. е. в данном говоре ольху устойчиво именуют *дьахтар талаба*, то налицо номинация по форме (перенос с названия женских экземпляров ивы).

Рис. 4. Сережки ольхи и ивы

С определенной вероятностью здесь может также работать и метафорическое уподобление: тонкие, гладкие ветки ольхи сравниваются с изяществом и нежностью женщины. При этом аналогичная номинационная модель (впрочем, как уже было сказано выше, скорее всего, обусловленная не метафорической, а биологической двуполостью ивы) используется в наименованиях ивы, свидины и тальника: *дьахтар талаба* ‘красный тальник, растущий на низком влажном месте, краснотал’ [ТСЯЯ III: 328], *дьахтар талах* ‘краснотал’ [ДСЯЯ 1976: 97], *дьахтар талах* ‘краснотал’ [там же], ‘красный тальник, растущий на низком влажном месте; краснотал’ [ТСЯЯ III: 328]. В целом уподобление березовых и ивовых женщине характерно — береза, например, часто олицетворяет женщину. Л. Л. Габышева пишет, что в мифопоэтических произведениях береза и лиственница сравниваются с девушками и юношами, а сосновый лес и густой, труднопроходимый ельник — с пожилыми женщинами и мужчинами [Габышева 1991: 61, 73—74]. «Каждое пространство мира, каждый объект природы наделялись дыханием “тыын” и всем остальным набором качеств, свойственных человеку. Такой антропоморфизм распространялся на все природное окружение и являлся одной из особенностей мифологического мышления» [Бравина 2005: 27].

87. В некоторых этимологических работах [Попов 1986: 92; EDAL 2003: 310] як. *абаба* ‘древовидная ольха; ольха’ непосредственно сравнивается с тат. *абага*, башк. *абага* ‘папоротник-орляк’ и возводится к ПТю. *арака ‘1. вид ольхи, багульник; 2. вид папоротника’. Но, как мы уже упоминали выше (см. «Багульник»), слово в якутском употребляется как фитоним только в функции вершины определительной конструкции с различными определениями. Как название ольхи используется сочетание *сиһик абабата* ‘ольха; ольшаник, ольховник’ [ТСЯЯ I: 228—229], которое легко толкуется как букв. ‘ольховый дядя’ (см. выше о многочисленности фитонимов и зоонимов в якутском с этим компонентом). Так образованные зоонимы и фитонимы имеют в виду либо сходство, либо бóльшую величину по сравнению с предметом, название которого вынесено в определение. Надо сказать, что як. *абаба* ‘дядя’ является монгольским заимствованием (а вовсе не рефлексом тюрк. *āra ‘отец, дед; медведь’ [СИГТЯ 2001: 159]; ср. ПМонг. *abaga ‘paternal uncle’ [Nugteren 2011: 263—264]), оно также используется в качестве одного из многочисленных эвфемизмов медведя — як. *абаба* ‘медведь’ [ДСЯЯ 1976: 39; ТСЯЯ I: 228].

5. Семейство Кипарисовые

МОЖЖЕВЕЛЬНИК, *КЫТЫАН*

Виды, произрастающие на территории Якутии: можжевельник сибирский (*Juniperus sibirica* Burgsd. — як. *Сибиир кытыана*), можжевельник обыкновенный (*Juniperus communis* L. — як. *көннөрү кытыан*), можжевельник даурский (*Juniperus dahurica* Pall. — як. *Даурия кытыана*).

Ареал распространения можжевельников не такой обширный и в основном сосредоточен около рек. Из трех видов можжевельника наиболее устойчив к суровому климату можжевельник сибирский — он произрастает вплоть до устьев рек Лена и Колыма (см. рис. 5). Видимо, поэтому диалектные наименования можжевельника *китиэн* Уд. ‘можжевельник’ [ДСЯС 1995: 85] и *ыт отоно* Олен., Бул. ‘можжевельник’ (инф. КЕН, Оленекский р-н), ‘разновидность ягоды’ [ДСЯС 1995: 244] зафиксированы в северо-западной диалектной группе и в Удском крае Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края.

Рис. 5. Ареал произрастания можжевельника сибирского [Тимофеев 2003: 20]

1. Синхронно немотивированное название, восходящее к общетюркскому фитониму

88. Название можжевельника *китиэн* Уд. — фонетический вариант общеякутского обозначения можжевельника *кытыан*. Колебания заднерядных и переднерядных вариантов слов известны для якутского языка. Так, Е. И. Убрятова происхождения соответствия *ы ~ и* связывает «с установлением ныне действующего закона гармонии гласных» [Убрятова 1960: 49—51]. П. П. Барашков считает, что заднерядные варианты (например, *сырай, ньырай*) характерны для окающих говоров, а переднерядные (*сирэй, ньирэй*) — для акающих [Барашков 1985: 141]. В данном случае вероятно появление переднерядного варианта под влиянием «индифферентного *и*», характерного для заимствований из эвенкийского: як. *атакии* (ср. эвенк. *атаки* ‘паук’), як. *ахтамии* (ср. эвенк. *актами* ‘холостить, кастрировать, оскоплять’) ‘олень, холощенный в старшем возрасте’ и др. М. С. Воронкин полагает, что переход *ы ~ и* связан с влиянием эвенкийского языка: «Частое употребление подобных эвенкизмов вызвало ассоциативное видоизменение отдельных коренных якутских слов. Это явление более ярко проявилось в есейском говоре, менее — в других говорах зоны, например: *манчаарии* вм. *манчаары* ‘осока’; *ариги // арагии* ‘водка’, *бастакии* вм. *бастакы* ‘передний, главный’» [Воронкин 1999: 56]. Возможно, здесь мы имеем дело с обратным заимствованием из эвенкийского (в эвенкийском и его диалектах не зафиксировано); далее «индифферентный *и*» в первом слоге повлек переход *ыа ~ иэ* во втором слоге по закону сингармонизма гласных. Значение же фитонима *кытыан* (*китиэн*) развилось в общеякутском от ПТю. ‘сосна’ к якутскому ‘можжевельник’, т. к. значение ‘можжевельник’ наблюдается только в якутском языке, ср. ПТю. *қади ‘сосна’: хак. *xara-xazi*, тув. *xadi*, тоф. *xadi*, чув. *xirъ* ‘можжевельник’ [EDAL 2003: 664; ЭСТЯ V: 291—293]. В данном случае речь снова идет о семантическом переходе между названиями растений разных семейств — Сосновых и Кипарисовых, в основе которого лежит похожий внешний вид (оба растения — хвойные).

2. Синхронно мотивированная номинация

По пищевому качеству:

89. *Ыт отоно* Олен. (букв. ‘собачья ягода’) ‘можжевельник’ (инф. КЕН, Оленекский р-н). В якутском, как и во многих других языках Евразии, эпитет «собачий» при фитониме обозначает в основном низкое качество, малую пригодность в пищу, ядовитость и под. (ср. о финно-угорских языках [Бродский 2007: 119—120], о славянских [Kolosova 2018: 49]). Ягоды можжевельника мало применяются в пищу в якутской культуре.

6. Семейство Розовые

БОЯРЫШНИК, ДОЛОХОНО

Виды, произрастающие на территории Якутии: боярышник даурский (*Crataegus dahurica Koechne ex Schneid.* — як. *Даурия долохоното*), боярышник кроваво-красный (*Crataegus sanguinea* — як. *хапатынгы-кыһыл долохоно*).

1. Немотивированные названия

1.1. Немотивированное название — заимствование из монгольского

90. Як. *долохоно* ~ *долобоно*, *долобон*, *долохон*, *долокуна*, *долохуна*, *долукуна*. Литературным считается вариант *долохоно*. Согласно источникам, диалектизмами являются варианты *долохуна* Томп. ‘боярышник’ [Жиркова, Кривошапкина 1970: 26] и *долобоно* Бод. ‘боярышник’ [ДСЯС 1995: 64], остальные зафиксированы у Э. К. Пекарского без конкретной привязки к территории. Данные названия боярышника в якутском языке имеют монгольское происхождение: монг. *dolayana* ‘боярышник’ [Kałużyński 1961: 79; VEWT 1969: 139]. О переднерядных формах в значении «Шиповник» см. ниже.

1.2. Немотивированные названия — заимствования из тунгусо-маньчжурских языков

91. Як. *дьалыкта* У.-М. ‘боярышник’ [ДСЯЯ 1976: 94]: от эвенк. *žalikta* (восточное наречие, аянский говор, алданский говор, зейский говор) ‘боярышник’ [ССТМЯ 1975: 246; EDAL 2003: 391].

92. Як. *ньалыкта* ‘боярышник’ [ДСЯЯ 1976: 178], ‘боярышник (ср. долобоно)’ [Пек. II: 1709], ‘боярышник (*Crataegus dahurica Koechne*)’ [Кулаковский 1979: 435], ‘боярышник даурский (разновидность боярышника, отличающаяся ярко-желтыми ягодами)’ [БТСЯЯ VII: 86] — от эвенк. *нялликта* ‘багульник’ [ДСЯЯ 1976: 178], эвенк. *няликта* ‘багульник’, ульч. *ньеликта* ~ *ньиликтэ* ~ *ньиэликтэ* ‘смородина (красная)’ [Дмитриева 1972: 178, 204], эвенк. *ньаликта* (восточное наречие, майский говор, сахалинский говор, урмийский говор) ‘багульник; азалия’ [ССТМЯ 1975: 630; Новгородов 2009: 495]. Развитие семантики может быть связано с контаминацией с *дьалыкта*?

93. Як. *наамыкта* ‘мягкий тальник’: от эвенк. *нямьикта* [Дмитриева 1972: 189], эвенк. *нямньиикта* (восточное наречие, томмотский говор) ‘тальник (гибкий, тонкий, растущий на гарях)’ [ССТМЯ 1975: 632].

1.3. Немотивированное название — заимствование из русского

94. Из рус. *боярышник* заимствованы *байаарысынньык* Олекм. [ДСЯЯ 1976: 58], *байааһынньык* Сунт. ‘боярышник’ [там же], *бэрэһинньык* В.-Кол. ‘вид ягодного кустарника’ [там же: 81], *байаарынньык* без диалектных помет ‘(*Crataegus dahurica Koechne*)’ [Кулаковский 1979: 438], *майааһынньык* без диалектных помет ‘боярышник’ [БТСЯЯ VI: 200], *майаарсын* Вил. ‘боярышник’ [ДСЯЯ 1976: 155].

95. Из рус. *боярка* заимствованы як. *байааккы* Олекм. [ДСЯЯ 1976: 57], *байаарка* Ханг., Олекм., Сунт. [там же], *байааркы* [там же].

Следует отметить, что большинство данных диалектизмов обнаружены в контактных зонах сосуществования якутского и русского населения — Олекминский, Сунтарский, Вилюйский, Хангаласский, Верхнеколымский районы.

2. Мотивированные названия

2.1. Мотивированные собственно якутские названия

По форме (наличие колючек):

96. *Катыллаах мас* Т.-Ч. ‘боярышник’ (букв. ‘дерево с шипами’) [Васильев 1987: 67]. ###

97. *Иинэлээх мас* Т.-Ч. ‘боярышник’ (букв. ‘дерево с иголками’) [там же: 35] 96, *иннэлээк мас* Уд. ‘боярышник’ [ДСЯС 1995: 79]

2.2. Мотивированное название, опирающееся на эвенкийское заимствование

По форме (наличие ягод):

98. *Налыкта отоно* ‘Горн., Ордж., Сунт. боярышник; // ньалыкта; тэнн. дьалыкта. Эвенк. няликта багульник’ [ДСЯЯ 1976: 173]. Данный фитоним буквально означает ‘ягода боярышника’, где *налыкта* — заимствование из эвенкийского (см. далее про немотивированные названия боярышника — заимствования из тунгусо-маньчжурских языков), а *отон* — ‘ягода’.

ШИПОВНИК, ДӨЛҮҮҮӨН

Виды, произрастающие на территории Якутии: шиповник иглистый (*Rosa acicularis* Lindl. — як. *иннэлээх дөлүһөн*), шиповник даурский (*Rosa davurica* Pall. — як. *Даурия дөлүһөнэ*), шиповник тупоушковский (*Rosa amblyotis* C. A. Meyer — як. *мүлтүгүр самалык сэбирдэхтээх дөлүһөн*), шиповник майский (*Rosa majalis* Herrm. — як. *ыам ыйынаабы дөлүһөн*).

1. Немотивированные названия

1.1. Немотивированные названия — заимствования из тунгусо-маньчжурских языков

99. Як. *дөлүһөн* [ТСЯЯ III: 178; ЛРЯ 2016: 35; Кулаковский 1979: 437; ИОЛРЯ 2018: 415], *дөлөһөөн* [Барашков, Жиркова 1974: 31], *дөлөһүүн* [там же], *дөлөкөнө* Аллаих. [Васильев 1984: 93], *дөлөкү* Аллаих. [там же], У.-А. ‘шиповник’ [ДСЯЯ 1976: 88], *дөлүкүнэ* ‘шиповник’ [там же].

Переднерядные формы в значении ‘шиповник’ (ср. выше в разделе «Боярышник») зафиксированы почти исключительно в материалах Аллаиховской экспедиции Ю. И. Васильевым в 1984 г.; ср. также *долобоно* Бод. ‘плод шиповника’ [ДСЯС 1995: 64], *дөлүкүнэ* ‘шиповник’ [ДСЯЯ 1976: 88], *дөлөкү* ‘У.-А. шиповник’ [там же]. Соответственно, для них следует предполагать заимствование из незафиксированного эвенского слова, содержащего звук [ө], характерный для Аллаиховского говора (см. [Дуткин 1995: 9]). Это эвенское слово в конечном счете должно было быть монгольским заимствованием (ср. выше о названиях боярышника). В других сибирско-тюркских языках рефлекс этого монголизма также могут демонстрировать значение ‘шиповник’: алт. *tolono*, шор. *tolana* ‘шиповник’. С точки зрения внешней морфологии и лечебных свойств боярышник и шиповник, относящиеся к одному и тому же семейству растений — Розовым, обладают многими схожими чертами: на ветвях шиповника и боярышника расположены острые иголки, оба растения имеют ярко-красные ягоды.

100. *Уопикта* Уд. ‘плод шиповника’ [ДСЯС 1995: 204]. Суффиксация явно указывает на тунгусское заимствование. Вероятно, из нан. Нх. *opoqta*, Бик., К-У *ofoqta* ‘боярышник’ [ССТМЯ 1977: 22]. Локальное заимствование на Дальнем Востоке.

2. Мотивированные названия

2.1. Мотивированные собственно якутские названия

По форме:

101. *Хатыылаах уба* ‘шиповник’ [Барашков, Жиркова 1974: 31] (букв. ‘стебель с шипами’), мотивация по форме растения.

102. *Хатыы аһа* Сакк. «см. ‘хатыы отоно’» [ДСЯЯ 1976: 285], Верх. ‘шиповник’ [Коркина 1987: 107] (букв. ‘шипастая еда’). «Еда» — обычный для якутского элемент названий ягодных растений. Мотивация по форме растения.

103. *Обус таһаба* Кол. ‘ягоды шиповника’ [ДСЯС 1995: 141]. Букв. ‘бычьи яйца’, видимо, по парно висящим плодам. Мотивация по форме растения.

2.2. Мотивированное название, опирающееся на эвенкизм

104. *Амынньар* Верх. ‘шиповник’ (инф. КВЗ, Верхоянский р-н) — ср. литер. *амынньар* ‘сухие сучья, хворост’ [ТСЯЯ I: 458]. Вероятно, является фонетическим вариантом указанного в [Пек. Т. I: 96,

100] *амыңыар* ‘хворост; ветки и верхушки молодой лиственничной поросли’. Э. К. Пекарский связывает с як. *аабылаан, аамылаан* ‘поросль низких мелких кустарников’, заимствованным из эвенк. *āwlān* ‘поляна в лесу’.

ЧЕРЁМУХА, ХАППЫРЫАС

Согласно П. А. Тимофееву, в Якутии встречается только один вид черёмухи — черёмуха обыкновенная (*Prunus avium* Miller — як. *көннөрү хаппырыас*) [Тимофеев 2006: 37].

1. Немотивированные названия

1.1. Синхронно немотивированное название, восходящее к общетюркскому фитониму

105. Обнаружены следующие фитонимы черёмухи: *сымырыт* ‘черёмуха (*Prunus padus*)’ [Пек. II: 2461], *сымырыыт* У.-М. ‘черёмуха’ [ДСЯЯ 1976: 221], *сымириит* Уд. ‘черёмуха’ [ДСЯС 1995: 170], *симириит* Т.-Ч. ‘черёмуха’ [Васильев 1987: 19], *сэмэриит* Т.-Ч. ‘черёмуха’ [Васильев 1987: 25]; ‘см. сымириит (черёмуха)’ [ДСЯС 1995: 172]. Они восходят к ПТю. *jimurt ‘черёмуха’: карах. *jumi-šya* ‘medlar’ (МК), тур. *jimurt* (диал.), аз. *zimurt* ‘крушина’, узб. *šimurt*, хак. *nimirt*, шор. *nibir*; ойр. *jimirt* [EDAL 2003: 1004], узб. *шумурт*, тат. *шамырт*, бараб. *шоморт*, тат. лем. *шымырт*, алт. *дымырт* ~ *намырт*, хак. *нымырт*, шор. *ныбырт*, чув. *сёмерт* ‘черёмуха’ [Дмитриева 1972: 208; Норманская 2006: 387—436]. Значение в якутском сохраняется.

1.2. Заимствование из русского

106. *Чириэмнэ* Томп. ‘черёмуха’ [Жиркова, Крившапкина 1970: 6], *чэриэмхэ, чөрүөмхэ* ‘черёмуха’ [Пек. III: 573]. Видимо, заимствовано из русской диалектной формы *черёмха* [Аникин 2003: 677; Пек. III: 573].

2. Мотивированные названия

2.1. Мотивированные собственно якутские названия

По цвету:

107, 108. В названии черёмухи *хаппырыас* ‘черёмуха; черёмуха обыкновенная’ [БТСЯЯ XIII: 318], Ордж. ‘черёмуха’ [ДСЯЯ 1976: 280], а также в *хаппырыас уга* ‘черёмуха азиатская’ [Кулаковский 1979: 436] слово *хаппырыас* состоит из *хап-хара* + *ас*, где *хап-хара* — прилагательное *хара* ‘черный’ с удвоительным интенсификатором *хап-*. *Ас* ‘еда’ в названиях растений обычно служит для обозначения ягодников. Мотивирующий признак — цвет части растения.

109. *Харас* ‘черёмуха’ [Пек. III: 3344], (инф. ХМА, Олекминский р-н) < *хара ас* (букв. ‘черная еда’). *Хара* — ‘черный’; относительно *ас* см. выше. Мотивирующий признак — цвет части растения.

По форме:

110. *Сиһик аһа* Аллаих. ‘красная смородина’, Татт. ‘черёмуха’, *сиһик аһылыга* Усть-Ян. ‘красная смородина’ [ДСЯЯ 1976: 209] (букв. ‘ольховая еда’). *Аһа* — форма принадлежности 3-го л. от *ас*, употребленного так же, как выше. «Ольха», видимо, характеризует растение как кустарник.

РЯБИНА, САРБАННЬАХ

Род ягодных деревьев и кустарников на территории Якутии представлен только одним видом: рябина сибирская (*Sorbus sibirica* Hedl. — як. *Сибиир сарбанньаба*), не является лесообразующей породой, растёт единично в хвойных и мелколиственных лесах.

1. Немотивированные названия

1.1. Немотивированные названия — заимствования из тунгусо-маньчжурских языков

111. *Ачаахта* У.-М. ‘рябина’ [ДСЯЯ 1976: 54]. Видимо, из эвенк. *ачакта* Урм ‘клен; рябина’ (из ПТМ *aciā-hta: нег. *ачакта* Н. клен, нан. *ачиакта* Нх, Бк (*ачакта* К-У) ‘фундук (орехи)’ [ССТМЯ 1975: 59]).

112. *Кампай* ‘Уд. низкорослая рябина с крупной ягодой’ [ДСЯС 1995: 83], *компой* ‘см. кампай’ [там же: 86], *кымпый* Т.-Ч. ‘рябина’ [Васильев 1987: 19], ‘см. кампай’ [ДСЯС 1995: 102]. Якутское локальное слово, вероятно, заимствовано из сахалинского эвенкийского *кепрі* ‘рябина’, которое в [ССТМЯ 1975: 448] связывается с орочским *kētukte* ‘кислица, костяника’ (ПТМ *ketu-kte [EDAL 2003]). Фонетически эвенкийское слово не похоже на тунгусо-маньчжурское, да и его узкое распространение скорее говорит за амурский или сахалинский палеоазиатский субстрат. Возможный кандидат: ПраНивх. *gap [Fortescue 2016: 58], *гър* (реконструкция О. А. Мудрака) ‘черемуха’ (амур. *kəp*, вост.-сах. *kap*, ю.-сах. *qap*). Другие возможности: айну *кэпэ* ‘тальник’ [Добротворский 1875: 129] или айну (незасвидетельствованный) композит *кет* ‘кровь’ + *рi* ‘ягода, зерно’.

1.2. Немотивированные заимствования из русского

113. *Ирбинньэх* Верх. ‘рябина’ (инф. СЕМ, Верхоянский р-н). Из рус. *рябiнник*.

114. *Сарбанньах, сарбынньах* ‘рябина, рябина сибирская’ [Пек. II: 2101; ИОЛРЯ 2018: 414; ЛРЯ 2016: 11], ‘лиственное дерево с плодами в виде пучка оранжево-красных ягод; рябина (на территории Якутии произрастает преим. в верховьях Лены)’ [БТСЯЯ VIII: 272]. Очевидно, из рус. диал. *сарбинник, сербинник, сарбалинник, сербалинник* ‘рябина’; сев.-рус. *сарбалина* ‘ежевика’, *сербалина, сербина* ‘шиповник’, *сарбалинник* ‘шиповник; боярышник’ [СРНГ 36: 131; 37: 181]

2. Мотивированные названия

2.1. Мотивированные собственно якутские названия

По цвету:

115. *Кыһыл аһылык* Олекм. ‘рябина’ (инф. АПЕ, Олекминский р-н) (букв. ‘красный ягодник’), *аһылык* — производное от *ас* ‘еда’, о котором см. выше. Мотивация по цвету.

По форме (наличие ягод):

116. *Сарбанньах отоно* ‘рябина’ [Кулаковский 1979: 438]; *отоно* — ягода.

2.2. Мотивированное название, основанное на заимствовании из русского языка

117. *Сарбанньах эрэбиинэ* ‘рябина’ [Кулаковский 1979: 435], где *сарбанньах* от рус. диал. *сарбинник, сербинник* и др. (см. выше), а опорное слово *эрэбиинэ* от рус. *рябина*.

7. Семейство Жимолостные

ЖИМОЛОСТЬ, ЖИМОЛОСТЬ

Виды, произрастающие на территории Якутии: жимолость алтайская (*Lonicera altaiea* Pall, ex DC. — як. *Алтай жимолоһа*), жимолость съедобная (*Lonicera edulis* Turcz. ex Freyn. — як. *сиэнэр астаах жимолость*).

1. Немотивированные названия

1.1. Немотивированные названия — заимствования из тунгусо-маньчжурских языков

118. *Түүбүктэ* ‘жимолость’ (инф. ЧНК, Амгинский р-н). От эвенк. *тэвуктэ* ~ *тэвууктэ* (южн. нареч.: подкаменно-тунгусск. гов., сымск. гов., токминск. гов.; восточное наречие, аянск. гов.; сев. нареч.: илипийск. гов.; восточное наречие, майск. гов., сахалинск. гов., чумиканск. гов.) ‘ягода; клюква (ягода)’ [ССТМЯ 1977: 225].

119. *Үтүгэндэ* У.-М. ‘ягода жимолости’ [ДСЯЯ 1976: 271]. Согласно А. Н. Мыреевой, восточные эвенки называют жимолость *утумукта* с вариантами *хутумукта, хутумуктэ* [Мыреева 2001: 91]. Ст. Калужинский предложил такую этимологию: *ütümüktä* ~ *ütügändä* [ДСЯЯ 1976] ‘ягода жимолости’ < тунг. [ССТМЯ 1977]: эвен. *hutumukta* ~ *hutumükte* ~ *utumükte*, лам. *hutehte* ~ *utemte* ‘жимолость’, нег. *xutumte* ~ *xutehte*, ороч. *utumukte*, уд. *xutumukte, kutumiekte* ‘черная смородина’ [Kałużyński 1982: 269].

1.2. Заимствование из русского

120. *Сэмэлэс* ‘жимолость алтайская’ [Кулаковский 1979: 437]. От рус. *жимолость*.

2. Мотивированные названия

2.1. Мотивированные собственно якутские названия

По форме:

Группа названий, мотивированных формой ягод жимолости, соединенных попарно:

121. *Атыыр таһаба* (букв. ‘мошонка жеребца’) Нюрб. ‘жимолость’ [ДСЯС 1995: 44].

122. *Обус таһаба* (букв. ‘мошонка быка’) ‘жимолость’.

123. *Обус сымыта* (букв. ‘яйца быка’) Бод. ‘ягода жимолости’ [ДСЯС 1995: 141].

По пищевому качеству:

Группа названий, объединенных сравнением с голубикой (темные ягоды); при этом жимолость охарактеризована как «ухудшенная» голубика: эпитеты «журавлиный» и «собачий» говорят о меньшей пищевой ценности.

124. *Тураах сугуна* (букв. ‘журавлиная голубика’) ‘жимолость’ [БТСЯЯ XI: 158], Сунт., У.-М. ‘ягода жимолости’ [ДСЯЯ 1976: 249], У.-А. ‘арктоус красноплодный’.

125. *Ыт сугуна* (букв. ‘собачья голубика’) вилюйская группа улусов, Олен. ‘жимолость’ [ДМВ 1966: 71], (инф. КЕН, Оленекский р-н).

По месту произрастания:

126. *Тонус угуһньата* ‘жимолость алтайская’ [Кулаковский 1979: 437] (букв. ‘тунгусская стелька’) (но Вил. «кедровый стланик» [ДСЯС 1995: 190]). См. анализ мотивации выше, в разделе «Кедровый стланик».

127. Наконец, в литературе имеется мотивированное название некоторого ягодного кустарника неясной ботанической принадлежности: *ыылаах талах* Олекм. (букв. ‘пахучий тальник’) ‘похожий на рябину тальник с мелкими ягодами, пахучий тальник’ [ДСЯС 1995: 245]. Вообще говоря, тальника с ягодами не бывает; вероятно, здесь имеется в виду не тальник, а кустарник с красными ягодами (т. е. слово *талах* употреблено в значении ‘кустарник’). Нам не удалось выяснить с нашими информантами точного значения этого фитонима.

IV. Выводы

Подведем результаты проведенных этимологического и ономаσιологического анализа. Нами были проанализированы 127 (185 с фонетическими вариантами) наименований деревьев и кустарников якутского языка. Количественно наиболее распространенные виды деревьев и кустарников имеют большее количество диалектных вариантов названий, например, семейство Ивовые — 37 фитонимов, Сосновые — 31.

Выделены три группы: синхронно немотивированные названия, восходящие к общетюркскому фитониму; синхронно мотивированные (с опознаваемой внутри якутского языка внутренней формой) фитонимы (в том числе такие, внутренняя форма которых включает заимствованные слова) и синхронно немотивированные фитонимы — заимствования.

Группа 1. Синхронно немотивированные названия, восходящие к общетюркскому фитониму, — 15 л. е. (12 %).

Группа 2. Заимствования (29 %) распределены по этимологическим пластам: монгольский — 3 л. е. (2 %), тунгусо-маньчжурский — 20 л. е. (16 %) и русский — 11 л. е. (9 %); возможно, также юкагирские заимствования — 3 л. е. (2 %).

Группа 3. Синхронно мотивированные названия (59 %):

- собственно якутские — 56 (44 %);
- с опорой на заимствование из тюркского языка саянской группы — 1 (1 %);
- с опорой на заимствование из юкагирского языка — 1 (1 %);
- с опорой на заимствование из монгольских языков — 8 (6 %);
- с опорой на заимствование из русского языка — 5 (4 %);
- с опорой на заимствование из тунгусо-маньчжурских языков — 3 (3 %).

Больше всего рассмотренных фитонимов — это результат номинации по мотивационным признакам — 59 %. Установить связь между таким способом образования фитонимов и географическим распределением не представляется эффективным, поскольку данный способ номинации растений универсален для

всех диалектных групп (и, по-видимому, для всех языков мира). Мотивированные названия классифицированы по основным мотивационным признакам, среди которых: форма — 21⁴ л. е., размер — 12 л. е., цвет — 10 л. е., место произрастания — 4 л. е., пищевое качество — 9 л. е., хозяйственная функция — 7 л. е., запах — 4 л. е. Из них первые четыре являются объективными характеристиками растения, а три последних характеризуют восприятие растения через антропоцентрическую призму.

Некоторые проанализированные нами исконные лексемы, являясь диалектизмами, демонстрируют фонетические особенности, присущие соответствующим диалектам.

Сокращения

Языки и говоры

алт. — алтайский	рус. — русский
бараб. — барабинский диалект татарского	сад. — садынский говор якутского
башк. — башкирский	сев.-монг. — северно-монгольские
бур. — бурятский	совр. монг. — современный монгольский
даг. — дагурский	Сх. — сахалинские говоры эвенкийского
долг. — долганский	тадж. — таджикский
др.-тюрк. — древнетюркский	тат. — татарский
казах. — казахский	тел. — телеутский
калм. — калмыцкий	тоф. — тофаларский
кит. — китайский	тув. — тувинский
койб. — койбальский диалект хакасского	тунг. — тунгусский
леб. — лебединский (= челканский)	тюрк. — тюркский
литер. — литературный	узб. — узбекский
ма. — маньчжурский	уйг. — уйгурский
монг. — монгольский	Урм. — урмийский говор эвенкийского
нег. — негидальский	Учр. — учурский говор эвенкийского
нижнеколым. — нижнеколымский диалект эвенского	хак. — хакасский
ороч. — ороцкий	халадж. — халаджский
ОТю. — общетюркский	халх. — халха-монгольский
перс. — персидский	чаг. — чагатайский
письм.-монг. — письменно-монгольский	чув. — чувашский
ПМонг. — прамонгольский язык	шор. — шорский
ПСТунг. — прасевернотунгусский	эвен. — эвенский
ПТМ — пратунгусо-маньчжурский	эвенк. — эвенкийский
ПТунг. — пратунгусский	эйик. — эйикский подговор оленёкского говора якутского
ПТю. — пратюркский	як. — якутский
ПЮк. — юкагирский	

Районы Республики Саха (Якутия) и иные регионы России

Аб. — Абынский район	Жиг. — Жиганский район
Аллаих. — Аллаиховский район	Инд. — Индигирский район (ныне — Томпонский, Оймяконский и колымские районы Якутии)
Амур. — Амурская область	Кол. — Колымский район (ныне три колымских района Якутии)
Ан. — Анабарский район	Лен. — Ленский район
Бод. — Бодайбинский район Иркутской области	М.-Канг. — Мегино-Кангаласский район
Ботур. — Ботурусский улус (ныне — большая часть Таттинского района)	Н.-Кол. — Нижнеколымский район
Бул. — Булунский район	Ойм. — Оймяконский район
В.-Вил. — Верхневиллюйский район	Олекм. — Олекминский район
В.-Кол. — Верхнеколымский район	Олен. — Оленекский район
Верх. — Верхоянский район	Ордж. — Орджоникидзевский район (ныне — Хангаласский район)
Вил. — Виллюйский район	
Горн. — Горный район	
Ес. — с. Ессей Хабаровского края	

⁴ Здесь объединены форма всего растения, наличие шипов, наличие и форма ягод.

Сакк. — Саккырырский район (ныне поделен между Кобяйским и Верхоянским)	Т.-Ч. — Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края
С.-Кол. — Среднеколымский район	У.-А. — Усть-Алданский район
Сунт. — Сунтарский район	У.-М. — Усть-Майский район
Татт. — Таттинский район	Уд. — Удской край Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края
Томп. — Томпонский район	Усть-Ян. — Усть-Янский район

Список информантов

АПЕ — Алексеев П. Е., Олекминский р-н	СЕМ — Слепцов Е. М., Верхоянский р-н
ЕМП — Ефимова М. П., Анабарский р-н	ЧМЮ — Чепрасов М. Ю., Среднеколымский р-н
КВЗ — Кириллина В. З., Верхоянский р-н	ЧНК — Чирикова Н. К., Амгинский р-н
КЕН — Кривошапкина Е. Н., Оленекский р-н	ХМА — Худаев М. А., Олекминский р-н
КИМ — Колесов И. М., Среднеколымский р-н	

С л о в а р и

Аникин 2000 — *А. Е. Аникин*. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

Аникин 2003 — *А. Е. Аникин*. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003.

Ахметьянов 2015 — *Р. Г. Ахметьянов*. Этимологический словарь татарского языка: В 2 т. Т. I. Казань: Магариф-Вақыт, 2015.

Ачимова 2007 — *А. А. Ачимова*. Алтайско-русский словарь животного и растительного мира горного Алтая. Ч. I: Растения. Новосибирск: Наука, 2007.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. Т. I: А—Г / Отв. ред. *Г. Ц. Пюрбе-ев*. М.: Academia, 2001.

БРС 2006 — *Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов*. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Т. I: А—Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006.

БТСЯЯ V — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын — кээчэрэ) / Под ред. *П. А. Слепцова*. Новосибирск: Наука, 2008.

БТСЯЯ VI — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н) / Под ред. *П. А. Слепцова*. Новосибирск: Наука, 2009.

БТСЯЯ VII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. VII: (Буквы Нь, О, Ө, П) / Под ред. *П. А. Слепцова*. Новосибирск: Наука, 2010.

БТСЯЯ VIII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. VIII: (Буква С — сөллөбөр) / Под ред. *П. А. Слепцова*. Новосибирск: Наука, 2011.

БТСЯЯ IX — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. IX: (Буква С: сөллөй — сээн, буква һ) / Под ред. *П. А. Слепцова*. Новосибирск: Наука, 2012.

БТСЯЯ X — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. X: (Буква Т: т — төһүүлээ) / Под ред. *П. А. Слепцова*. Новосибирск: Наука, 2013.

БТСЯЯ XI — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. XI: (Буква Т: (Буква Т: төтөллөөх — тээтэннээ) / под ред. *П. А. Слепцова*. Новосибирск: Наука, 2014.

БТСЯЯ XII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. XII: (Буквы У, Ү) / Под ред. *П. А. Слепцова*. Новосибирск: Наука, 2015.

БТСЯЯ XIII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. XIII: (Буква Х) / Под ред. *П. А. Слепцова*. Новосибирск: Наука, 2016.

БТСЯЯ XIV — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. XIV: (Буквы Ч, Ы) / Под ред. *П. А. Слепцова*. Новосибирск: Наука, 2017.

Василевич 1958 — Эвенкийско-русский словарь / Сост. *Г. М. Василевич*. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1958.

Добротворский 1875 — *М. М. Добротворский*. Айнско-русский словарь. Казань: Университетская типография, 1875.

ДСЯС 1995 — Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том / Сост. *М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев*. Новосибирск: Наука, 1995.

ДСЯЯ 1976 — Диалектологический словарь якутского языка / Сост. *П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев*. М.: Наука, 1976.

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969.

Катанов 1903 — Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Т. II. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903.

Муниев 1977 — Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977.

Пек. I — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. I. Л.: Изд. АН СССР, 1958.

Пек. II — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. II. Л.: Изд. АН СССР, 1959.

Пек. III — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. III. Л.: Изд. АН СССР, 1959.

Роббек, Роббек 2005 — В. А. Роббек, М. Е. Роббек. Эвенско-русский словарь = Эвэды-нючиды төрэрүк: (свыше 14 000 слов). Новосибирск: Наука, 2005.

СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988.

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001.

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Под ред. Э. Р. Тенишева, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006.

СРНГ 36 — Словарь русских народных говоров. Вып. 36: С — Святковать. СПб.: Наука, 2002.

ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю: В 2 т. Т. I: А—К / Отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975.

ССТМЯ 1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю: В 2 т. Т. II: О—Э / Отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1977.

ТДТС 2003 — Толковый словарь тувинского языка = Тыва дылдын тайылбырлыг словары, Т. I (А—Й) / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003.

ТофРС 2005 — В. И. Рассадин. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский. СПб.: Дрофа, 2005.

ТСЯЯ I — Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. I: Буква А / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004.

ТСЯЯ II — Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. II: Буква Б / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005.

ТСЯЯ III — Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. III: Буква Г—И / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006.

ТувРС 1968 — Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968.

ТувРС 2008 — Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 2008.

Фасмер 1973 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. (с доп.). Т. IV. М.: Прогресс, 1973.

ХРС 2006 — О. В. Субракова. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстүк. Новосибирск: Наука, 2006.

Чорду 2011 — П. Х. Чорду. Краткий тематический словарь эсеекского говора. Якутск: Ситим, 2011.

Шарина, Кузьмина 2018 — С. И. Шарина, Р. П. Кузьмина. Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Наука, 2018.

ЭСМЯ 2015 — Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. Этимологический словарь монгольских языков: В 3 т. Т. I: А—Е. М.: Институт востоковедения РАН, 2015.

ЭСМЯ 2016 — Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. Этимологический словарь монгольских языков: В 3 т. Т. II: Г—Р. М.: Институт востоковедения РАН, 2016.

ЭСМЯ 2018 — Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. Этимологический словарь монгольских языков: В 3 т. Т. III: Q—Z. М.: Институт востоковедения РАН, 2018.

ЭСТЯ II — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.

ЭСТЯ IV — Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989.

ЭСТЯ V — Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К». М.: Языки русской культуры, 1997.

ЯРС 1972 — Якутско-русский словарь: 25 300 слов / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972.

EDAL 2003 — S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden, The Netherlands: Brill Academic Publishers, 2003.

EDT 1972 — G. Clauson. An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972.

Fortescue 2016 — M. Fortescue. Comparative Nivkh dictionary. Munich: Lincom Europa, 2016.

Kow. — O. M. Kowalewski. Dictionnaire mongol-russe-français. I—III. Kasan, 1844—1849.

Nikolaeva 2006 — I. Nikolaeva. A historical dictionary of Yukaghir. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.

Литература

- Алексеев и др. 2012 — *Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова*. Якуты (Саха). М.: Наука, 2012.
- Антонов 1971 — *Н. К. Антонов*. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971.
- Афанасьев 1965 — *П. С. Афанасьев*. Говор верхоянских якутов. Якутск: Книжное изд-во, 1965.
- Афанасьев 1967 — *П. С. Афанасьев*. Научный отчет по теме: «Диалектологический словарь якутского языка», 1967 (Рукопись).
- Барашков 1985 — *П. П. Барашков*. Фонетические особенности говоров якутского языка: Сравнительно-исторический очерк. Якутск: Книжное изд-во, 1985.
- Барашков, Жиркова 1974 — *П. П. Барашков, М. Т. Жиркова*. Анкетные данные к лингвистическому атласу тюркских языков, 1974.
- Болдырев 2007 — *Б. В. Болдырев*. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007.
- Бравина 2005 — *Р. И. Бравина*. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005.
- Бродский 2007 — *И. В. Бродский*. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков). СПб.: Наука: Ин-т лингвистический исследований, 2007.
- Васильев 1984 — *Ю. И. Васильев*. Анкетные данные по говору Аллаиховского района, 1984.
- Васильев 1987 — *Ю. И. Васильев*. Материалы диалектологической экспедиции в Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края, 1987.
- Воронкин 1983 — *М. С. Воронкин*. О диалектном членении якутского языка // Советская тюркология. 1983, 5. С. 77—83.
- Воронкин 1999 — *М. С. Воронкин*. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск: Наука, 1999.
- Габышева 1991 — *Л. Л. Габышева*. Семантика и структура текстов олонхо // Язык — миф — культура народов Сибири. Сборник научных трудов. Якутск, ЯГУ, 1991. С. 61—78.
- ГСЛЯЯ 1982 — Грамматика современного якутского литературного языка. Т. I: Фонетика и морфология / Отв. ред. *Е. И. Убрятова*; ред. *Е. И. Коркина, Л. Н. Харитонов, Н. Е. Петров* и др. М.: Наука, 1982.
- Данилова 2017 — *А. Н. Данилова*. Мотив чудесного рождения героя в текстах олонхо Вилюйского региона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017, 12 (4). С. 17—19.
- ДМВ 1966 — Диалектологические материалы, собранные в группе Вилюйских районов, 1966.
- Дмитриева 1972 — *Л. В. Дмитриева*. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972. С. 151—223.
- ДРОЯ 1990 — *В. И. Иванова*. Двудольные растения окрестностей г. Якутска. Якутск: ЯГУ, 1990.
- Дуткин 1995 — *Х. И. Дуткин*. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1995.
- Дьячковский 1977 — *Н. Д. Дьячковский*. Звуковой строй якутского языка. Ч. 2: Консонантизм. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1977.
- Дыбо 2006 — *А. В. Дыбо*. Монгольские названия деревьев в алтайском словаре // Трофим Алексеевич Бертагаев. К 100-летию со дня рождения. Элиста, ЗАОР НПП «Джангар», 2006. С. 42—64.
- Жиркова, Кривошапкина 1970 — *М. Т. Жиркова, В. Д. Кривошапкина*. Материалы экспедиции в Томпонский р-н. Анкеты, 1970.
- Захарова 1992 — *В. И. Захарова*. Новые виды сосудистых растений Якутии // Ботанические исследования в криолитозоне. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. С. 47—50.
- Иванов 1993 — *С. А. Иванов*. Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. Новосибирск: Наука, 1993.
- Иванов 2004 — *С. А. Иванов*. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. 1: Фонетика. Якутск: Изд. ЯФ СО РАН, 2004.
- ИЛРЯ 2009 — *Б. И. Иванов, А. Д. Иванова*. Использование лекарственных растений Якутии. Новосибирск: Наука, 2009.
- ИОЛРЯ 2018 — *Л. Г. Кривошапкина, В. С. Кривошапкина, И. М. Кривошапкин*. Иллюстрированный определитель лекарственных растений Якутии. Тверь: ИПК Парето-Принт, 2018.
- Калужинский 1993 — *С. Калужинский*. Этимологические исследования по якутскому языку. Многосложные основы (I) // Rocznik Orientalistyczny. 1993, XLVIII, Z. 2. S. 77—104.
- Калужинский 1995 — *С. Калужинский*. Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (IV) // Philologia orientalis 2. Jacutica. Prace jakutoznawcze. Warszawa: Wydawnictwo akademickie DIALOG, 1995. С. 265—276.
- Коркина 1987 — *Е. И. Коркина*. Диалектологический вопросник якутского языка, собранный Е. И. Коркиной в Верхоянском районе, 1987.

- Коркина 1990 — *Е. И. Коркина*. Отчет о научно-исследовательской работе «Северо-Восточная диалектная зона якутского языка», 1990.
- Коркина 1992 — *Е. И. Коркина*. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992.
- Кулаковский 1979 — *А. Е. Кулаковский*. Научные труды. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1979.
- ЛРЯ 2016 — *Л. В. Кузнецова, А. П. Исаев, П. А. Тимофеев* и др. Лекарственные растения Якутии. Якутск: Бичик, 2016.
- Малышева 2024 — *Н. В. Малышева*. Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты). Дис. ... докт. филол. наук. М., 2024.
- Мыреева 2001 — *А. Н. Мыреева*. Лексика эвенкийского языка: Растительный и животный мир. Новосибирск: Наука, 2001.
- Николаев 2022 — *Е. Р. Николаев*. Диалектная семантика фитонима *кэбэ кулгааба* 'кукушкины ушки' в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022, 1 (38). С. 89—99.
- Новгородов 2009 — *И. Н. Новгородов*. Якутско-эвенкийские языковые контакты. Якутск: СМҮК-Master, 2009.
- Норманская 2006 — *Ю. В. Норманская*. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык. Картина мира пратюрка / И. В. Кормушин, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо и др. Т. VII. М.: Наука, 2006. С. 387—436.
- Норманская, Дыбо 2010 — *Ю. В. Норманская, А. В. Дыбо*. Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках. М.: Тезаурус, 2010.
- Попов 1986 — *Г. В. Попов*. Слова «неизвестного происхождения якутского языка» (сравнительно-историческое исследование). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1986.
- Радлов 1905 — *В. В. Радлов*. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. Ч. 2. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1905.
- Радлов 1911 — *В. В. Радлов*. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1911.
- Рассадин 1980 — *В. И. Рассадин*. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980.
- Сафронов 1961 — *Ф. Г. Сафронов*. Русские крестьяне в Якутии XVII—XX вв. Якутск: Якутское книжное издательство, 1961.
- Тартыева, Филимонова 2018 — *Н. П. Тартыева, Г. Н. Филимонова*. Ленский район: факты и события: библиографический указатель. Новосибирск: МКУК «ЛМЦБС», 2018.
- Тимофеев 1980 — *П. А. Тимофеев*. Леса Якутии. Якутск: Книжное изд-во, 1980.
- Тимофеев 2003 — *П. А. Тимофеев*. Деревья и кустарники Якутии. Якутск: Бичик, 2003.
- Тимофеев 2006 — *П. А. Тимофеев*. Ягодные растения Якутии. Якутск: Бичик, 2006.
- Убрятова 1960 — *Е. И. Убрятова*. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.: Изд. АН СССР, 1960.
- Хелимский 1986 — *Е. А. Хелимский*. Происхождение древнетюркского чередования г~z и дилемма «ротацизма-зетацизма» // Советская Тюркология. 1986, 2. С. 40—50.
- Широбокова 2001 — *Н. Н. Широбокова*. Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001.
- D-T 1980 — *G. Doerfer, C. Tezcan*. Wörterbuch des Chaladsch: (Dialekt von Charrab). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980.
- Erdal 1991 — *M. Erdal*. Old Turkic word formation: a functional approach to the lexicon. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1991.
- Erdal 2004 — *M. Erdal*. A grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004.
- Friedrich 1970 — *P. Friedrich*. Proto-Indo-European trees: the arboreal system of prehistoric people. Chicago; London: Chicago UP, 1970.
- Kałużyński 1961 — *S. Kałużyński*. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961.
- Kałużyński 1982 — *S. Kałużyński*. Einige tungusische Lehnwörter im Jakutischen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982, XXXVI (1—3). P. 261—269.
- Károly 2013 — *L. Károly*. Deverbal nominals in Yakut: a historical approach. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013.
- Khabtagaeva 2010 — *B. Khabtagaeva*. The Mongolic elements in Barguzin Evenki // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2010, 1. P. 9—25.
- Khabtagaeva 2022 — *B. Khabtagaeva*. On some shared and distinguishing features of Nercha and Khamnigan Ewenki dialects // Tungusic languages: Past and present / A. Hölzl, T. E. Payne (eds.). Berlin: Language Science Press, 2022. P. 149—197.

Kolosova 2018 — *V. Kolosova*. “Dog” plants in Slavonic folk botany // *Museologia Scientifica e Naturalistica*. 2018. Vol. 14. 1st International conference “Dogs — Past and present”. An interdisciplinary perspective. Abstract book. Rome, 2018. P. 48—49.

Nugteren 2011 — *H. Nugteren*. Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages. Doctoral dissertation. Leiden University, 2011.

Poppe 1961 — *N. Poppe*. Jakutische Etymologien // *Ural-Altäische Jahrbücher*. 1961, 33. P. 136-140.

Poppe 1976 — *N. Poppe*. Grammar of Written Mongolian, Wiesbaden: Harrassowitz, 1976.

Ramstedt 1935 — *G. J. Ramstedt*. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935.

Räsänen 1955 — *M. Räsänen*. Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955.

Stachowski 1993 — *M. Stachowski*. Geschichte des Jakutischen Vokalismus. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1993.

Stachowski 1994 — *M. Stachowski*. Der *g-h*-Wechsel im Dolganischen // *Folia Orientalia*. 1994, Vol. 30. P. 209—216.

TMN III — *G. Doerfer*. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. III. Wiesbaden: Harrassowitz, 1967.

VEWT 1969 — *M. Räsänen*. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969.

References

Achimova 2007 — *A. A. Achimova*. Altaisko-russkii slovar' zhivotnogo i rastitel'nogo mira gornogo Altaya. Ch. I: Rasteniya. Novosibirsk: Nauka, 2007. {*A. A. Achimova*. Altai-Russian dictionary of flora and fauna of the Altai Mountains. Part I: Plants. Novosibirsk: Nauka, 2007.}

Afanas'ev 1965 — *P. S. Afanas'ev*. Govor verkhoyanskikh yakutov. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1965. {*P. S. Afanasyev*. The dialect of the Verkhoyansk Yakuts. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1965.}

Afanas'ev 1967 — *P. S. Afanas'ev*. Nauchnyi otchet po teme: “Dialektologicheskii slovar' yakutskogo yazyka”, 1967. {*P. S. Afanasyev*. Scientific report on the topic: “Dialectological dictionary of the Yakut language”, 1967.}

Akhmet'yanov 2015 — *R. G. Akhmet'yanov*. Ehtimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: V 2 t. T. I. Kazan': Magarif-Vakyt, 2015. {*R. G. Akhmet'yanov*. Etymological dictionary of the Tatar language: In 2 vol. Vol. I. Kazan: Magarif-Vakyt, 2015.}

Alekseev i dr. 2012 — *N. A. Alekseev, E. N. Romanova, Z. P. Sokolova*. Yakuty (Sakha). Moskva: Nauka, 2012. {*N. A. Alekseev, E. N. Romanova, Z. P. Sokolova*. Yakuts (Sakha). Moscow: Nauka, 2012.}

Anikin 2000 — *A. E. Anikin*. Ehtimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh yazykov. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva; Novosibirsk: Nauka, 2000. {*A. E. Anikin*. Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from the Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow; Novosibirsk: Nauka, 2000.}

Anikin 2003 — *A. E. Anikin*. Ehtimologicheskii slovar' russkikh zaimstvovanii v yazykakh Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 2003. {*A. E. Anikin*. Etymological dictionary of Russian borrowings in the languages of Siberia. Novosibirsk: Nauka, 2003.}

Antonov 1971 — *N. K. Antonov*. Materialy po istoricheskoi leksike yakutskogo yazyka. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. {*N. K. Antonov*. Materials on the historical vocabulary of the Yakut language. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971.}

BAMRS 2001 — *Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'*: V 4 t. T. I: A—G / *Otv. red. G. Ts. Pyurbeev*. Moskva: Academia, 2001. {*The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary*: In 4 vol. Vol. I: A—G / *G. Ts. Pyurbeev* (ed.). Moscow: Academia, 2001.}

Barashkov 1985 — *P. P. Barashkov*. Foneticheskie osobennosti govorov yakutskogo yazyka: Sravnitel'no-istoricheskii ocherk. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1985. {*P. P. Barashkov*. Phonetic features of the Yakut dialects: A comparative-historical essay. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1985.}

Barashkov, Zhirkova 1974 — *P. P. Barashkov, M. T. Zhirkova*. Anketnye dannye k lingvisticheskomu atlasu tyurkskikh yazykov, 1974. {*P. P. Barashkov, M. T. Zhirkova*. Questionnaire data for the linguistic atlas of the Turkic languages, 1974.}

Boldyrev 2007 — *B. V. Boldyrev*. Morfologiya ehvenkiiskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 2007. {*B. V. Boldyrev*. Morphology of the Evenki language. Novosibirsk: Nauka, 2007.}

Bravina 2005 — *R. I. Bravina*. Kontseptsiya zhizni i smerti v kul'ture ehtnosa: Na materiale traditsii Sakha. Novosibirsk: Nauka, 2005. {*R. I. Bravina*. The concept of life and death in ethnoculture: in the material of Sakha traditions. Novosibirsk: Nauka, 2005.}

Brodskii 2007 — *I. V. Brodskii*. Nazvaniya rastenii v finno-ugorskikh yazykakh (na materiale pribaltiisko-finskikh i komi yazykov). Sankt-Peterburg: Nauka: Institut lingvisticheskikh issledovaniy, 2007. {*I. V. Brodsky*. Names of plants in the Finno-Ugric countries (based on the Baltic-Finnish and Komi languages). St. Petersburg: Nauka: Institut lingvisticheskikh issledovaniy, 2007.}

BRS 2006 — L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar': V 2 t. T. I: A—N. Ulan-Udeh: Respublikanskaya tipografiya, 2006. {L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Buryad-orod toli. Buryat-Russian Dictionary: In 2 vol. Vol. I: A—N. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2006.}

BTSYaYa IX — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. IX: (Bukva S: söllöi — sehehn, bukva h) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2012. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: In 15 vol. Vol. IX: (Letter S: ssöllöi — sehehn, letter h) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2012.}

BTSYaYa V — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. V: (Bukva K: küölehhis gyn — kehehchehreh) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2008. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulahan tyld'ya: In 15 vol. Vol. V: (Letter K: kuölehhis gyn — keechere) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2008.}

BTSYaYa VI — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. VI: (Bukvy L, M, N) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2009. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'ya: In 15 vol. Vol. VI: (Letters L, M, N) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2009.}

BTSYaYa VII — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. VII: (Bukvy N', O, Ö, P) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2010. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'ya: In 15 vol. Vol. VII: (Letters Нь, О, Ø, П) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2010.}

BTSYaYa VIII — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: v 15 t. T. VIII: (Bukva S — söllöghör). Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2011. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'ya: in 15 volumes. Vol. VIII: (Letter S - söllöghör). P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2011.}

BTSYaYa X — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. X: (Bukva T: t — töhüüleheh) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2013. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'ya: In 15 vol. Vol. X: (Letter T: t — tohyylee) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2013.}

BTSYaYa XI — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. XI: {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'ya: In 15 vol. Vol. XI / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2015.}

BTSYaYa XII — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. XII: (Bukvy U, Ü) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2015. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'ya: In 15 vol. Vol. XII: (Letters U, Y) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2015.}

BTSYaYa XIII — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. XIII: (Bukva Kh) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2016. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'ya: In 15 vol. Vol. XIII: (Letter X) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2016.}

BTSYaYa XIV — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. XIV: (Bukvy Ch, Y) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2017. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'ya: In 15 vol. Vol. XIV: (Letters CH, Y) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2017.}

Chordu 2011 — P. Kh. Chordu. Kratkii tematicheskii slovar' esseiskogo govora. Yakutsk: Sitim, 2011. {P. Kh. Chordu. Brief thematic dictionary of the Essey Dialect. Yakutsk: Sitim, 2011.}

D-T 1980 — G. Doerfer, C. Tezcan. Wörterbuch des Chaladsch: (Dialekt von Charrab). Budapest, 1980.

D'yachkovskii 1977 — N. D. D'yachkovskii. Zvukovoi stroi yakutskogo yazyka. Ch. 2: Konsonantizm. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. {N. D. Dyachkovsky. Sound structure of the Yakut language. Part 2: Consonantism. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977.}

Danilova 2017 — A. N. Danilova. Motiv chudesnogo rozhdeniya geroya v tekstakh olonkho Vilyuiskogo regiona. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017, 12 (4). S. 17—19. {A. N. Danilova. The motive of the miraculous birth of a hero in the texts of the olonkho of the Vilyui region. In: Philological sciences. Questions of theory and practice. 2017, 12 (4). P. 17—19.}

Dmitrieva 1972 — L. V. Dmitrieva. Nazvaniya rastenii v tyurkskikh i drugikh altaiskikh yazykakh. In: Ocherki sravnitel'noi leksikologii altaiskikh yazykov. Leningrad: Nauka, 1972. S. 151—223. {L. V. Dmitrieva. Names of plants in Turkic and other Altai languages. In: Essays on comparative lexicology of Altai languages. Leningrad: Nauka, 1972. P. 151—223.}

DMV 1966 — Dialektologicheskie materialy, sobrannye v gruppe Vilyuiskikh raionov, 1966. {Dialectological materials collected in the group of Vilyuisky districts, 1966.}

- Dobrotvorskii 1875 — M. M. Dobrotvorskii. Ainsko-russkii slovar'. Kazan': Universitetskaya tipografiya, 1875. {M. M. Dobrotvorskii. Ainu-Russian dictionary. Kazan: Universitetskaya tipografiya, 1875.}
- DROYa 1990 — V. I. Ivanova. Dvudol'nye rasteniya okrestnosti g. Yakutska. Yakutsk: YaGU, 1990. {V. I. Ivanova. Dicotyledonous plants in the vicinity of Yakutsk. Yakutsk: YSU, 1990.}
- DSYaS 1995 — Dialektologicheskii slovar' yazyka sakha: Dopolnitel'nyi tom / Sost. M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Yu. I. Vasil'ev. Novosibirsk: Nauka, 1995. {Dialectological dictionary of the Sakha language: Supplementary volume / M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Yu. I. Vasiliev. Novosibirsk: Nauka, 1995.}
- DSYaYa 1976 — Dialektologicheskii slovar' yakutskogo yazyka / Sost. P. S. Afanas'ev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Moskva: Nauka, 1976. {Dialectological dictionary of the Yakut language / P. S. Afanasyev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Moscow: Nauka, 1976.}
- DTS 1969 — Drevnetyurkskii slovar' / Pod red. V. M. Nadelyaeva, D. M. Nasilova, Eh. R. Tenisheva, A. M. Shcherbaka. Leningrad: Nauka, 1969. {Old Turkic dictionary / V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (eds.). Leningrad: Nauka, 1969.}
- Dutkin 1995 — Kh. I. Dutkin. Allaikhovskii govor ehvenov Yakutii. Sankt-Peterburg: Nauka, 1995. {Kh. I. Dutkin. Allaikhov dialect of the Evens of Yakutia. St. Petersburg: Nauka, 1995.}
- Dybo 2006 — A. V. Dybo. Mongol'skie nazvaniya derev'ev v altaiskom slovare. In: Trofim Alekseevich Bertagaev. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Ehlista, 2006. S. 42—64. {A. V. Dybo. Mongolian names of trees in the Altai dictionary. In: Trofim Alekseevich Bertagaev. To the 100th anniversary of his birth. Elista, 2006. P. 42—64.}
- EDAL 2003 — S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden, The Netherlands: Brill Academic Publishers, 2003.
- EDT 1972 — G. Clauson. An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- EhSMYa 2015 — G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. Ehtimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: V 3 t. T. I: A—E. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2015. {G. D. Sanjeev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. Etymological dictionary of the Mongolian languages: In 3 vol. Vol. I: A—E. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015.}
- EhSMYa 2016 — G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. Ehtimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: V 3 t. T. II: G — P. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2016. {G. D. Sanjeev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. Etymological dictionary of the Mongolian languages: In 3 vol. Vol. II: G—P. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2016.}
- EhSMYa 2018 — G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. Ehtimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: V 3 t. T. III: Q—Z. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2018. {G. D. Sanjeev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. Etymological dictionary of the Mongolian languages: In 3 vol. Vol. III: Q—Z. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2018.}
- EhSTYa II — Eh. V. Sevortyan. Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu “B”. Moskva: Nauka, 1978. {E. V. Sevortyan. Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letter “B”. Moscow: Nauka, 1978.}
- EhSTYa IV — Eh. V. Sevortyan, L. S. Levitskaya. Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy “Ж”, “Ж”, “I”. Moskva: Nauka, 1989. {E. V. Sevortyan, L. S. Levitskaya. Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letters “Ж”, “Ж”, “Й”. Moscow: Nauka, 1989.}
- EhSTYa V — L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy “K”, “K”. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1997. {L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letters “K”, “K”. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1997.}
- Erdal 1991 — M. Erdal. Old Turkic word formation: a functional approach to the lexicon. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1991.
- Erdal 2004 — M. Erdal. A grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004.
- Fasmer 1978 — M. Fasmer. Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka: Per. s nem. (s dop.). T. IV. Moskva: Progress, 1973. {M. Fasmer. Etymological dictionary of the Russian Language: Translation from German (with additions). Vol. IV. Moscow: Progress, 1973.}
- Fortescue 2016 — M. Fortescue. Comparative Nivkh dictionary. Munich: Lincom Europa, 2016.
- Friedrich 1970 — P. Friedrich. Proto-Indo-European trees: the arboreal system of prehistoric people. Chicago; London: Chicago UP, 1970.
- Gabysheva 1991 — L. L. Gabysheva. Semantika i struktura tekstov olonkho. In: Yazyk — mif — kul'tura narodov Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov. Yakutsk, 1991. S. 61—78. {L. L. Gabysheva. Semantics and structure of olonkho texts. In: Language — myth — culture of the peoples of Siberia. Collection of scientific works. Yakutsk, 1991. P. 61—78.}

GSLYaYa 1982 — Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. T. I: Fonetika i morfologiya / Otv. red. E. I. Ubryatova; red. E. I. Korkina, L. N. Kharitonov, N. E. Petrov i dr. Moskva: Nauka, 1982. {Grammar of the modern Yakut literary language. Vol. I: Phonetics and morphology / E. I. Ubryatova (editor-in-chief), E. I. Korkina, L. N. Kharitonov, N. E. Petrov et al. (eds.). Moscow: Nauka, 1982.}

ILRYa 2009 — B. I. Ivanov, A. D. Ivanova. Ispol'zovanie lekarstvennykh rastenii Yakutii. Novosibirsk: Nauka, 2009. {B. I. Ivanov, A. D. Ivanova. Use of medicinal plants of Yakutia. Novosibirsk: Nauka, 2009.}

IOLRYa 2018 — L. G. Krivoshapkina, V. S. Krivoshapkina, I. M. Krivoshapkin. Illyustrirovanniy opredelitel' lekarstvennykh rastenii Yakutii. Tver': IPK Pareto-Print, 2018. {L. G. Krivoshapkina, V. S. Krivoshapkina, I. M. Krivoshapkin. Illustrated guide to medicinal plants of Yakutia. Tver: IPK Pareto-Print, 2018.}

Ivanov 1993 — S. A. Ivanov. Tsentral'naya gruppa govorov yakutskogo yazyka. Fonetika. Novosibirsk: Nauka, 1993. {S. A. Ivanov. The central group of dialects of the Yakut language. Phonetics. Novosibirsk: Nauka, 1993.}

Ivanov 2004 — S. A. Ivanov. Dialektologicheskii atlas yakutskogo yazyka: (svodnye karty). Yakutsk: Izdanie YaF SO RAN, 2004. Ch. 1: Fonetika. 2004. {S. A. Ivanov. Dialectological atlas of the Yakut language: (summary maps). Yakutsk: Izdanie YaF SO RAN, 2004. Part 1: Phonetics. 2004.}

Kaluzyński 1961 — S. Kaluzyński. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961.

Kaluzyński 1982 — S. Kaluzyński. Einige tungusische Lehnwörter im Jakutischen. In: Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. XXXVI (1—3), 1982. P. 261—269.

Kaluzyński 1993 — S. Kaluzyński. Ehtimologicheskii issledovaniya po yakutskomu yazyku. Mnogoslozhnye osnovy (I). In: Rocznik orientalistyczny. 1993, XLVIII. Z. 2. S. 77—104. {S. Kaluzyński. Etymological studies of the Yakut language. Polysyllabic stems (I). In: Rocznik orientalistyczny. 1993, XLVIII. Z. 2. P. 77—104.}

Kaluzyński 1995 — S. Kaluzyński. Ehtimologicheskii issledovaniya po yakutskomu yazyku. Dvuslozhnye osnovy (IV). In: Philologia orientalis 2. Jacutica. Prace jakutoznawcze. Warszawa: Wydawnictwo akademickie DIALOG, 1995. S. 265—276. {S. Kaluzyński. Etymological studies of the Yakut language. Disyllabic stems (IV). In: Philologia orientalis 2. Jacutica. Prace jakutoznawcze. Warsaw: Wydawnictwo akademickie DIALOG, 1995. P. 265—276.}

Károly 2013 — L. Károly. Deverbal nominals in Yakut: a historical approach. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013.

Katanov 1903 — N. F. Katanov. Opyt issledovaniya uryankhaiskogo yazyka. T. II. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1903. {N. F. Katanov. An experience in studying the Uryankhai Language. Vol. II. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1903.}

Khabtagaeva 2010 — B. Khabtagaeva. The Mongolic elements in Barguzin Evenki. In: Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2010. P. 9—25.

Khabtagaeva 2022 — B. Khabtagaeva. On some shared and distinguishing features of Nercha and Khamnigan Ewenki dialects. In: Tungusic languages: Past and present / A. Hölzl, T. E. Payne (eds.). Berlin: Language Science Press, 2022. P. 149—197.

Khelimskii 1986 — E. A. Khelimskii. Proiskhozhdenie drevnetyurkskogo cheredovaniya r ~ z i dilemma “rotatsizma-zetatsizma”. In: ST. 1986, 2. S. 40—50. {E. A. Khelimsky. The origin of the ancient Turkic alternation r ~ z and the dilemma of “rotacism-zetacism”. In: ST. 1986, 2. P. 40—50.}

KhRS 2006 — O. V. Subrakova. Khakassko-russkii slovar' = Khakas-orys söstik. Novosibirsk: Nauka, 2006. {O. V. Subrakova. Khakas-Russian Dictionary = Khakas-orys söstik. Novosibirsk: Nauka, 2006.}

Kolosova 2018 — V. Kolosova. “Dog” plants in Slavonic folk botany. In: Museologia Scientifica e Naturalistica. 2018. Vol. 14. 1st International conference “Dogs — Past and present”. An interdisciplinary perspective. Abstract book. Rome, 2018. P. 48—49.

Korkina 1987 — E. I. Korkina. Dialektologicheskii voprosnik yakutskogo yazyka, sobrannyy E. I. Korkinoy v Verkhoyanskom raione, 1987. {E. I. Korkina. Dialectological questionnaire of the Yakut language, collected by E. I. Korkina in the Verkhoyansk region, 1987.}

Korkina 1990 — E. I. Korkina. Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote “Severo-Vostochnaya dialektnaya zona yakutskogo yazyka”, 1990. {E. I. Korkina. Report on the research work “North-Eastern dialect zone of the Yakut language”, 1990.}

Korkina 1992 — E. I. Korkina. Severo-vostochnaya dialektnaya zona yakutskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 1992. {E. I. Korkina. Northeastern dialect zone of the Yakut language. Novosibirsk: Nauka, 1992.}

Kow. — J. E. Kowalewski. Dictionnaire mongol-russe-français. I—III. Kasan, 1844—1849.

Kulakovskii 1979 — A. E. Kulakovskii. Nauchnye trudy. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. {A. E. Kulakovsky. Scientific works. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979.}

LRYa 2016 — L. V. Kuznetsova, A. P. Isaev, P. A. Timofeev i dr. Lekarstvennye rasteniya Yakutii. Yakutsk: Bichik, 2016. {L. V. Kuznetsova, A. P. Isaev, P. A. Timofeev and others. Medicinal plants of Yakutia. Yakutsk: Bichik, 2016.}

Malysheva 2024 — N. V. Malysheva. Proiskhozhdenie leksiki zhivoi prirody: onomasiologiya i ehtimologiya (yakutskii yazyk i ego dialekty). Dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva, 2024. {N. V. Malysheva. The origin of the vocabulary of living nature: onomasiology and etymology (Yakut language and its dialects). PhD thesis. Moscow, 2024.}

- Muniev 1977 — Kalmytsko-russkii slovar' / Pod red. B. D. Munieva. Moskva: Russkii yazyk, 1977. {Kalmyk-Russian Dictionary / B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkii yazyk, 1977.}
- Myreeva 2001 — A. N. Myreeva. Leksika ehvenkiiskogo yazyka: Rastitel'nyi i zhivotnyi mir. Novosibirsk: Nauka, 2001. {A. N. Myreeva. Lexicon of the Evenki language: Flora and Fauna. Novosibirsk: Nauka, 2001.}
- Nikolaev 2022 — E. R. Nikolaev. Dialektnaya semantika fitonima kehgheh kulgaagha 'kukushkiny ushki' v yakutskom yazyke. In: Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2022, 1 (38). S. 89—99. {E. R. Nikolaev. Dialectal semantics of the phytonym kää kulgaää 'kukushkiny ushki' in the Yakut language. In: North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2022, 1 (38). P. 89—99.}
- Nikolaeva 2006 — I. Nikolaeva. A historical dictionary of Yukaghir. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Normanskaya 2006 — Yu. V. Normanskaya. Rastitel'nyi mir. Derev'ya i kustarniki. Geograficheskaya lokalizatsiya prarodiny tyurok po dannym floristicheskoi leksiki. In: Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskii yazyk. Kartina mira pratyurka / I. V. Kormushin, G. F. Blagova, A. V. Dybo i dr. T. VII. Moskva: Nauka, 2006. S. 387—436. {Yu. V. Normanskaya. Flora. Trees and shrubs. Geographical localization of the ancestral homeland of the Turks according to floristic vocabulary. In: Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Proto-Turkic language. Proto-Turkic worldview / I. V. Kormushin, G. F. Blagova, A. V. Dybo et al. Vol. VII. Moscow: Nauka, 2006. P. 387—436.}
- Normanskaya, Dybo 2010 — Yu. V. Normanskaya, A. V. Dybo. Tezaurus. Leksika prirodnogo okruzheniya v ural'skikh yazykakh. Moskva: Tezaurus, 2010. {Yu. V. Normanskaya, A. V. Dybo. Thesaurus. Lexicon of the natural environment in the Uralic languages. Moscow: Tezaurus, 2010.}
- Novgorodov 2009 — I. N. Novgorodov. Yakutsko-ehvenkiiskie yazykovye kontakty. Yakutsk: CMYK-Master, 2009. {I. N. Novgorodov. Yakut-Evenki language contacts. Yakutsk: CMYK-Master, 2009.}
- Nugteren 2011 — H. Nugteren. Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages. Doctoral dissertation. Leiden University, 2011.
- Pek. I — Eh. K. Pekarskii. Slovar' yakutskogo yazyka. T. I. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1958. {E. K. Pekarsky. Dictionary of the Yakut Language. Vol. I. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1958.}
- Pek. II — Eh. K. Pekarskii. Slovar' yakutskogo yazyka. T. II. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959. {E. K. Pekarsky. Dictionary of the Yakut Language. Vol. II. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959.}
- Pek. III — Eh. K. Pekarskii. Slovar' yakutskogo yazyka. T. III. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959. {E. K. Pekarsky. Dictionary of the Yakut Language. Vol. III. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959.}
- Popov 1986 — G. V. Popov. Slova "neizvestnogo proiskhozhdeniya yakutskogo yazyka" (sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie). Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986. {G. V. Popov. Words of "unknown origin of the Yakut language" (comparative historical study). Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986.}
- Poppe 1961 — N. Poppe. Jakutische Etymologien. In: UAJ. 1961, 33. P. 00.
- Poppe 1976 — N. Poppe. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden, 1976.
- Radlov 1905 — V. V. Radlov. Opyt slovarya tyurkskikh narechii. T. III. Ch. 2. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1905. {V. V. Radlov. Experience of a dictionary of Turkic dialects. Vol. III. Part 2. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1905.}
- Radlov 1911 — V. V. Radlov. Opyt slovarya tyurkskikh narechii. T. IV. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1911. {V. V. Radlov. Experience of a dictionary of Turkic dialects. Vol. IV. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1911.}
- Ramstedt 1935 — G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- Räsänen 1955 — M. Räsänen. Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955.
- Rassadin 1980 — V. I. Rassadin. Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh. Moskva: Nauka, 1980. {V. I. Rassadin. Mongol-Buryat borrowings in the Siberian Turkic languages. Moscow: Nauka, 1980.}
- Robbek, Robbek 2005 — V. A. Robbek, M. E. Robbek. Ehvensko-russkii slovar' = Ehvehdy-nyuchidy törehruk: (svy-she 14 000 slov). Novosibirsk: Nauka, 2005. {V. A. Robbek, M. E. Robbek. Even-Russian dictionary = Evedy-nyuchid to-reruk: (over 14 000 words). Novosibirsk: Nauka, 2005.}
- Safronov 1961 — F. G. Safronov. Russkie krest'yane v Yakutii XVII—XX vv. Yakutsk, 1961. {F. G. Safronov. Russian peasants in Yakutia in the 17th—20th centuries. Yakutsk, 1961.}
- Sharina 1977 — S. I. Sharina, R. P. Kuz'mina. Nizhnekolymskii govor ehvenskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 2018. {S. I. Sharina, R. P. Kuz'mina. Lower Kolyma dialect of the Even language. Novosibirsk: Nauka, 2018.}
- Shirobokova 2001 — N. N. Shirobokova. Istoricheskoe razvitie yakutskogo konsonantizma. Novosibirsk: Nauka, 2001. {N. N. Shirobokova. Historical development of Yakut consonantism. Novosibirsk: Nauka, 2001.}
- SIGTYa 1988 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya / Otv. red. Eh. R. Tenishev. Moskva: Nauka, 1988. {Comparative-historical grammar of Turkic languages. Morphology / E. R. Tenishev (ed.). Moscow: Nauka, 1988.}
- SIGTYa 2001 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika / Otv. red. Eh. R. Tenishev. 2-e izd., dop. Moskva: Nauka, 2001. {Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary / E. R. Tenishev (ed.). 2nd ed., additional. Moscow: Nauka, 2001.}

SIGTYa 2006 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskii yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo ehtnosa po dannym yazyka / Pod red. Eh. R. Tenisheva, A. V. Dybo. Moskva: Nauka, 2006. {Comparative-historical grammar of Turkic languages. The Proto-Turkic base language. The worldview of the Proto-Turkic ethnos based on language data / E. R. Tenishev, A. V. Dybo (eds.). Moscow: Nauka, 2006.}

SRNG 36 — Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 36: S — Svyatkovat'. Sankt-Peterburg: Nauka, 2002. {Dictionary of Russian Folk Dialects. Issue 36: S — Svyatkovat'. St. Petersburg: Nauka, 2002.}

SSTMYa 1975 — Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k ehtimol. slovaryu: V 2 t. T. I: A—K / Otv. red. V. I. Tsintsius. Leningrad: Nauka, 1975. {Comparative dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the Ethimological Dictionary: In 2 vol. Vol. I: A—K / V. I. Tsintsius (ed.). Leningrad: Nauka, 1975.}

SSTMYa 1977 — Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k ehtimol. slovaryu: V 2 t. T. II: O—Eh / Otv. red. V. I. Tsintsius. Leningrad: Nauka, 1977. {Comparative dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the Ethimological Dictionary: In 2 vol. Vol. II: O—E / V. I. Tsintsius (ed.). Leningrad: Nauka, 1977.}

Stachowski 1993 — M. Stachowski. Geschichte des Jakutischen Vokalismus. Kraków, 1993.

Stachowski 1994 — M. Stachowski. Der g - h-Wechsel im Dolganischen. In: Folia Orientalia. 1994. Vol. 30. P. 209—216.

Tartyeva, Filimonova 2018 — N. P. Tartyeva, G. N. Filimonova. Lenskii raion: fakty i sobytiya: bibliograficheskii ukazatel'. Novosibirsk: MKUK "LMTSBS", 2018. {N. P. Tartyeva, G. N. Filimonova. Lensky district: facts and events: bibliographic index. Novosibirsk: MSCI "LISCLS", 2018.}

TDTS 2003 — Tolkovyi slovar' tuvinskogo yazyka = Tyva dyldyn taiylbyrlyg slovary. T. I (A—I) / Pod red. D. A. Mongusha. Novosibirsk: Nauka, 2003. {Explanatory dictionary of the Tuvan language = Tyva dyldyn tayylbyrlyg slovary, Vol. I (A—Y) / D. A. Mongush (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2003.}

Timofeev 1980 — P. A. Timofeev. Lesa Yakutii. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1980. {P. A. Timofeev. Forests of Yakutia. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1980.}

Timofeev 2003 — P. A. Timofeev. Derev'ya i kustarniki Yakutii. Yakutsk: Bichik, 2003. {P. A. Timofeev. Trees and shrubs of Yakutia. Yakutsk: Bichik, 2003.}

Timofeev 2006 — P. A. Timofeev. Yagodnye rasteniya Yakutii. Yakutsk: Bichik, 2006. {P. A. Timofeev. Berry plants of Yakutia. Yakutsk: Bichik, 2006.}

TMN III — G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I. Wiesbaden, 1963; II. Wiesbaden, 1965; III. Wiesbaden, 1967.

TofRS 2005 — V. I. Rassadin. Slovar' tofalarsko-russkii i russko-tofalarskii. Sankt-Peterburg: Drofa, 2005. {V. I. Rassadin. Dictionary of Tofalar-Russian and Russian-Tofalar. St. Petersburg: Drofa, 2005.}

TSYaYa I — Tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. I: Bukva A / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2004. {Explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: In 15 vol. Vol. I: Letter A / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2004.}

TSYaYa II — Tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. II: Bukva B / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2005. {Explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: In 15 vol. Vol. II: Letter B / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2005.}

TSYaYa III — Tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. III: Bukva G—I / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2006. {Explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: In 15 vol. Vol. III: Letter G—I / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2006.}

TuvRS 1968 — Tuvinsko-russkii slovar' / Pod red. Eh. R. Tenisheva. Moskva: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1968. {Tuvan-Russian Dictionary / E. R. Tenishev (ed.). Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1968.}

TuvRS 2008 — Tuvinsko-russkii slovar' / Pod red. Eh. R. Tenisheva. Moskva: Sovetskaya ehntsiklopediya, 2008. {Tuvan-Russian Dictionary / E. R. Tenishev (ed.). Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya, 2008.}

Ubryatova 1960 — E. I. Ubryatova. Opyt sravnitel'nogo izucheniya foneticheskikh osobennostei yazyka naseleniya nekotorykh raionov Yakutskoi ASSR. Moskva: Izdanie AN SSSR, 1960. {E. I. Ubryatova. Experience in a comparative study of the phonetic features of the language of the population of some regions of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Moscow: Izdanie AN SSSR, 1960.}

Vasil'ev 1984 — Yu. I. Vasil'ev. Anketnye dannye po govoru Allaikhovskogo raiona, 1984. {Yu. I. Vasiliev. Questionnaire data on conversation in the Allaikovsky district, 1984.}

Vasil'ev 1987 — Yu. I. Vasil'ev. Materialy dialektologicheskoi ehkspeditsii v Tuguro-Chumikanskii raion Khabarovskogo kraja, 1987. {Yu. I. Vasiliev. Materials of the dialectological expedition in the Tuguro-Chumikansky district of the Khabarovsk Territory, 1987.}

Vasilevich 1958 — Ehvenkiisko-russkii slovar' / Sost. G. M. Vasilevich. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958. {Evenki-Russian dictionary / G. M. Vasilevich. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958.}

VEWT 1969 — M. Räsänen. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türkischen Sprachen. Helsinki, 1969.

Voronkin 1983 — M. S. Voronkin. O dialektnom chlenenii yakutskogo yazyka. In: Sovetskaya tyurkologiya. 1983, 5. S. 77—83. {M. S. Voronkin. On the dialect division of the Yakut language. In: Soviet Turkology. 1983, 5. P. 77—83.}

Voronkin 1999 — M. S. Voronkin. Dialektnaya sistema yazyka Sakha: Obrazovanie, vzaimodeistvie s literaturnym yazykom i kharakteristika. Novosibirsk: Nauka, 1999. {M. S. Voronkin. Dialect system of the Sakha language: Education, interaction with literary language and characteristics. Novosibirsk: Nauka, 1999.}

YaRS 1972 — Yakutsko-russkii slovar': 25 300 slov / Pod red. P. A. Sleptsova. Moskva: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1972. {Yakut-Russian dictionary: 25 300 words / P. A. Sleptsova (ed.). Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1972.}

Zakharova 1992 — V. I. Zakharova. Novye vidy sosudistykh rastenii Yakutii. In: Botanicheskie issledovaniya v kriolitozone. Yakutsk: YaNTs SO RAN, 1992. S. 47—50. {V. I. Zakharova. New species of vascular plants of Yakutia. In: Botanical research in the cryolithozone. Yakutsk: YNTS SB RAS, 1992. P. 47—50.}

Zhirkova, Krivoshapkina 1970 — M. T. Zhirkova, V. D. Krivoshapkina. Materialy ehkspeditsii v Tomponskii r-n. Ankety, 1970. {M. T. Zhirkova, V. D. Krivoshapkina. Materials of the expedition to the Tomponsky district. Questionnaires, 1970.}

Цифровые ресурсы по уральским языкам Сибири: обзор, оценка и применение

Кошелюк Наталья Андреевна, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва);
NKoshelyuk@yandex.ru

В последние годы цифровая трансформация научных исследований привела к появлению множества независимых лингвистических ресурсов и баз данных. Однако до сих пор нет единой схемы, показывающей, как ориентироваться во всех новых ресурсах и какой тип и объем информации можно получить по конкретным языкам. В настоящей статье дается обзор открытых онлайн-ресурсов, на которых представлены уральские языки Сибири, занимающие самую западную часть региона, известную как Западная и Центральная Сибирь. Большинство исследований по языкам Сибири сосредоточено на сборе материала по отдельным идиомам. Аналогично цифровые ресурсы по этой теме, демонстрирующие результаты исследовательских проектов во всем мире, разрознены и не имеют каких-либо систематических обзоров. В нашей работе мы определяем их сферу применения и проверяем применимость для различных задач лингвистики. Мы также представляем результаты иллюстративного исследования по тундровому и лесному ненецкому языкам, которое показывает, какую информацию можно получить, используя новые ресурсы. В заключении описывается сфера применения цифровых ресурсов и их применимость к отдельным языкам. Полная картина цифрового ландшафта лингвистических исследований Сибири может быть получена в ходе дальнейших исследований.

Ключевые слова: цифровые ресурсы, языки Сибири, тундровый ненецкий, лесной ненецкий

DIGITAL RESOURCES ON THE URALIC LANGUAGES OF SIBERIA: AN OVERVIEW, EVALUATION AND APPLICATION

Natalia A. Koshelyuk, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow);
NKoshelyuk@yandex.ru

Over the recent years, the growing trend of digitalization has given rise to many independent linguistic projects worldwide. However, there is no roadmap on how to navigate between the resources and what type and amount of information one can get. This paper overviews the openly available online resources which feature the Uralic languages of Siberia, comprising the westernmost part, known as Western and Central Siberia. The majority of studies on Siberian languages are focused on compiling material from separate varieties. Likewise, the digital resources on Siberian languages, which show outcomes of research projects worldwide, are scattered and do not have any systematic reviews. In our work, we identify their scope and test applicability for different tasks in linguistic studies. We also present a case-study in Nenets, testing the possibilities of digital exploration and gaining new material. The conclusion outlines the scope of the digital resources and their applicability to individual languages. The whole picture of the digital landscape of linguistic Siberian studies can be elaborated in further studies.

Keywords: Digital resources, the Uralic languages of Siberia, Tundra Nenets, Forest Nenets

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 25-78-20002 «Возможности искусственного интеллекта для сравнительно-исторического изучения малоресурсных языков народов РФ» (рук. Ю. В. Норманская). Выражаем признательность И. В. Федотовой и рецензентам за ценную информацию, полученную при подготовке статьи.

Введение

Сибирь как область контактов между языковыми семьями имеет долгую историю изучения [Хелимский 2000; Vajda 2008]. На обширной территории от Уральских гор до Берингова пролива распространены шесть языковых семей, а также изоляты (рис. 1). Уральские языки занимают самую западную часть, известную как Западная и Центральная Сибирь.

Рис. 1. Карта «Языки Сибири в начале XX в.», созданная в рамках проекта «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе» (Ю. Б. Коряков, 2021) (<http://circumpolar.iling-ran.ru/outcomes/maps/>)

Хотя и существует несколько небольших обзоров типологических особенностей языков этого региона [Anderson 2006], большинство исследований сосредоточено на сборе и анализе материала по отдельным языкам. Цифровые ресурсы по языкам Сибири, демонстрирующие результаты научных проектов по всему миру, разрознены и не имеют каких-либо систематических обзоров. Однако ресурсов появляется все больше, и эта тенденция требует их анализа и обобщения.

Цель настоящей статьи — консолидация цифровых ресурсов по уральским языкам Сибири. Для этого, где возможно, указывается их объем и проверяется применимость для различных задач лингвистических исследований. В подборку вошли известные нам ресурсы, которые содержат информацию как минимум по одному уральскому языку Сибири. Полная картина цифрового ландшафта исследований по языкам Сибири может быть получена в ходе дальнейших исследований.

Раздел 1 посвящен обзору и сравнению ресурсов. В разделе 2 предлагается иллюстративное исследование по ненецкому языку, задачей которого стала проверка контента и краткое описание возможностей, предоставляемых тем или иным ресурсом исследователям этого языка. В заключении описывается сфера применения цифровых ресурсов и их актуальность по отношению к отдельным языкам.

1. Сравнительное описание электронных ресурсов

По охвату языков все цифровые ресурсы можно условно разделить на четыре группы: а) полностью ориентированные на языки Сибири; б) не специализирующиеся на Сибири, но включающие значительный материал по этому региону; в) ресурсы, в которых Сибирь представлена лишь периферийно; г) ресурсы, посвященные ревитализации и социолингвистике языков Сибири с минимальным объемом собственно языкового материала.

Описание категории включает:

- а) название;
- б) указание
  - страны;
  - организации (если известно);
  - исследовательской группы (и/или руководителя проекта, если известно/где-либо указано на сайте);
- в) перечень языков;
- г) типы представленных данных;
- д) актуальный статус (завершена ли работа над ресурсом или продолжается);
- е) перечень возможных аспектов работы с представленными данными;
- ж) объем данных (по каждому из языков или в целом по ресурсу, если известно/где-либо указано на сайте);
- з) лицензия (указана или отсутствует).

Рассмотрим подробнее каждый ресурс.

а) Ресурсы, полностью ориентированные на языки Сибири

1. *Ресурс*: Siberianlang: Малые языки Сибири: наше культурное наследие¹.
Страна: Россия.
Организация: Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва.
Исследовательская группа: руководитель — О. А. Казакевич; участники — Д. М. Вахонева, Е. Л. Клячко, К. К. Поливанов, Е. М. Будянская, М. И. Воронцова, Ю. Е. Галямина, Л. Р. Павлинская, Е. А. Ренковская и др.
Языки: селькупский, кетский, эвенкийский.
Тип данных: карты, словари, морфологически аннотированные тексты с лексическими и суффиксальными глоссами, аудио рассказов, песен, документальные фильмы, языковые игры (для ревитализации), электронная библиотека.
Продолжается ли: да.
Подходит для изучения следующих аспектов: грамматика, лексикология, анализ текстов, фольклор, культурология.
Объем: не указан.
Лицензия: есть.
2. *Ресурс*: Endangered languages and cultures of Siberia².
Страна: Великобритания.
Организация: SOAS University, Лондон.
Исследовательская группа: руководитель — И. Николаева; участники — О. Ханина, С. Оде, Д. Матич, М. Тольская, А. Шлуинский и др.
Языки: эвенкий, лесной энецкий, тундровый ненецкий, колымский юкагирский, тундровый юкагирский, удэгейский.
Тип данных: морфологически аннотированные тексты с лексическими и суффиксальными глоссами, библиографии, аудио, видео, фотографии.
Продолжается ли: нет.
Подходит для изучения следующих аспектов: типология, грамматика, лексика, анализ текстов, фольклор, культурология.
Объем: не указан.
Лицензия: есть.
3. *Ресурс*: Языки обско-енисейского языкового ареала³.
Страна: Россия.

¹ См. <https://siberian-lang.srcc.msu.ru/>.

² См. <https://siberianlanguages.surrey.ac.uk>

³ См. <https://siblang.tspu.ru/project09/RUSS/>.

Организация: кафедра языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета, Томск.

Исследовательская группа: Ю. А. Фильченко, О. А. Осипова, О. С. Потанина, А. В. Байдак, Н. П. Максимова, Н. Л. Красикова, Е. А. Крюкова, П. Ю. Глазунов, В. Ю. Гусев, В. М. Лемская, А. А. Ким.

Языки: восточнохантыйский, селькупский, кетский, нганасанский, чулымско-тюрокский.

Тип данных: текстовые корпуса, морфологически аннотированные тексты с лексическими и суффиксальными глоссами, фольклорный анализ текстов, информация о языках.

Продолжается ли: нет.

Подходит для изучения следующих аспектов: типология, грамматика, лексика, анализ текстов, фольклор, культурология.

Объем: не указан.

Лицензия: есть.

4. *Ресурс:* INEL⁴.

Страна: Германия.

Организация: Гамбургский университет, Гамбург.

Исследовательская группа: Б. Вагнер-Надь, А. Архипов, Т. Архангельский, В. Баранова, В. Гусев, Н. Муравьев, Н. Стойнова, А. Шлуинский, О. Ханина и др.

Языки: камасинский, селькупский, долганский⁵, энецкий, ненецкий, эвенкийский, нганасанский⁶.

Тип данных: текстовые корпуса, морфологически аннотированные тексты с лексическими и суффиксальными глоссами, аудиоданные, пополняемая библиография, интерактивная карта, интерактивные каталоги, конкордансы с возможностью скачивания (с помощью конкордансера ЕХАКТ).

Продолжается ли: да.

Подходит для изучения следующих аспектов: типология, грамматика, анализ текстов.

Объем: долганский (версия 2.0) — 2864 высказывания, 19 989 токенов; эвенкийский (версия 2.0) — 93 264 токена; энецкий (версия 1.0) — 218 710 токенов; ненецкий (версия 1.0) — 61 278 токенов; камасинский, селькупский — не указан.

Лицензия: есть.

5. *Ресурс:* Диалектологический атлас⁷.

Страна: Россия.

Организация: Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирск.

Исследовательская группа: Н. Б. Кошкарёва и др.

Языки: коми-зырянский, хантыйский, мансийский, ненецкий.

Тип данных: лексические входы, карты.

Продолжается ли: нет.

Подходит для изучения следующих аспектов: лексика, семантика, ареальная лингвистика.

Объем: не указан.

Лицензия: есть.

6. *Ресурс:* Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения⁸.

Страна: Россия.

Организация: Институт этнологии и антропологии РАН, Отдел Севера и Сибири, Москва.

Исследовательская группа: А. Н. Биткеева, А. А. Бурькин, А. Х. Гирфанова, В. Ю. Гусев, О. А. Казакевич, И. А. Муравьева, И. А. Невская, В. И. Рассадин, А. Р. Тазранова, Д. А. Функ.

Языки: алеутский, алюторский, челканский, чукотский, чулымский, энецкий, эвенкийский, ительменский, кетский, корякский, керекский, кумандинский, мансийский, нанайский, нганасанский, нивхский, негидальский, ороцкий, селькупский, шорский, сойотский, телеутский, тофаларский, ульчский, юкагирский, юпикский, удэгейский, уйльта (ороцкий).

Тип данных: языковые описания, библиография и библиографический поиск, конкордансы текстов.

Продолжается ли: нет.

⁴ См. <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/portal/>.

⁵ Камасинский, селькупский, долганский — завершены.

⁶ Энецкий, ненецкий, эвенкийский, нганасанский — продолжаются.

⁷ См. <https://philology.nsc.ru/resources/atlas.php>.

⁸ См. <https://lingsib.iea.ras.ru/>

Подходит для изучения следующих аспектов: изучение языков, поиск литературы и ресурсов по этим языкам.

Объем: не указан.

Лицензия: есть.

7. *Ресурс:* Ob-Ugric database⁹.

Страна: Германия.

Организация: Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен.

Исследовательская группа: Е. К. Скрибник и др.

Языки: хантыйский (все диалектные группы) и мансийский (все диалектные группы).

Тип данных: корпус (частично) морфологически аннотированных текстов с лексическими и суффиксальными глоссами, словари, грамматические описания, библиография.

Продолжается ли: нет.

Подходит для изучения следующих аспектов: грамматика, лексика, анализ текстов.

Объем: не указан.

Лицензия: есть.

б) Ресурсы, не специализирующиеся на Сибири, но включающие значительный материал по этому региону

1. *Ресурс:* UraTur¹⁰.

Страна: Финляндия, Германия.

Исследовательская группа: Миина Норвик и др.

Языки: коми-зырянский, восточный мансийский, северный мансийский, казымский хантыйский, сургутский хантыйский, тундровый ненецкий, лесной энецкий, нганасанский, южный селькупский, камасинский.

Тип данных: фонологические, морфологические и синтаксические и частично лексические особенности.

Продолжается ли: да.

Подходит для изучения следующих аспектов: типология (фонология, морфология, грамматика, синтаксис, частично лексика).

Объем: не указан.

Лицензия: есть.

2. *Ресурс:* NorthEuralex¹¹.

Страна: Германия.

Организация: Университет Тюбингена, Тюбинген.

Исследовательская группа: Йоханнес Деллерт и др.

Языки: северный хантыйский, северный мансийский, северный селькупский, тундровый ненецкий, лесной энецкий, нганасанский.

Тип данных: лексические входы.

Продолжается ли: да.

Подходит для изучения следующих аспектов: поиск лексических единиц с последующей проверкой.

Объем: не указан.

Лицензия: есть.

3. *Ресурс:* Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе¹².

Страна: Россия.

Организация: Институт языкознания РАН, Москва.

Исследовательская группа: руководитель — О. В. Ханина; основные участники — А. А. Кибрик, О. А. Казакевич, В. Ю. Гусев, М. Ю. Пупынина, М. К. Амелина, Н. М. Стойнова, Ю. Б. Коряков, Е. Л. Клячко и др.

⁹ См. <https://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=welcome&navi=introduction>

¹⁰ См. <https://uralic.clld.org/>

¹¹ См. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10579-019-09480-6>

¹² См. <https://circumpolar.iling-ran.ru/>

Языки: сибирский русский, тундровый ненецкий (таймырский диалект), нанайский, ульчский, орокский, нивхский, эвенский, селькупский.

Тип данных: словари, морфологически аннотированные корпуса с лексическими и суффиксальными глоссами, топонимическая и лингво-географическая базы данных, карты.

Продолжается ли: нет.

Подходит для изучения следующих аспектов: типология, грамматика, лексикология, ареальная лингвистика, лингвистическая география.

Объем: не указан.

Лицензия: нет.

4. Ресурс: ELAR (Endangered Languages Archive)¹³.

Страна: Германия.

Организация: Берлин-Бранденбургская академия наук, Берлин.

Исследовательская группа: И. Николаева.

Языки: тундровый ненецкий, энецкий, мансийский, восточный хантыйский, среднечулымский, мелетский чулымский, тофаларский, негидальский, ульчский, эвенский, ительменский, корякский, чукотский, кур-урмийский, эштинско-чатский говор сибирско-татарского.

Тип данных: видео, аудио, метаданные, морфологически аннотированные тексты, фольклорные тексты.

Продолжается ли: да.

Подходит для изучения следующих аспектов: типология, лексика, грамматика, фольклор, культурология.

Объем: не указан.

Лицензия: есть.

5. Ресурс: ЛингвоДок¹⁴.

Страна: Россия.

Организация: Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН, Москва.

Исследовательская группа: руководители — Ю. В. Норманская, А. В. Дыбо, О. Д. Борисенко; участники — М. П. Безенова, Н. А. Кошелюк, Е. В. Кашкин, В. В. Воробьева, О. В. Гончарова, В. В. Куканова, И. П. Новак, С. В. Ковылин, М. К. Амелина и др.

Языки: коми-зырянский, мансийский (все диалектные группы), хантыйский (восточный, северный), селькупский (северный, центральный и их диалекты), камасинский, нганасанский, тундровый ненецкий, лесной ненецкий, тундровый энецкий, лесной энецкий, якутский, долганский, тувинский, тофаларский, хакасский, шорский, чулымский, сибирско-татарский, алтайский, ульчский, нанайский, удэгейский, ороцкий, эвенский, эвенкийский, негидальский, корякский, аллоторский, юкагирский.

Тип данных: словари, морфологически аннотированные корпуса с лексическими и суффиксальными глоссами, конкордансы с возможностью скачивания данных (при имеющемся доступе), корпуса со снятой омонимией, поиск по заданным параметрам, инструменты для проведения анализа данных (фонетические, фонологические, морфологические, этимологические, лексические, глоттохронологические, анализ валентности глаголов, определение близости языков и диалектов), карты, построение 3D-моделей.

Продолжается ли: да.

Подходит для изучения следующих аспектов: типология, лексика, грамматика, фонология, фонетика, этимология, глоттохронология, лексикостатистика, историческая лингвистика, реконструкция.

Объем: свыше 1300 словарей и корпусов.

Лицензия: есть.

6. Ресурс: WAL (The World Atlas of Language Structures)¹⁵.

Страна: Германия.

Организация: Институт эволюционной антропологии общества им. Макса Планка, Лейпциг.

Исследовательская группа: редакторы — М. С. Драйер, М. Хаспельмат.

¹³ См. <https://www.elararchive.org/>.

¹⁴ См. [ЛингвоДок](#).

¹⁵ См. <https://wals.info/>.

Языки: коми (зырянский и пермяцкий), мансийский, хантыйский, селькупский, камасинский, нганасанский, тундровый ненецкий, лесной ненецкий, энецкий, якутский, долганский, тувинский, тофаларский, хакасский, шорский, чулымский, сибирско-татарский, мишарско-татарский, крымско-татарский, центральный татарский, алтайский, ульчский, нанайский, удэгейский, ороцкий, эвенский, эвенкийский, негидальский, корякский, алоторский, юкагирский.

Тип данных: фонологические, морфологические и синтаксические и частично лексические особенности, библиография.

Продолжается ли: да.

Подходит для изучения следующих аспектов: типология (фонология, морфология, грамматика, синтаксис, частично лексика).

Объем: не указан.

Лицензия: есть.

7. *Ресурс:* Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры¹⁶.

Страна: Россия.

Организация: Российский государственный гуманитарный университет, Москва.

Исследовательская группа: А. В. Дыбо, В. С. Мальцева, Т. Б. Агранат, М. З. Муслимов, М. К. Амелина и др.

Языки: саамский, вепсский, мансийский, хантыйский, селькупский, тундровый ненецкий, энецкий, долганский, нганасанский, кетский, чулымский, шорский, теленгитский, сойотский, ульчский, удэгейский, эвенский, юкагирский, алоторский, корякский, алеутский, эскимосский.

Тип данных: карты, аудио, видео, фото, образцы текстов, словари, ссылки на корпуса, интерактивная библиотека, актуальные публикации, образовательная платформа, грамматические описания, информация о языках и народах, виртуальные экскурсии по музейным экспозициям.

Продолжается ли: нет.

Подходит для изучения следующих аспектов: типология, лексика, грамматика, фонетика, морфология, ареальная лингвистика, лингвистическая география, фольклор, культурология, образование.

Объем: не указан.

Лицензия: нет.

в) Ресурсы, в которых Сибирь представлена лишь периферийно

1. *Ресурс:* GLD¹⁷.

Страна: Россия, США.

Организация: Центр компаративистики и филогенетики НИУ ВШЭ, Москва; Санта-Фе Институт, Санта-Фе, Нью-Мексико.

Исследовательская группа: Г. Старостин, А. Касьян, М. Живлов и др.

Языки: хантыйский, мансийский, кетский, коттский, пумпокольский, аринский, югский.

Тип данных: лексические списки.

Продолжается ли: да.

Подходит для изучения следующих аспектов: глоттохронология, лексикостатистика.

Объем: не указан.

Лицензия: есть.

2. *Ресурс:* Kielipankki¹⁸.

Страна: Финляндия.

Организация: FIN-CLARIN консорциум.

Исследовательская группа: К. Линден, М. Лайтинен, М. Михайлов, С. Брунни, Т. Хейнонен и др.

Языки: тундровый ненецкий, хантыйский, мансийский.

Тип данных: мультязыковой корпус.

Продолжается ли: да.

Подходит для изучения следующих аспектов: грамматика, лексика, анализ текстов.

¹⁶ См. <https://atlaskmns.ru/>.

¹⁷ См. <https://starlingdb.org/new100/>.

¹⁸ См. <https://www.kielipankki.fi/>.

Объем: не указан.

Лицензия: есть.

3. *Ресурс:* Komi Media Collection¹⁹.
Страна: Финляндия, Россия.
Организация: FU-lab, Сыктывкар.
Исследовательская группа: Р. Блокланд, М. Рисслер, М. Федина, Н. Партанен, В. Чупров, Д. Левченко, М. С. Федина.
Языки: коми-ижемский.
Тип данных: мультимедийный аннотированный корпус, различные жанры.
Продолжается ли: нет.
Подходит для изучения следующих аспектов: изучение коми языка, фольклор, культурология.
Объем: имеется указание на количество респондентов и интервью — 196 человек и 157 аудиозаписей.
Лицензия: есть.
4. *Ресурс:* Tundra Nenets Materials²⁰.
Страна: Венгрия.
Организация: National Research Development and Innovation Office of Hungary (NKFIH).
Исследовательская группа: Н. Муш, К. Мади, Р. Метцгер, П. Ребруш, У. Рейчел и др.
Языки: тундровый ненецкий.
Тип данных: корпус аннотированных текстов (частично), карты, презентации, библиографический список.
Продолжается ли: нет.
Подходит для изучения следующих аспектов: фонология, синтаксис, просодия, фольклор.
Объем: 467 212 токенов.
Лицензия: есть.
5. *Ресурс:* Tavda Mansi Language²¹.
Страна: Венгрия.
Организация: Department of Finno-Ugristics, University of Szeged.
Исследовательская группа: Norbert Szilágyi.
Языки: южный мансийский диалект (тавдинский).
Тип данных: грамматические описания, корпус аннотированных текстов, карты, информация о диалекте, библиографический список.
Продолжается ли: нет.
Подходит для изучения следующих аспектов: фонология, морфология, синтаксис.
Объем: не указан.
Лицензия: есть.
6. *Ресурс:* DOBES²².
Страна: Нидерланды.
Организация: Лингвистический архив (ТЛА) Института психолингвистики им. Макса Планка, Неймеген.
Исследовательская группа: руководитель — П. Виттенбург; участники — П. Трилсбик, А. Кёниг, В. Плага, Ф. Виттенбург, Н. Вуд, А. Дукерс и др.
Языки: эвенский, тофаларский, ненецкий.
Тип данных: краткие грамматические описания, аннотированные тексты, видео, аудио, карты, фото, библиографический список.
Продолжается ли: нет.
Подходит для изучения следующих аспектов: фонетика, морфология, лексика, грамматика, фольклор, культурология.
Объем: не указан.
Лицензия: есть.

¹⁹ См. <http://videocorpora.ru/en>.

²⁰ См. https://tundranenetsdata.nytud.hu/tundra_nenets_materials.html.

²¹ См. <https://norbertszilagyi91.wixsite.com/tawdamansi/about-the-project>.

²² См. <https://dobes.mpi.nl/>.

г) Ресурсы, посвященные ревитализации и социолингвистике языков Сибири с минимальным объемом собственно языкового материала

1. *Ресурс*: Digital Humanities of the North²³.
Страна: Германия.
Организация: Культурный фонд Сибири, Фюрстенберг.
Исследовательская группа: руководитель — Э. Кастрен; члены фонда — Ш. Дудек, М. Дюрр, О. И. Хабекк, М. Куребито, Р. Лаптандер, М. Рисслер, Г. Саксингер, М. Винтершладен, Т. Заочная.
Языки: хантыйский, энецкий, долганский, тувинский, ительменский, нанайский.
Тип данных: этнографические описания, мультимедийные данные.
Продолжается ли: да.
Подходит для изучения следующих аспектов: культурология, фольклор, этнография.
Объем: не указан.
Лицензия: есть.
2. *Ресурс*: Arctic Indigenous Peoples languages and revitalization²⁴.
Страна: Норвегия.
Организация: Университет Тромсё (Арктический университет Норвегии), Тромсё.
Языки: тундровый ненецкий, лесной ненецкий, нганасанский, селькупский язык Томской области, хантыйский (вах-васюганский, сургутский, северный, южный), мансийский (северный, южный, восточный, западный), чулымский, тувинский, тофаларский, эвенский, кетский, эвенкийский, долганский, якутский, чукотский, юкагирский (тундренный и колымский), нивхский, корякский, ительменский.
Тип данных: карты языковых ареалов, метаданные, данные, с возможностью скачивания.
Продолжается ли: нет.
Подходит для изучения следующих аспектов: лингвистическая география, ареальные исследования, ревитализация языков.
Объем: не указан.
Лицензия: есть.
3. *Ресурс*: Малые языки России²⁵.
Страна: Россия.
Организация: Лаборатория исследования и сохранения малых языков, Институт языкознания РАН, Москва.
Исследовательская группа: руководитель — О. А. Казакевич; участники — К. К. Поливанов, А. И. Груздева, Н. А. Кузнецов, Д. Д. Мордашова, Е. А. Ренковская, Н. В. Сердобольская, З. М. Халилова, К. О. Шейфер, С. К. Ганиева.
Языки: тюркские, тунгусо-маньчжурские, монгольские, енисейские, индоевропейские, юкагирские, эскимосско-алеутские, чукотско-камчатские, уральские (мансийские, хантыйские, самодийские).
Тип данных: краткая информация о генеалогии, распространении, языковых контактах, многоязычии, функционировании языков, динамике развития языковой ситуации; обзор специалистов, научных центров, основных публикаций, ресурсов, административной и общественной поддержки.
Продолжается ли: да.
Подходит для изучения следующих аспектов: социолингвистика, ревитализация языков.
Объем: не указан, но прописано количество текстов по каждому языку в корпусе.
Лицензия: есть.
4. *Ресурс*: Карта языков Российской Федерации²⁶.
Страна: Россия.
Организация: Школа лингвистики НИУ ВШЭ, Москва.
Исследовательская группа: руководитель — Б. Орехов; участники — Л. Зайдельман, И. Крылова, Е. Степанова, И. Попов.
Языки: ительменский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, корякский, мансийский, нанайский, нивхский, ногайский, северноюкагирский, татский, тофаларский, тувинский, тундровый ненецкий, лесной

²³ См. <https://dh-north.org/ru>.

²⁴ См. <https://arctic-indigenous-languages-uito.hub.arcgis.com/>.

²⁵ См. <https://minlang.iling-ran.ru/?ysclid=m7sb7qtc3j408954571>.

²⁶ См. <http://web-corpora.net/wsgi3/minorlangs/>.

ненецкий, хакасский, хантыйский, чукотский, шорский, эвенкийский, эвенский, эрзя-мордовский, южноалтайский, южноюкагирский, якутский.

Тип данных: информация о языке, представленность в интернете и социальных сетях, коллекция текстов.

Продолжается ли: нет.

Подходит для изучения следующих аспектов: социолингвистика, ревитализация языков.

Объем: не указан.

Лицензия: есть.

5. *Ресурс:* Языки России²⁷.

Страна: Россия.

Организация: Институт языкознания РАН, Москва.

Исследовательская группа: руководитель — Ю. Б. Коряков; участники — Т. И. Давидюк, А. П. Евстигнева, В. А. Иванов, М. А. Каде, А. А. Сюрюн, В. С. Харитонов.

Языки: эрзянский, мокшанский, марийский, коми, удмуртский, хантыйский, мансийский, лесной ненецкий, тундровый ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский, чувашский, ногайский, сибирско-татарский, тувинский, тофаларский, хакасский, тувинский, шорский, горно-алтайские, якутский, долганский, эвенкийский, эвенский, негидальский, нанайский, орокский, удэгейский, ульчский, калмыцкий, бурятский.

Тип данных: список языков России, общая информация о языковых группах и отдельных языках, библиографический раздел, общая карта языков.

Продолжается ли: да.

Подходит для изучения следующих аспектов: социолингвистика, ревитализация языков.

Объем: не указан.

Лицензия: есть.

---

²⁷ См. <https://jazykirf.iling-ran.ru/>.

2. Иллюстративное исследование: ненецкий язык

Для иллюстрации возможностей различных ресурсов мы решили остановиться на ненецком языке (тундровый и лесной) как одном из наиболее полно описанных в рассматриваемых базах данных. Исследование показало, какую информацию об этом языке можно получить при обращении к тому или иному ресурсу. Согласно приведенным выше классификациям, ненецкий язык представлен в 16 базах данных.

1) **UraTyp**. Здесь в форме бинарных вопросов и ответов на них можно найти информацию о некоторых аспектах фонологии, морфологии, синтаксиса и фонетики тундрового ненецкого языка (рис. 2). Там, где возможно, на интерактивной карте отображаются примеры (рис. 3). Также прилагаются опция поиска по заданным параметрам и небольшой библиографический список источников, которые использовались для наполнения базы.

Value	Parameter	Comment	Example	Id
1	Is there contrastive length of vowels?			UT117
1	Are there parallelisms between?	Also 0 vs. 1 & vs. 1		UT146
0	Can aspect be expressed overtly on the regular marker?	Aspectual morphology is expressed on the lexical verb.		UT022
1	Is the order of possessive suffix and case suffix across the paradigm the same?	case + Plx		UT110
0	Can the same coordinating conjunction be used for NP, VP, and clauses?	Coordinating conjunctions can be found but this is not the commonest coordination strategy.		UT048
0	Is there a special negator that combines with non-finite forms?	For instance, <i>niva</i> negates action nominals.		UT052
0	Is there a separate morphological marker for expressing equative meaning?	However, there is an adverbial form marked by the suffix <i>-djayem</i> .		UT097
1	Can non-finite clauses entail a special way for a core argument (S/A) marking?	In different subject sentences, the lexical dependent subject is marked with the genitive.		UT008
1	Is there a constraint on word-final /r/?	In literary language there are some loanwords beginning with /r/ but there are no inflected forms beginning with /r/. In Russian loans beginning with /r-, sh- or ng- may be pronounced in some dialects (e.g. <i>ruskaja</i> = <i>karkusaja</i> (s. previous), <i>ngarajevij</i> (= <i>paillanuvij</i>)). In older loanwords /r- may be replaced by /l-.		UT158
1	Can subject in at least some participial subordinate clauses be encoded in the same way as in independent clauses?	*In same-subject sentences the dependent subject stands in the nominative form: if it is overt and triggers person/number marker of the possessive type" (Nikolskaya 2014: 206)		UT061
1	Are there separable adpositions to express goal, source, and location (without there being syntactem)?	Local prepositions usually appear in the locative (in <i>ana</i> 'at'), dative (<i>irah</i> 'to'), ablative (and) 'from') and possessive form (<i>irama</i> 'along').		UT076

Рис. 2. Тундровый ненецкий на сайте UraTyp (<https://uralic.clld.org/languages/30>)

Is there contrastive length of vowels?

Uralic: Areal Typology feature: UT117

Is there contrastive length of vowels?
If there is a phonological opposition between short and long vowels in a language, the length of vowels changes the word meaning (see Finnish example). To compare, in Central Veps, the single vowel may sound long (e.g. *sur* 'big'), but there is no phonological contrast.

Finnish
[su:] 'to s' vs. [su:] 'to s' vs. [s:] 'wind'

Coding: The value is "1" if the meaning of the word depends on the vowel length.

Value	Count
0	7
1	26
?	0

Showing 1 to 33 of 33 entries

Language	Value	Comment	Example	Id

Рис. 3. Существует ли в ненецком дифференциальный признак длительности гласных? (<https://uralic.clld.org/parameters/UT117#3/64.46/61.48>)

2) **NorthEuralex**. Ресурс является крупномасштабной лексической базой данных, предоставляющей данные для более чем 20 языковых семей в кодировке МФА, включая тундровый ненецкий. Список слов на сайте дается в виде таблицы (рис. 4), при выборе конкретного слова на карте отображаются все языки, в которых закреплена эта лексема (рис. 5). На сайте также указан полный список источников.

No.	Concept	Orthographic form	Automatically generated IPA	Next action
1	EYE	сэв	ɬæv	validate
2	EAR	кэ	kə	validate
3	NOSE	пыя	pɨjə	validate
4	MOUTH	нэ (н)	nəʔ	validate
5	TOOTH	тэбэ	tɨbə	validate
6	TONGUE	нэмэ	nəmɨ	validate
7	LIP	ып'иэ	ɨp'iɛ	validate
7	LIP	нэ'эп	nə'ɛp	validate
7	LIP	пэ'тэ (п)	pə'tɛ	validate
8	CHEEK	пэду	pədu	validate
8	CHEEK	пэды	pəjɨ	validate
9	FACE	сэ'тэ	ɬə'tɛ	validate
10	FOREHEAD	лэ	lə	validate
11	HAIR	ып'тэ	ɨp'tɛ	validate
12	MUSTACHE	пыл' фыты м'иэсэ'	pɨl' fɨtɨ m'ɨsɛ'	validate
13	BEARD	м'иэсэ (н)	m'ɨsɛ ɬəʔ	validate
14	CHIN	нэу' мэл	nəu' mɛl	validate
15	JAW	нэу	nəu	validate
16	THROAT	сэ	ɬə	validate
16	THROAT	хорэа	χə rəɬə	validate
17	NECK	эк	ɨk	validate
18	NAPE (OF NECK)	пэвэ	pəvə	validate
19	HEAD	тэвэ	tɛvɨ	validate
20	BACK	мэвэ	məvə	validate
21	BELLY	тэв	tɛv	validate
22	NAVEL	сэ'тэ (н)	ɬə'tɛ	validate

Рис. 4. Ненецкий язык на сайте NorthEuralex (<http://northeuralex.org/languages/yrk>)

Language	Orthographic form	Automatically generated IPA	Next action
Abkhaz	а'бэ	əbɛ	review
Adyghe	бэзэ	bəzə	validate
Amd	əpə-k	əpɨk	review
Armenian	բզի	ɨzɨ	validate
Avar	мэп	mɛp	validate
Bashkir	тэп	tɛp	validate

Рис. 5. Концепт «Язык» в ненецком и других языках на интерактивной карте NorthUraLex (<http://northeuralex.org/parameters/6#2/51.0/-2.1>)

3) **Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе.** В контексте нашего иллюстративного исследования о тундровом ненецком языке здесь можно найти следующую информацию: описание текущей социолингвистической ситуации, контактных явлений на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях в рамках заявленной цели проекта (она совпадает с наименованием ресурса). Особое внимание уделяется возможным корреляциям между разными типами контактов и разновидностями структурных изменений в языке, произошедшими под влиянием этих контактов. Кроме того, на странице проекта размещены карты (рис. 6), словари и корпуса исследуемых языков (рис. 7), а также представлены сведения о публикациях и докладах участников, тексты которых можно запросить при необходимости. Имеется раздел, посвященный экспедициям и прошедшим и предстоящим мероприятиям.

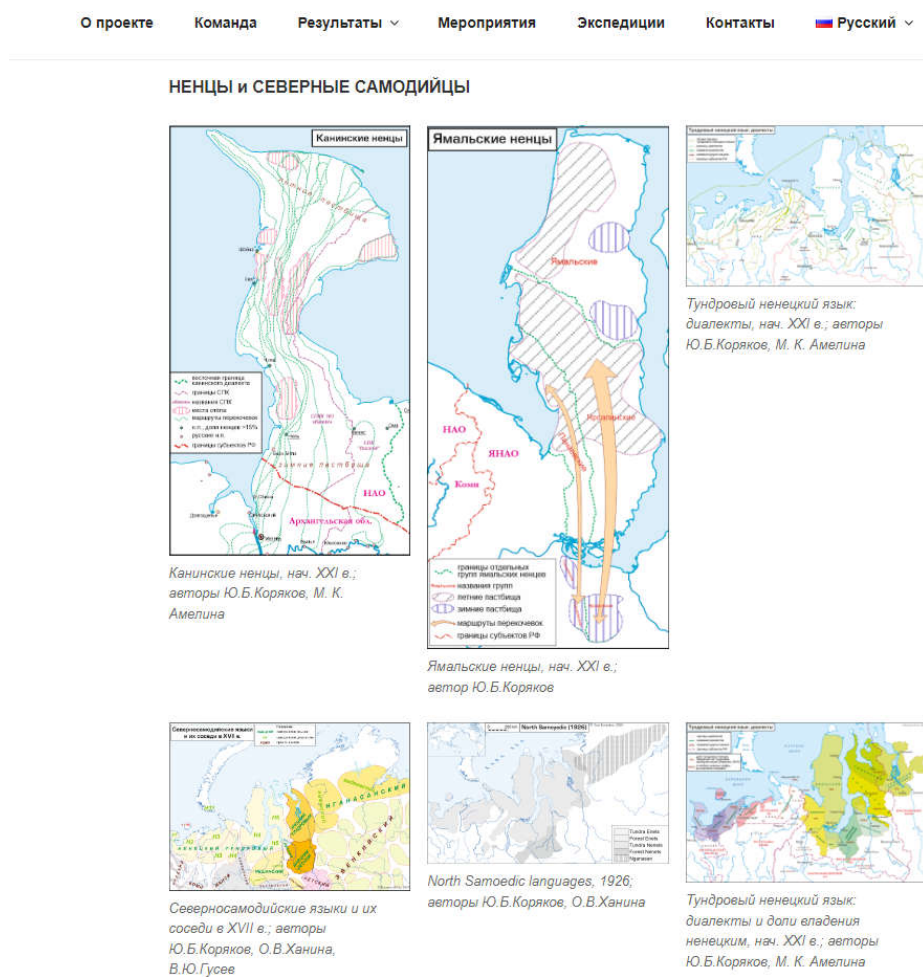

Рис. 6. Карты тундрового ненецкого языка на сайте «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе» (<http://circumpolar.iling-ran.ru/outcomes/maps/#5>)

circumpolar.iling-ran.ru/outcomes/corpora/#part1

О проекте   Команда   Результаты ▾   Мероприятия   Экспедиции   Контакты   ■ Русский ▾

Корпус таймырского диалекта тундрового ненецкого языка

Корпус таймырского диалекта тундрового ненецкого языка находится в процессе разработки, в настоящий момент можно скачать его первую часть.

(1) Данный звучащий текст на тухардском говоре таймырского (енисейского) диалекта тундрового ненецкого языка представляет собой повествование об эпидемии сибирской язвы, разыгравшейся в 1975—1976 гг. в истоках р. Пелятка (Тухардская тундра, Таймырский Долгано-Ненецкий район Красноярского края). Аудиотекст снабжен расшифровкой на тундровом ненецком языке, фонологической и фонетической транскрипциями, грамматическими пометами (глоссами) и переводом на русский язык.

Скачать метаданные: TOYa_audio_TNenets_metadata
Скачать архив с разбором и аудио: TOYa_audio_TNenets.zip

Рис. 7. Корпус таймырского диалекта тундрового ненецкого языка (доступен для скачивания) (<http://circumpolar.iling-ran.ru/outcomes/corpora/#part1>)

4) **Arctic Indigenous Peoples languages and revitalization.** На интерактивной карте сайта можно найти информацию о статусе ненецкого языка и о том, какие меры были приняты для его сохранения в области технологий, какие образовательные программы, проекты и мероприятия разрабатывались, какие учреждения были открыты и т. д. (рис. 8).

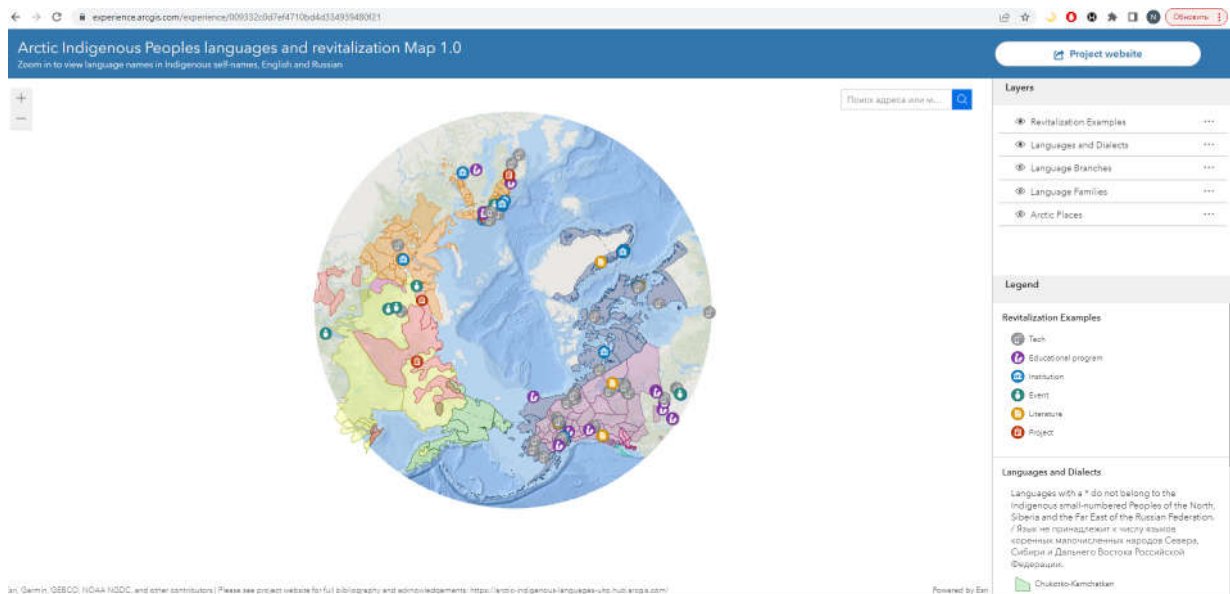

Рис. 8. Карта языков с точечным обозначением мер, принятых по ревитализации ненецкого языка (<https://experience.arcgis.com/experience/009332c0d7ef4710bd4d334939480f21>)

5) **ЛингвоДок.** На этом сайте данные о ненецком языке представлены достаточно полно. Объем данных составляет 17 103 лексемы (информация предоставляется по запросу к программистам ресурса). Здесь можно найти следующую информацию о тундровом и лесном ненецком: электронные словари и текстовые корпуса с разметкой в формате программы Elan, аудиозаписи с добавлением спектрограмм из Praat. Функциональность лингвистической платформы также позволяет проводить различные виды научных исследований: глоттохронологическую, фонетическую, фонологическую (рис. 9), морфологическую и этимологическую работу, создание интерактивных карт (рис. 10) по заданным лингвистическому и экстралингвистическому показателям или признакам и др. (см. [Норманская и др. 2022]).

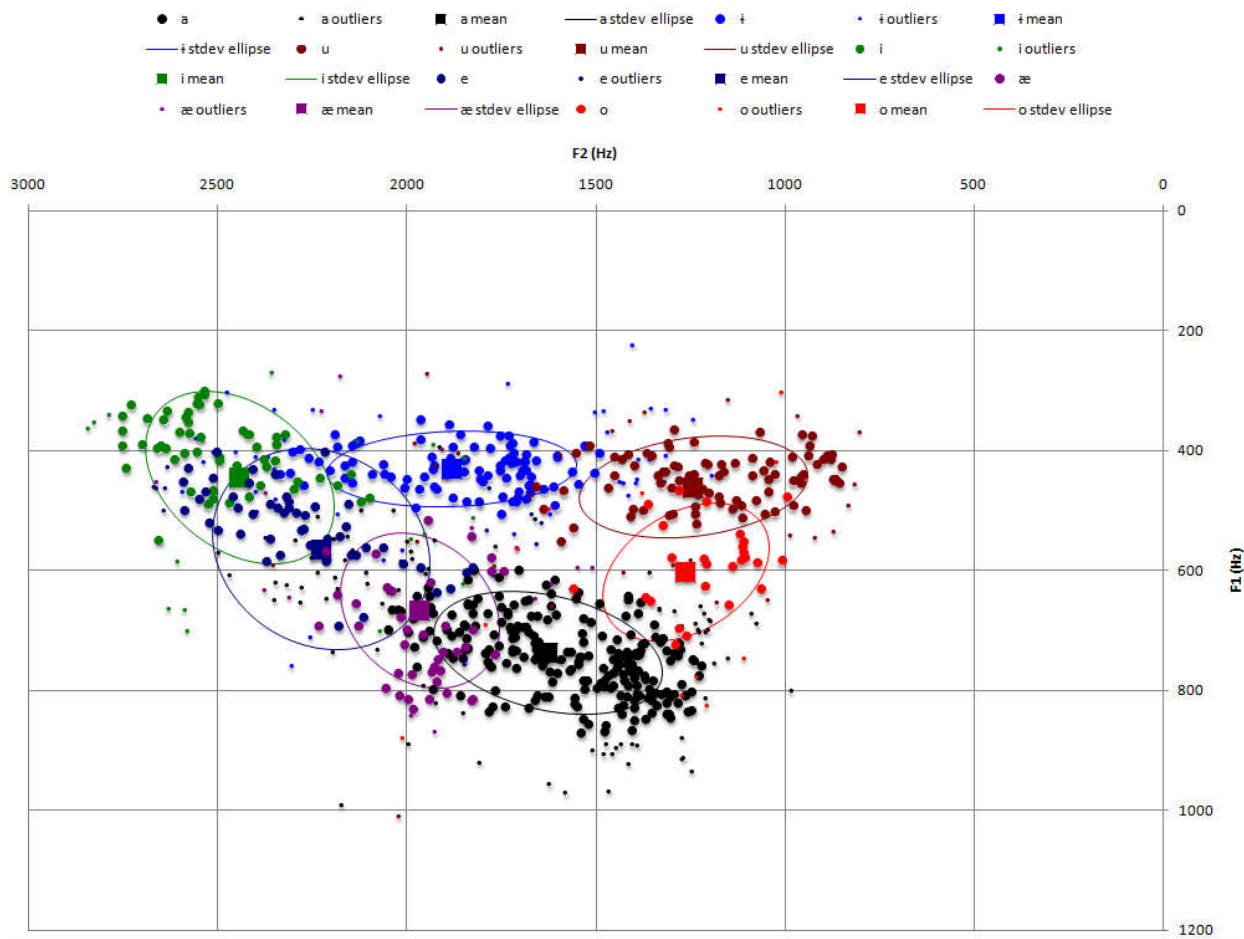

Рис. 9. Пример реализации опции «Анализ спектрограмм».
Облако формант пуровского диалекта лесного ненецкого языка
(<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3104/11/perspective/3104/12/view>)

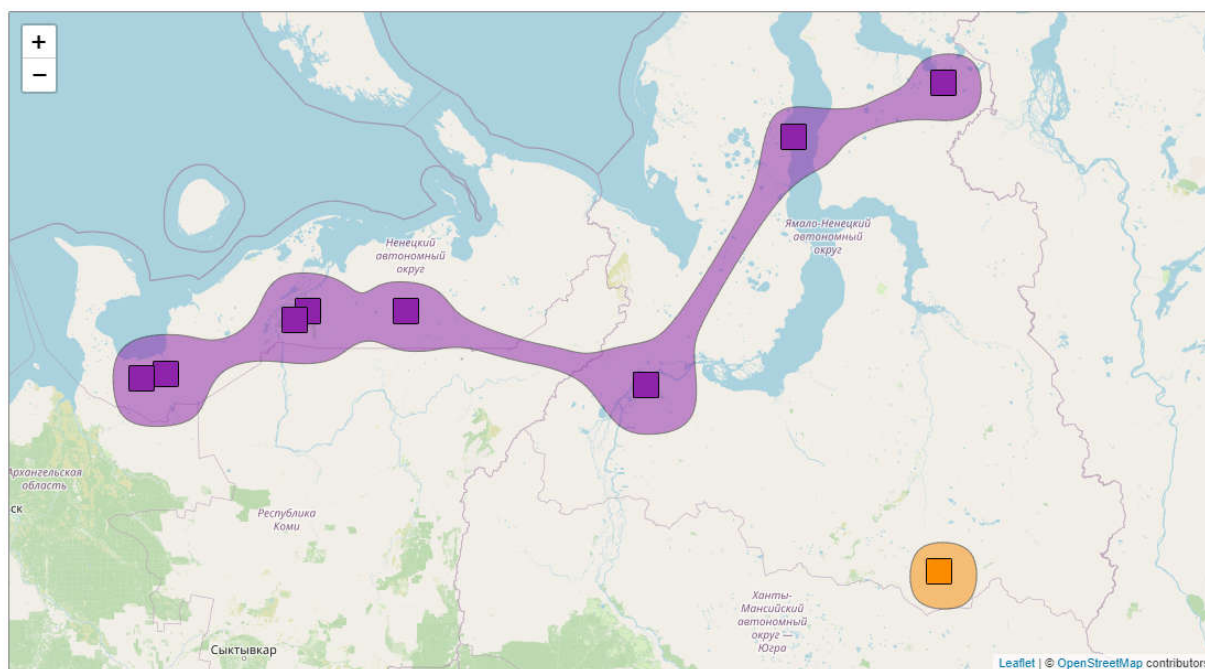

Рис. 10. Пример реализации опции «Карты». Тундровый ненецкий (фиолетовый) и лесной ненецкий (оранжевый) (http://lingvodoc.ispras.ru/map_search)

6) **Kielipankki**. На этом веб-сайте доступен корпус тундрового ненецкого языка, созданный Тапани Салминеном (рис. 11). Ресурс предоставляет ограниченный доступ к двуязычному текстовому корпусу. По запросу к правообладателям ресурса он может быть расширен.

Corpora deposited in the Language Bank

Location
The corpora in the Language Bank may be accessible via a web interface (Korp) or by using command line tools in CSC's computing environment. Some corpora can also be downloaded via the Download service.
Selected versions of the downloadable CLARIN PUB or ACA licensed corpora are also available in CSC's Puhti computing environment. In the directory `/appli/data/kielipankki/`. They are marked "Puhti" in the "Location" column in the list below. To use the servers you need a CSC account.

- Deposit your own resource with the Language Bank of Finland
- Upcoming language resources
- Overview of resources

License
Some corpora are directly available , some may be accessed by signing in or by applying for individual access rights . Protected corpora can be accessed following the link in the Apply column.

Service levels
Our language resources have three different levels of support.

A: The resource is under active development. The Language Bank of Finland fixes any issues as soon as possible.
B: The resource is developed only upon user request. The Language Bank of Finland aims to fix issues concerning the resource, but external contributions may be required.
C: The resource is available "as is". The Language Bank of Finland does not fix nor develop the resource.

Cite
Corpora-specific reference instructions and citations in other papers are available by clicking the quote link.
If you are looking for a corpus not listed here, please have a look in META-SHARE or CLARIN Virtual Language Observatory (VLO).
Please find an overview of all our resources sorted by resource families in the resource families of FIN-CLARIN.

Search:

Shortname	Name and metadata	License	Location	Cite	Resource group and help	Apply	Publication year	Support level
nenets-uhlcs	Nenets Corpus (Tundra Nenets) (UHLCS)	RES	Puhti		uhlcs			C

Showing 1 to 1 of 1 entries (filtered from 281 total entries)

Рис. 11. Корпус тундрового ненецкого языка на сайте Kielipankki
(<https://metashare.csc.fi/repository/browse/nenets-corpus-tundra-nenets-uhlcs/36ede2c0184111e291cf005056be118e15c2b8cad4eb4f7d8a7fe9fa22efec27/>)

7) **Endangered languages and cultures of Siberia.** Здесь можно найти записи речи носителей языка по различным темам, которые были переведены в текстовый формат и дополнены комментариями исследователей (рис. 12, 13), а также сведения об информантах и фотографии из экспедиций, отсортированные по датам сбора данных, и т. д. (рис. 14).

TUNDRA NENETS

THE GIANT FOREST MONSTERS

00:00 00:00

Search transcript ...

N'ew^oxəna mən'aq yax^onanaq ŋil'eakaŋ ɲokac^o.
before.LOC PRON.1PL land.LOC.POSS.1PL monster.PL
many.PST.SUBJ.3PL
перед.ЛОК МЕСТ.1МН земля.ЛОК.ПОСС.1МН чудовище.МН
много.ПРОШ.СУБ.3МН
In the past there were many monsters on our earth.
В старину на нашей земле злых духов было много.

N'eny^o n'encaq ŋul'iq t'an'oc^o.
true human.PL very few.PST.SUBJ.3PL
настоящий человек.МН очень несколько.ПРОШ.СУБ.3МН
But there were very few real people.
А настоящих людей было совсем мало.

Ŋob xasawa ruхuc'anta n'ah pedarah war^oxəna yil'ewex^oh.
one man wife.GEN.POSS.3SG at.DAT forest.GEN edge.LOC
live.NARR.SUBJ.3DU
один мужчина жена.ГЕН.ПОСС.3ЕД у.ДАТ лес.ГЕН край.ЛОК
жить.НАРР.СУБ.3ДВ
A man and his wife lived at the edge of the forest.
Жил на краю леса один мужчина с женой.

Tid'ih yəŋkuwi^oq.
reindeer.POSS.PL3DU not:exist.NARR.SUBJ.3PL
олень.ПОСС.МН:3ДВ не:существовать.НАРР.СУБ.3МН
They didn't have any reindeer.
Оленей у них было.

Xasawa yadə^o xan'es'ət^owi^o, ruхuc'ada ŋan'i wanuy^o
məq^olamp^os'ət^owi^o.
man walk.MOD.CVB hunt.HAB.NARR.SUBJ.3SG wife.POSS.3SG other
edible:root.PL ACC gather.HAB.NARR.SUBJ.3SG

© 22nd June 2014 nikolaeva Post Permalink AUDIO

Audio

- › A Nenets joke
- › A seagull's song
- › A seagull's tale
- › My old boot
- › The seven holy birch trees
- › Dressing for the tundra
- › How we met a bear
- › Lexe
- › Life story
- › Looking for a scoop
- › Lullaby
- › Marriage
- › My childhood
- › My family
- › Our new life
- › My white boots
- › The hare
- › No ladles under women's herns
- › The moon and the sun
- › Nenets girl
- › The old man and his daughter-in-law
- › The three pikes' sister and the Russian
- › The holy mountains
- › The two brothers and the old man of the earth

People

- › Aleksandra Vyucheykaya
- › Evgeniya Taybarey
- › Galina Koreneva
- › Nina Taybarey
- › Olga Taybarey
- › Tamara Laptander

Images

- › A young Tundra Nenets
- › Nelmin Nos
- › Nelmin Nos
- › Nelmin Nos
- › Nelmin Nos
- › Nelmin Nos
- › Nelmin Nos

Рис. 12. Пример глоссированного текста «The Giant Forest Monsters» (<https://siberianlanguages.surrey.ac.uk/audio/forest-giant/>)

Endangered Languages and Cultures of Siberia

Tundra Nenets ▾ AUDIO VIDEO PEOPLE IMAGES RESOURCES ALL

TUNDRA NENETS

LEXICAL GLOSSES FOR TUNDRA NENETS (ENGLISH)

This list of lexical glosses found in the Tundra Nenets transcribed texts allows you to navigate directly to examples in the audio and video recordings.

Each item is followed by a number which gives an indication of how many times the lexical gloss appears in the texts available in the collection for Tundra Nenets.

Clicking on the number following an item will take you to a result set for that item.

[a](#) [b](#) [c](#) [d](#) [e](#) [f](#) [g](#) [h](#) [i](#) [j](#) [k](#) [l](#) [m](#) [n](#) [o](#) [p](#) [q](#) [r](#) [s](#) [t](#) [u](#) [v](#) [w](#) [x](#) [y](#) [z](#)

a

- above (4)
- accountant (1)
- across (2)
- after (21)
- again (36)
- against (1)
- ahead (1)
- all (8)
- along (4)
- already (1)
- also (9)
- although (1)
- always (4)

Audio

- › A Nenets joke
- › A seagull's song
- › A seagull's tale
- › The giant forest monsters
- › My old boot
- › The seven holy birch trees
- › Dressing for the tundra
- › How we met a bear
- › Lexe
- › Life story
- › Looking for a scoop
- › Lullaby
- › Marriage
- › My childhood
- › My family
- › Our new life
- › My white boots
- › The hare
- › No ladies under women's hems
- › The moon and the sun
- › Nenets girl
- › The old man and his daughter-in-law
- › The three pikes' sister and the Russian
- › The holy mountains
- › The two brothers and the old man of the earth

People

- › Aleksandra Vyucheykaya
- › Evgeniya Taybarey
- › Galina Koreneva
- › Nina Tavbarey

Рис. 13. Лексические глоссы для тундрового ненецкого языка
(<https://siberianlanguages.surrey.ac.uk/resource/tundra-nenets-lexical-glosses/>)

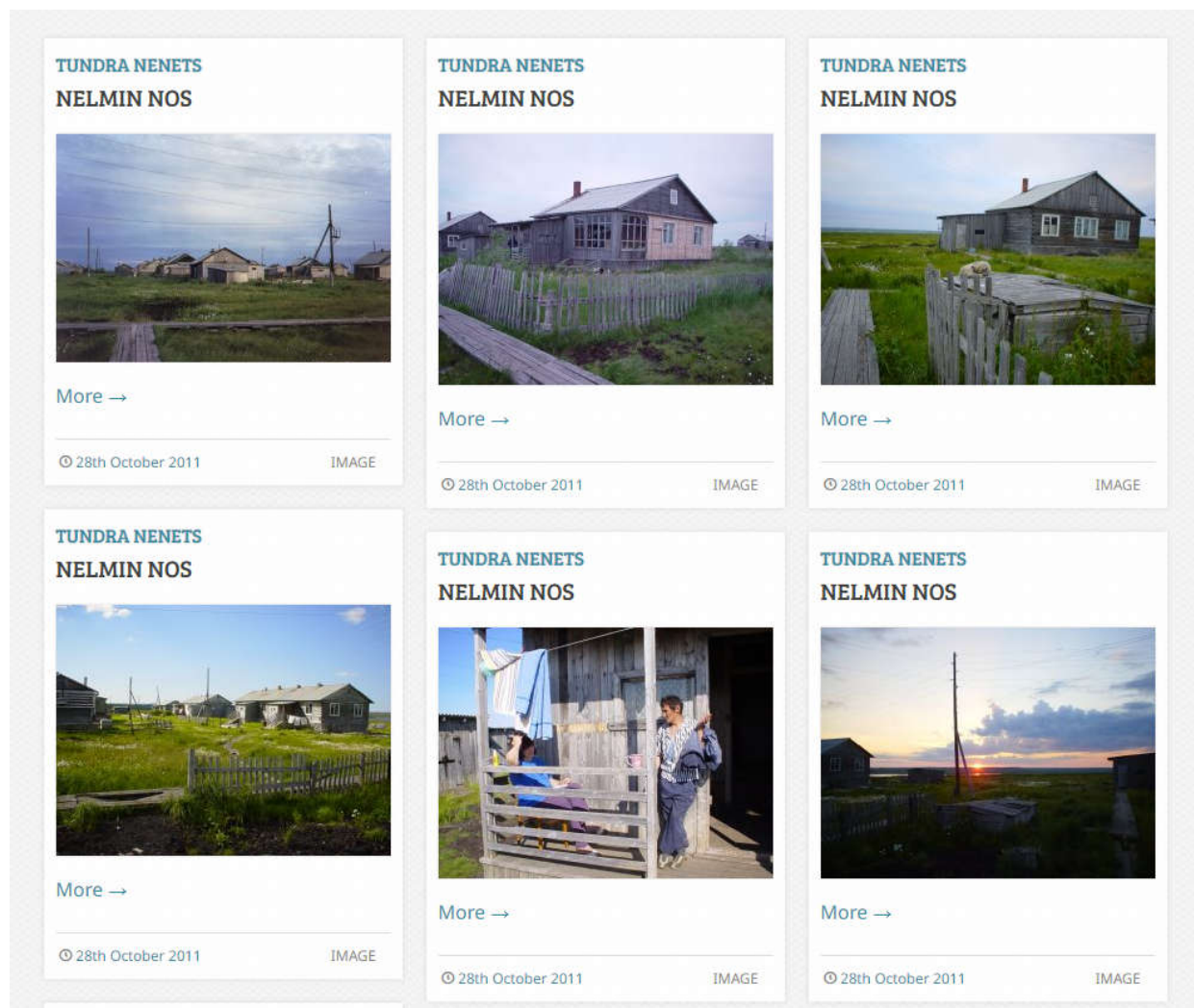

Рис. 14. Фотоматериалы экспедиций
 (https://siberianlanguages.surrey.ac.uk/language/tundra-nenets/?post_types=pic)

8) **Карта языков Российской Федерации.** Ресурс предоставляет данные о тундровом и лесном ненецком языках. На сайте можно ознакомиться с интерактивной картой и через «клик» по нужному региону перейти ко вкладке с общей информацией об интересующих языках (рис. 15). По тундровому ненецкому информации здесь гораздо больше, чем по лесному (рис. 16).

Языки России
Про языки
Скачать коллекцию
О проекте

Лесной ненецкий

Выбрать язык ▾

Информация о языке

Язык:	Лесной ненецкий
Самоназвание:	нешај вата
ISO-369-3:	
Языковая семья:	уральская, самодийская ветвь
Число носителей (2010 год):	1750
Титульный регион распространения:	Ямало-Ненецкий автономный округ
Статус:	
Письменность:	кириллица
Википедия:	нет

Представленность в интернете и соц.сетях

Домены
Для этого языка нет данных

Сообщества
Для этого языка нет данных

Тексты
Для этого языка нет данных

Токены
Для этого языка нет данных

Рис. 15. Информация о лесном ненецком
(<http://web-corpora.net/wsgi3/minorlangs/view/for>)

Информация о языке

Язык:	Тундровый ненецкий
Самоназвание:	"ненэцц" "вада"
ISO-369-3:	yrk
Языковая семья:	уральская, самодийская ветвь
Число носителей (2010 год):	21926
Титульный регион распространения:	Ямало-Ненецкий автономный округ
Статус:	
Письменность:	кириллица
Википедия:	https://incubator.wikimedia.org/wiki/Ур/yrk

Представленность в интернете и соц.сетях

Ниже представлена информация по выбранному языку и шести языкам, ближайшим к нему по числу носителей. Значения, относящиеся к выбранному языку, отмечены более светлыми столбиками.

Домены

Количество доменов по языкам с 5200 - 37831 носителями

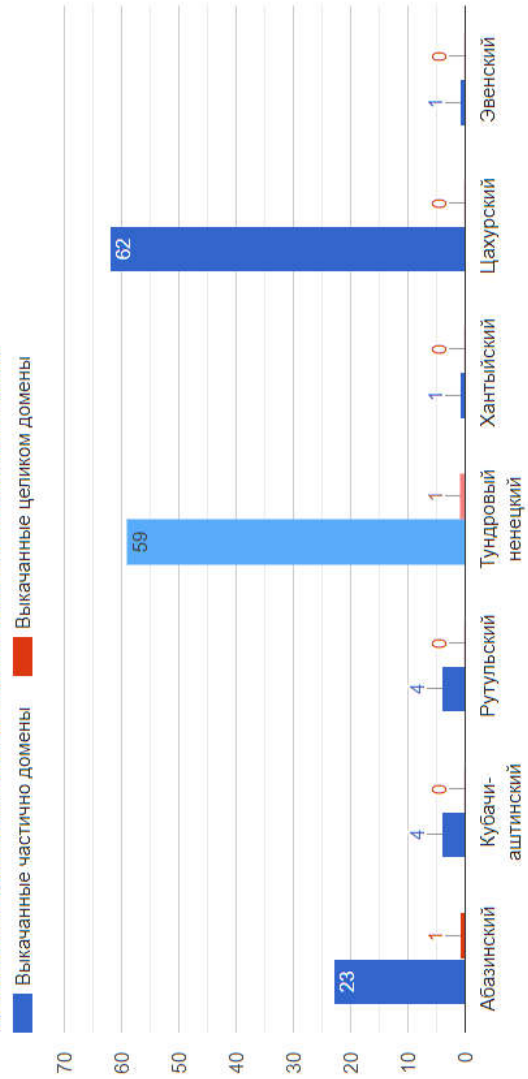

Рис. 16. Информация о тундровом ненецком (<http://web-corpora.net/wsgi3/minorlangs/view/yrk>)

9) **Языки России.** Ненецкий язык в этом проекте представлен и тундровым, и лесным. На карте всех языков России можно ознакомиться с местом их локации и ближайшими языковыми соседями (рис. 17). По интерактивной ссылке «Уральские языки: самодийские языки» пользователь сайта может перейти на отдельную вкладку с общей информацией о языке, его социолингвистическом статусе. Имеется также краткий библиографический список.

Карта языков России:

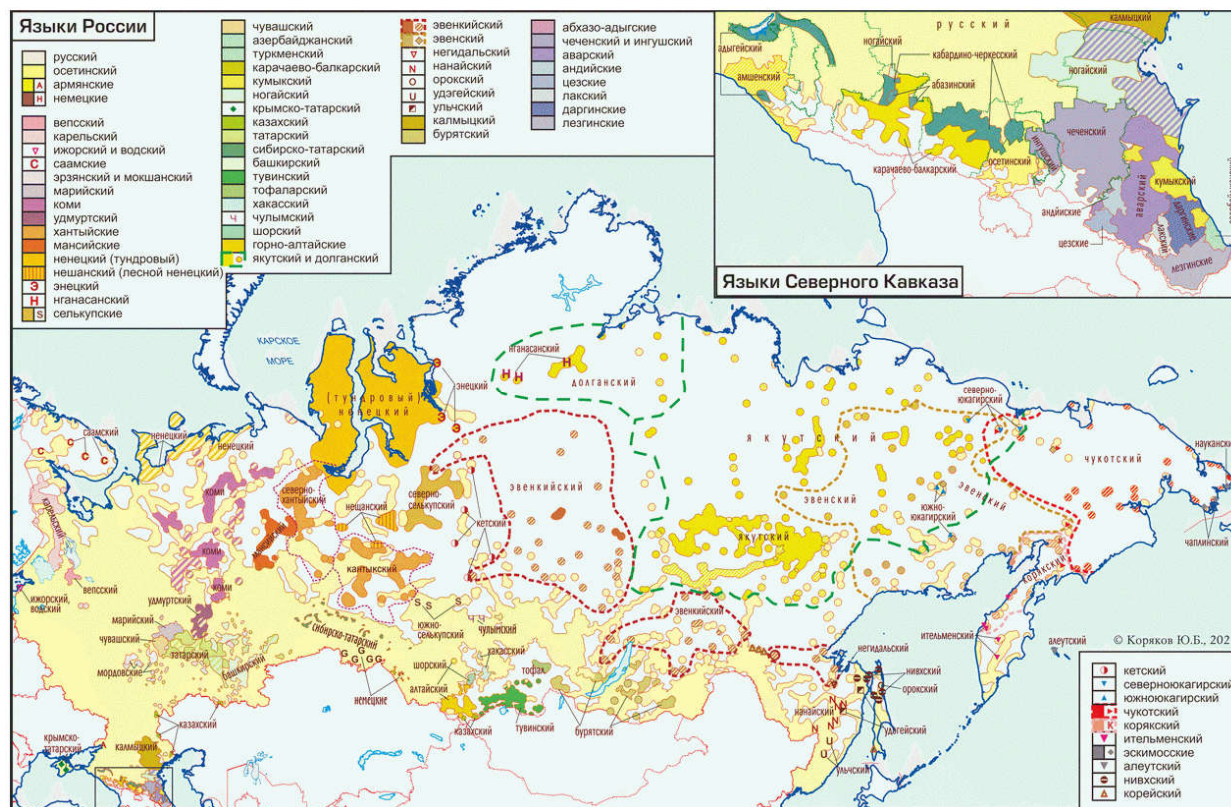

Рис. 17. Карта языков России (Ю. Б. Коряков)
(<http://jazykirf.iling-ran.ru/index.shtml>)

10) INEL. Ресурс предоставляет доступ к корпусным и картографическим данным о тундровом и лесном ненецком языках, в том числе по некоторым из их диалектов (рис. 18). Включенные данные датируются 1940—2011 гг. Здесь также можно ознакомиться с материалами конференций и сведениями о последних публикациях. Согласно указанию на сайте, все тексты корпуса имеют морфологическую разметку, перевод на английский, русский и немецкий языки. Помимо этого, есть возможность скачивания данных корпуса и непосредственной работы с ним — например, осуществлять поиск определенных слов, лемм и предложений (рис. 19).

Рис. 18. Корпус тундрового ненецкого языка на сайте INEL (<https://inel.corpora.uni-hamburg.de/portal/corpora/nenets/>)

Рис. 19. Пример работы с корпусом на сайте ресурса (<https://inel.corpora.uni-hamburg.de/portal/>)

11) **ELAR (Endangered Languages Archive)**. Здесь представлена подборка материалов о тундровом ненецком языке, собранных профессором Ириной Николаевой. Коллекция включает видео- и аудиозаписи, а также XML-транскрипции, закодированные с помощью программы SoundIndex²⁸.

12) **Диалектологический атлас**. Сайт содержит список лексем по диалектам ненецкого языка и месту их сбора, включая транскрипцию, их перевод и морфологический анализ. На карте можно увидеть, где находится каждый из зарегистрированных населенных пунктов (рис. 20)²⁹.

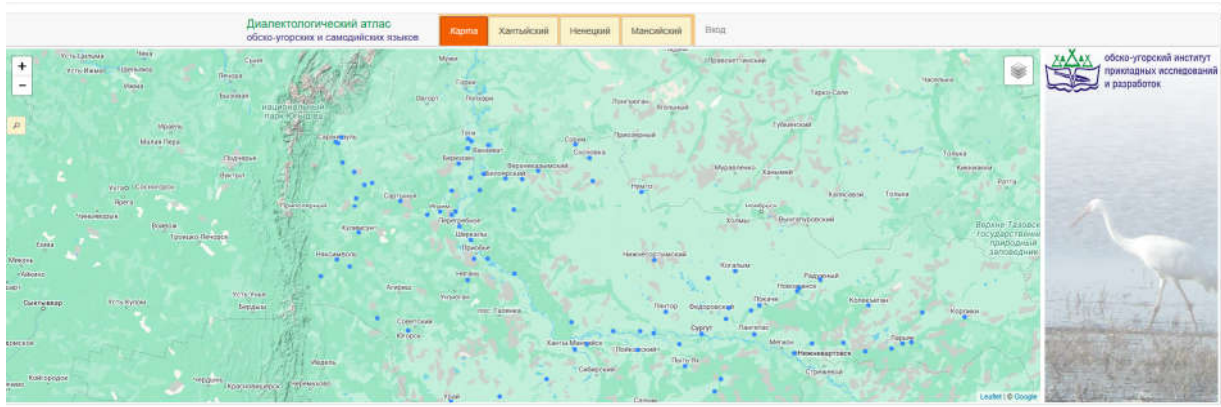
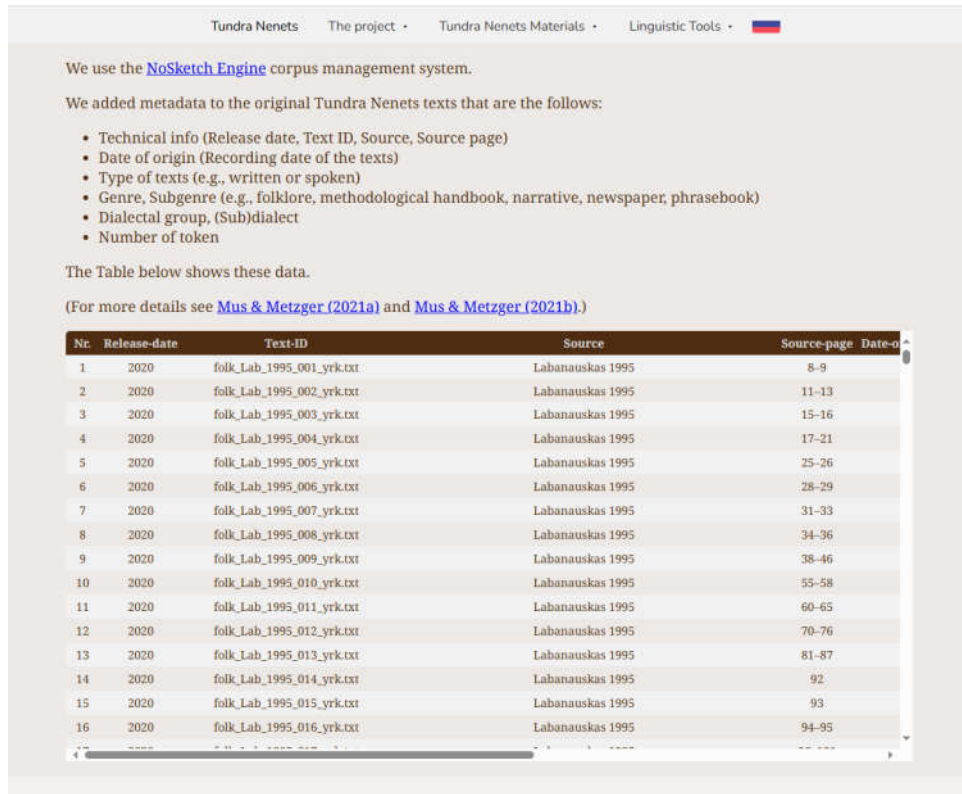

Рис. 20. Отображение населенных пунктов, где распространены ненецкий, хантыйский и мансийский языки (<https://philology.nsc.ru/resources/atlas.php>)

²⁸ См. <https://elararchive.org/map/>.

²⁹ Существенный недостаток этого ресурса — нестабильная работа сайта. В момент подготовки материала статьи доступ к нему был ограничен без уведомления о причинах произошедшего.

13) **Tundra Nenets Materials.** Ресурс предоставляет сведения о метаданных тундрового ненецкого языка (рис. 21), о жанрах и типах текстов, используемых в корпусе. Имеется доступ к картам авторства Золтана Гуйяша и возможность их скачивания (рис. 22). На сайте также даны ссылки на презентации авторов проекта (некоторые можно свободно скачать) и библиографические указания. При этом многие разделы ресурса находятся в разработке.

We use the [NoSketch Engine](#) corpus management system.

We added metadata to the original Tundra Nenets texts that are the follows:

- Technical info (Release date, Text ID, Source, Source page)
- Date of origin (Recording date of the texts)
- Type of texts (e.g., written or spoken)
- Genre, Subgenre (e.g., folklore, methodological handbook, narrative, newspaper, phrasebook)
- Dialectal group, (Sub)dialect
- Number of token

The Table below shows these data.

(For more details see [Mus & Metzger \(2021a\)](#) and [Mus & Metzger \(2021b\)](#))

Nr.	Release-date	Text-ID	Source	Source-page	Date-o
1	2020	folk_Lab_1995_001_yrk.txt	Labanauskas 1995	8-9	
2	2020	folk_Lab_1995_002_yrk.txt	Labanauskas 1995	11-13	
3	2020	folk_Lab_1995_003_yrk.txt	Labanauskas 1995	15-16	
4	2020	folk_Lab_1995_004_yrk.txt	Labanauskas 1995	17-21	
5	2020	folk_Lab_1995_005_yrk.txt	Labanauskas 1995	25-26	
6	2020	folk_Lab_1995_006_yrk.txt	Labanauskas 1995	28-29	
7	2020	folk_Lab_1995_007_yrk.txt	Labanauskas 1995	31-33	
8	2020	folk_Lab_1995_008_yrk.txt	Labanauskas 1995	34-36	
9	2020	folk_Lab_1995_009_yrk.txt	Labanauskas 1995	38-46	
10	2020	folk_Lab_1995_010_yrk.txt	Labanauskas 1995	55-58	
11	2020	folk_Lab_1995_011_yrk.txt	Labanauskas 1995	60-65	
12	2020	folk_Lab_1995_012_yrk.txt	Labanauskas 1995	70-76	
13	2020	folk_Lab_1995_013_yrk.txt	Labanauskas 1995	81-87	
14	2020	folk_Lab_1995_014_yrk.txt	Labanauskas 1995	92	
15	2020	folk_Lab_1995_015_yrk.txt	Labanauskas 1995	93	
16	2020	folk_Lab_1995_016_yrk.txt	Labanauskas 1995	94-95	

Рис. 21. Тундровый ненецкий язык на сайте Tundra Nenets Materials (https://tundranenetsdata.nytud.hu/tundra_nenets_materials.html)

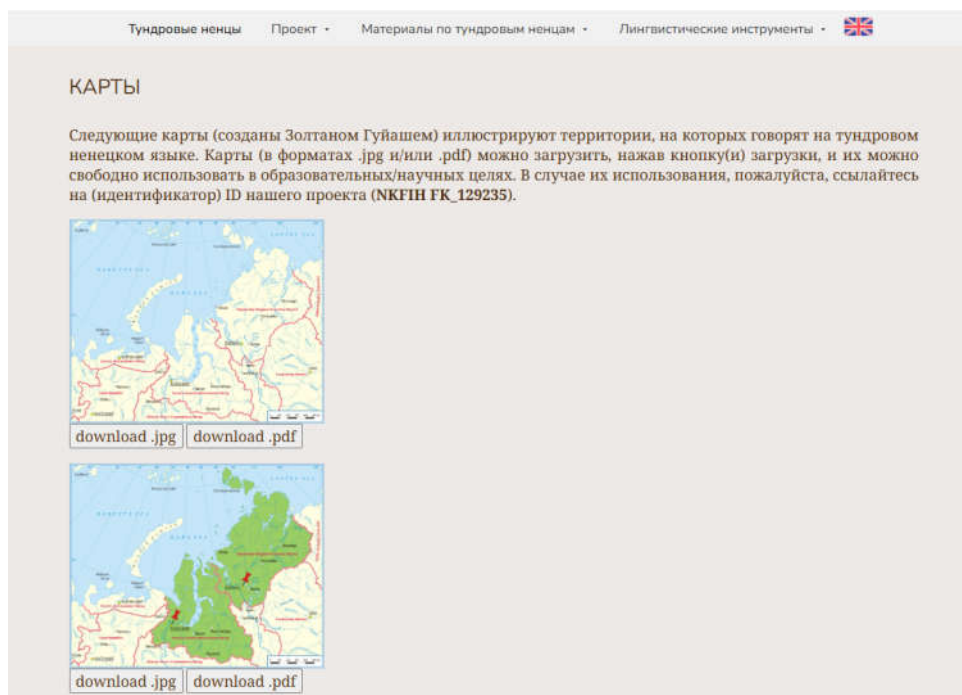

Рис. 22. Хранилище карт на сайте Tundra Nenets Materials (<https://tundranenetsdata.nytud.hu/tools-ru.html>)

14) **DOBES**. Здесь представлена информация о тундровом ненецком языке (рис. 23), на сайте имеется указание на 95 аудиозаписей. При нажатии «Browse the Nenets Corpus» открывается вкладка на другой ресурс — The Language Archive (рис. 24), где пользователь может ознакомиться с метаданными. Однако оценить полноту указанных материалов оказалось невозможным ввиду отсутствия доступа к ним.

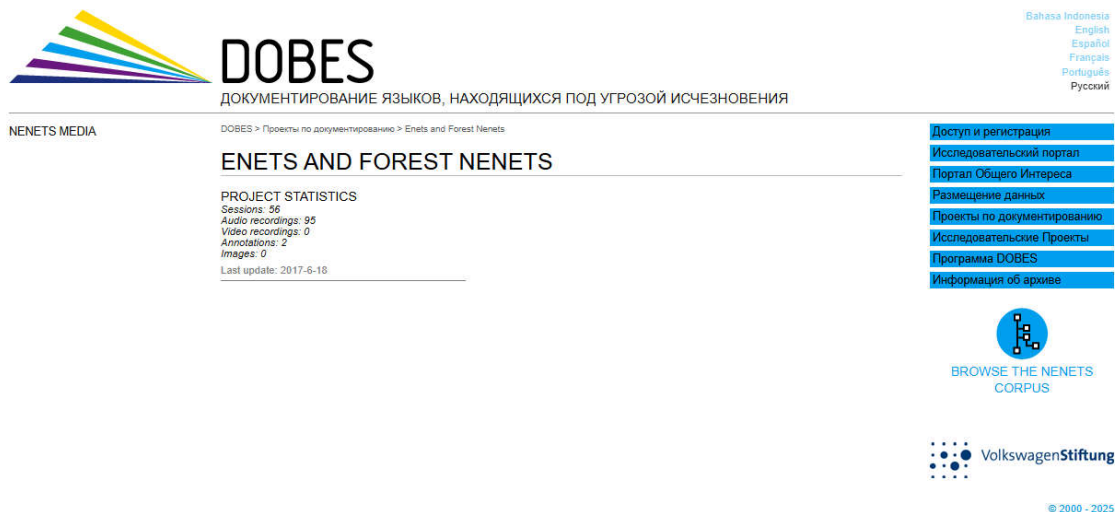

Рис. 23. Информация о тундровом ненецком корпусе на сайте DOBES (<https://dobes.mpi.nl/projects/nenets/?lang=ru>)

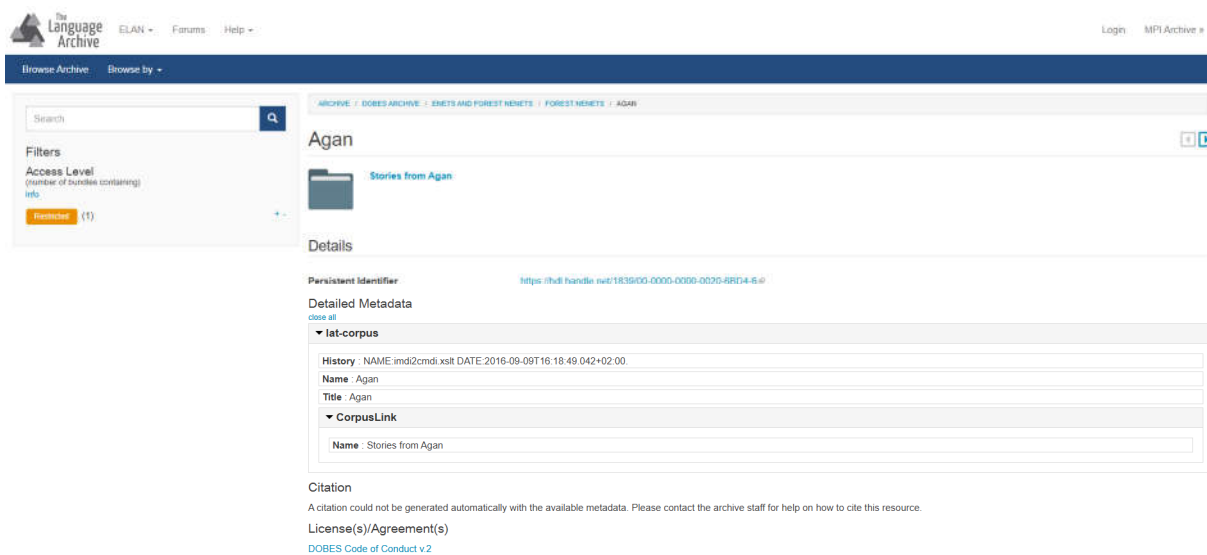

Рис. 24. Корпус тундрового ненецкого языка на сайте The Language Archive. Метаданные (https://archive.mpi.nl/tla/islandora/object/tla:1839_00_0000_0000_0008_2194_0?asOfDateTime=2018-03-02T11:00:00.000Z)

15) **WALS**. Этот ресурс представляет собой глобальную базу данных языков мира, отражающую их структурные свойства на уровнях фонетики, морфологии, лексики. Техническое решение сайта схоже с рассмотренным выше ресурсом NorthEuralex. По ненецкому (тундровому и лесному) здесь можно найти общую информацию о языке, его генетической принадлежности (рис. 25), а также выведенное на интерактивную карту отображение того или иного искомого параметра (рис. 26).

Language Nenets

Showing 1 to 14 of 14 entries

Feat ^a	Value	Feature	Reference	Area
1A	Moderately large	Consonant Inventories	Decsy 1966; Hajó 1963; Katz 1975a; Ristinen 1965; Ristinen 1968; Tereshchenko 1966a	Phonology
2A	Average (5-6)	Vowel Quality Inventories	Decsy 1966; Hajó 1963; Katz 1975a; Ristinen 1965; Ristinen 1968; Tereshchenko 1966a	Phonology
3A	Moderately high	Consonant-Vowel Ratio	Decsy 1966; Hajó 1963; Katz 1975a; Ristinen 1965; Ristinen 1968; Tereshchenko 1966a	Phonology
4A	In plosives alone	Voicing in Plosives and Fricatives	Decsy 1966; Hajó 1963; Katz 1975a; Ristinen 1965; Ristinen 1968; Tereshchenko 1966a	Phonology
5A	Other	Voicing and Gaps in Plosive Systems	Decsy 1966; Hajó 1963; Katz 1975a; Ristinen 1965; Ristinen 1968; Tereshchenko 1966a	Phonology
6A	None	Uvular Consonants	Decsy 1966; Hajó 1963; Katz 1975a; Ristinen 1965; Ristinen 1968; Tereshchenko 1966a	Phonology
7A	No glottalized consonants	Glottalized Consonants	Decsy 1966; Hajó 1963; Katz 1975a; Ristinen 1965; Ristinen 1968; Tereshchenko 1966a	Phonology
8A	l/, /r/ no obstruent laterals	Lateral Consonants	Decsy 1966; Hajó 1963; Katz 1975a; Ristinen 1965; Ristinen 1968; Tereshchenko 1966a	Phonology
9A	Initial velar nasal	The Velar Nasal	Tereshchenko 1966: 40 ^a	Phonology
10A	Contrast absent	Vowel Nasalization	Salminen 1998	Phonology
11A	None	Front Rounded Vowels	Decsy 1966; Hajó 1963; Katz 1975a; Ristinen 1965; Ristinen 1968; Tereshchenko 1966a	Phonology
12A	Complex	Syllable Structure	Decsy 1966; Hajó 1963; Katz 1975a; Ristinen 1965; Ristinen 1968; Tereshchenko 1966a	Phonology
13A	No tones	Tone	Decsy 1966; Hajó 1963; Katz 1975a; Ristinen 1965; Ristinen 1968; Tereshchenko 1966a	Phonology

Alternative names

Ethnologue: Nenets
 Routledge: Nenets (Yurak Samoyed)
 Ruhem: Nenets

Sources

Castrén 1854
 Grammatik der Samojedischen Sprachen
Collinder 1927
 Survey of the Uralic languages
 info at Google Books

Decsy 1966
 Yurak Chestomasthy
Decsy 1968

Рис. 25. Ненецкий язык на сайте WALS
 (<https://wals.info/>)

Feature 12A: Syllable Structure

This feature is described in the text of chapter 12 [Syllable Structure](#) by Ian Maddieson [cite](#)

You may combine this feature with another one: Start typing the feature name or number in the field below.

in: 12A: Syllable Structure

Values

Simple	61
Moderately complex	274
Complex	151

Legend Icon size Show/Hide Labels

Geo/SCN

Values Examples

Рис. 26. Отображение устройства слога в ненецком языке на сайте WALS
 (<https://wals.info/feature/12A#2/19.3/152.9>)

16) **Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.** На сайте можно найти информацию, содержащую общие лингвистические сведения о тундровом ненецком языке (количество носителей, краткие сведения о становлении письменности, социолингвистическая характеристика языка и т. д.), данные об архивных источниках (архивы М. А. Шёгрена, Н. Я. Марра, экспедиционные материалы А. П. Пырерки и др.), о современных проектах по ревитализации, исследованию и изучению языка. Также здесь размещены сведения о быте и культуре ненцев, включая иллюстративный материал, имеются ссылки на образцы речи носителей в видео- и аудиоформатах. Есть ссылки на внешние ресурсы, включающие корпуса текстов, словари, видеолекции по языку, положение на карте (рис. 27, 28).

Тундровый ненецкий язык

Прежнее название тундрового ненецкого языка «юраиский», «самосаский». Под названием «юрако-самосаский» ранее понимались оба языка: не только тундровый ненецкий, но и лесной ненецкий. В настоящее время тундровый ненецкий и лесной ненецкий принято считать самостоятельными языками, а не диалектами (варечьями) одного языка.

Рис. 27. Ресурсы по тундровому ненецкому языку на сайте Интерактивного атласа (https://atlaskmns.ru/page/ru/lang_nentsy.html)

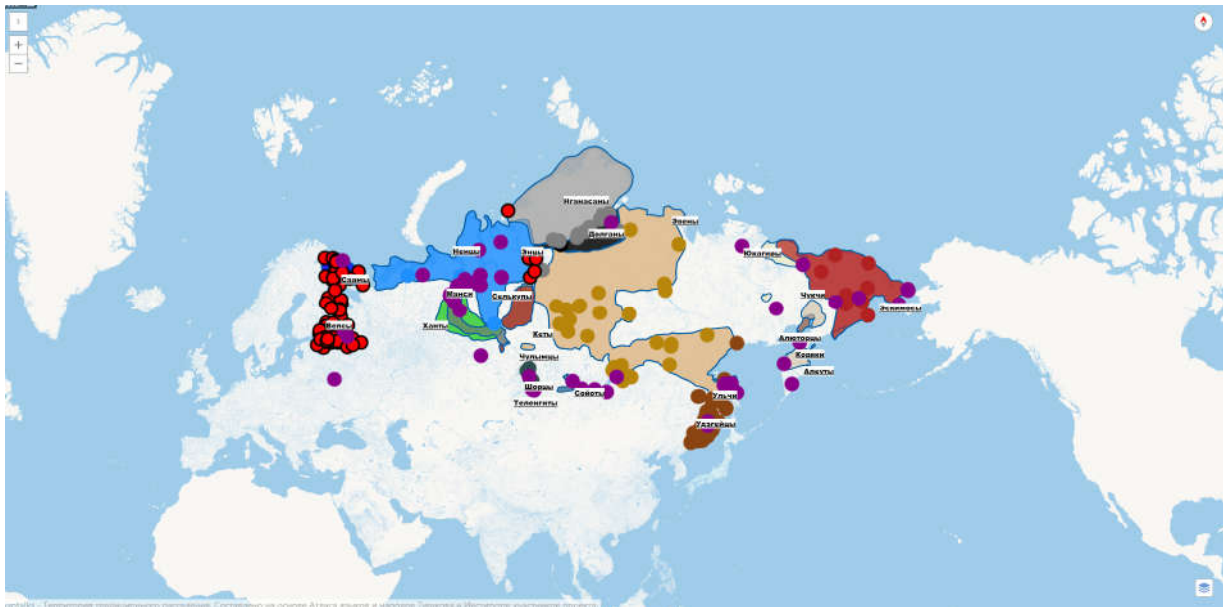

Рис. 27. Общая карта языков на сайте Интерактивного атласа (<https://atlaskmns.ru/ru/tiles/map>)

Заключение

Как видно из подборки, среди уральских языков Сибири в настоящее время больше всего материала размещено по хантыйскому, ненецкому и селькупскому языкам, а цифровые ресурсы содержат обширный, но преимущественно лексический материал. Текстовые корпуса могут служить основой для исследования морфологии, синтаксиса, а также информационной структуры и других аспектов анализа текста. Поскольку не все базы данных одинаково хорошо разработаны, использование исключительно цифровых ресурсов может быть недостаточным для проведения исследований, но они, безусловно, дополняют существующие опубликованные грамматические описания и словари.

Полагаем, что с помощью предложенного обзора лингвист, проводящий исследование по одному или нескольким языкам, сможет лучше ориентироваться среди множества ресурсов. В перспективе десяти ближайших лет представляется интересным повторить подобное описание ресурсов и отследить изменения.

В целом можно отметить: для обработки данных и порождения новых баз современной лингвистике все чаще требуется создание именно цифровых платформ, а для презентации результатов исследований целесообразнее использовать сайты проектов. Считаем, что следует разработать определенные усовершенствования в этой области. Причем ресурсы по лингвистическим исследованиям Сибири могут быть связаны друг с другом и иметь общую страницу с навигацией. Еще одним важным аспектом работы с цифровыми ресурсами является необходимость того, чтобы они оставались доступными после завершения исследовательских проектов. Вероятно, некоторые группы, занимающиеся исследованием Сибири, могут позаботиться как о содержании таких сайтов, так и о публикации печатных копий материалов. В противном случае ограничение доступа, смена платформ или другие технические неполадки и технологические усовершенствования могут привести к потере ценного материала.

Приложение

Для дополнительного удобства ниже мы даем выборку ресурсов уральских языков Сибири согласно категориям, отражающим содержательную сторону. Так, можно выделить следующие категории:

1) ресурсы с полным доступом к словарям и корпусам (не только фрагменты поиска):

- Ob-Ugric database
- INEL
- ELAR (Endangered Languages Archive)
- Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе
- DOBES
- Endangered languages and cultures of Siberia
- ЛингвоДок
- Kielipankki
- Tavda Mansi Language
- Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (выборочно)

2) ресурсы с доступом к аудиоданным:

- Siberianlang: Малые языки Сибири: наше культурное наследие;
- Endangered languages and cultures of Siberia;
- INEL
- ELAR (Endangered Languages Archive)
- Komi Media Collection
- DOBES
- ЛингвоДок
- Kielipankki
- Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

3) ресурсы, ограниченные социолингвистической тематикой:

- Digital Humanities of the North
- Komi Media Collection

- 4) ресурсы, включающие данные как по литературным языкам, так и по диалектам:
- Siberianlang: Малые языки Сибири: наше культурное наследие
  - Языки обско-енисейского языкового ареала
  - WALS (The World Atlas of Language Structures)
  - Tavda Mansi Language
  - Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе
  - Ob-Ugric database
  - ELAR (Endangered Languages Archive)
  - INEL
  - Endangered languages and cultures of Siberia
  - ЛингвоДок
  - Kielipankki
  - Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока
- 5) ресурсы, оснащенные инструментами анализа данных и/или создания новых баз:
- INEL
  - NorthEuralex
  - Ob-Ugric database
  - ЛингвоДок
- 6) ресурсы, ориентированные на картографирование:
- Языки России
  - Карта языков Российской Федерации
  - Kielipankki
  - GLD
  - UraTyp
  - ЛингвоДок
  - Tundra Nenets Materials
  - Arctic Indigenous Peoples languages and revitalization
  - Малые языки России
  - Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока
  - WALS (The World Atlas of Language Structures)
  - Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе
  - Dialectological Atlas

Источники

Диалектологический атлас — Электронный диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. 2014—2016. URL: <https://philology.nsc.ru/resources/atlas.php> (дата обращения: 18.02.2025).

Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе — Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе. 2017—2021. URL: <http://circumpolar.iling-ran.ru/en/> (дата обращения: 27.02.2025).

Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока — Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры. Разработан при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. 2024—2025. URL: <https://atlaskmns.ru/> (дата обращения: 07.03.2025).

Карта языков Российской Федерации — Карта языков Российской Федерации. 2016. URL: <http://web-corpora.net/wsgi3/minorlangs/> (дата обращения: 28.02.2025).

ЛингвоДок — LingvoDoc 3.0. Лингвистическая платформа. 2012—2025. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/> (дата обращения: 21.02.2025).

Малые языки России — Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. 2019—2025. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/> (дата обращения: 02.03.2025).

Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения — Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения. Отдел Севера и Сибири, ИЭА РАН. 2005. URL: <https://lingsib.iea.ras.ru/en/> (дата обращения: 10.02.2025).

Языки обско-енисейского языкового ареала — А. Фильченко. Языки обско-енисейского языкового ареала. 2010. URL: <https://siblang.tspu.ru/project09/RUSS/corpus.htm> (дата обращения: 01.02.2025).

- Языки России — Проект «Языки России». Лингвогеографический проект Юрия Корякова. 2020—2023. URL: <http://jazykirf.iling-ran.ru/> (дата обращения: 02.03.2025).
- Arctic Indigenous Peoples languages and revitalization — Arctic Indigenous languages and revitalization: an online educational resource. Language speaker areas map and dataset. 2023 (version 1.0). URL: <https://arctic-indigenous-languages-uito.hub.arcgis.com> (accessed on 21.02.2025).
- Digital Humanities of the North — Digital Humanities of the North. Kulturstiftung Sibirien. 2019. URL: <https://dh-north.org/> (accessed on 10.02.2025).
- DOBES — DOBES. Документирование языков, находящихся под угрозой исчезновения. 2000—2025. URL: <https://dobes.mpi.nl/> (accessed on 02.03.2025).
- ELAR (Endangered Languages Archive) — *I. Nikolaeva*. Tundra Nenets texts. Endangered Languages Archive. 2010. URL: <http://hdl.handle.net/2196/00-0000-0000-0001-D85D-3> (accessed on 01.03.2025).
- Endangered languages and cultures of Siberia — *I. Nikolaeva, E. Garrett, O. Bond*. Endangered Languages and Cultures of Siberia. 2019. URL: www.siberianlanguages.surrey.ac.uk (accessed on 18.02.2025).
- GLD — *G. Starostin* (ed.). The Global Lexicostatistical Database. Moscow: Higher School of Economics, & Santa Fe: Santa Fe Institute. 2011—2019. URL: <http://starling.rinet.ru/new100/> (accessed on 08.02.2025).
- INEL — INEL. Grammatiken, Korpora und Sprachtechnologie für indigene nordeuropäische Sprachen. Universität Hamburg, 2023. URL: <https://www.slm.uni-hamburg.de/inel/projekt.html> (accessed on 03.03.2025).
- Kielipankki — Kielipankki. The language bank of Finland. 2015—2024. URL: <https://www.kielipankki.fi/language-bank/> (accessed on 08.02.2025).
- Komi Media Collection — Komi Media Collection / Ed. by *R. Blokland, V. Chuprov, D. Levchenko, M. Fedina, N. Partanen, M. Riessler*. Syktyvkar: FU-lab, 2016. URL: <http://videocorpora.ru/en> (accessed on 03.03.2025).
- NorthEuralex — *J. Dellert, T. Daneyko, A. Münch* et al. Lang Resources & Evaluation. 2019 (version 0.9). URL: <https://doi.org/10.1007/s10579-019-09480-6> (accessed on 07.02.2025).
- Ob-Ugric database — Ob-Ugric database. Analyzed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects. 2023. URL: <https://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?navi=links&abfrage=links> (accessed on 26.02.2025).
- Siberianlang: Малые языки Сибири: наше культурное наследие — Siberianlang: Малые языки Сибири: наше культурное наследие (на материале языков бассейна Среднего и Енисея и Верхнего таза). 2012—2025. URL: <http://siberian-lang.src.ms.ru/ru> (accessed on 11.02.2025).
- Tavda Mansi — Tavda Mansi Language / *N. Szilágyi* (ed.). 2023. URL: <https://norbertyzilagy91.wixsite.com/tawdamansi/about-the-project> (accessed on 02.03.2025).
- Tundra Nenets Materials — ТЭП. Теоретические и экспериментальные подходы к диалектным вариациям и контактно-индуцированным изменениям: на примере тундровых ненцев. 2020. URL: <https://tundranenetsdata.nytud.hu/tools-ru.html> (accessed on 02.03.2025).
- UraTyp — Uralic Typology Online / Ed. by *M. Norvik, Y. Jing, R. Forkel*. URL: <https://uralic.clld.org/> (accessed on 15.02.2025).
- WALS — The World Atlas of Language Structures Online. 2013—2025. URL: <https://wals.info/> (accessed on 28.02.2025).

Л и т е р а т у р а

- Норманская и др. 2022 — *Ю. В. Норманская, О. Д. Борисенко, И. Б. Белобородов, А. И. Аветисян*. Программная система LingvoDoc и возможности, которые она предлагает для документирования и анализа обско-угорских языков // Доклады Российской академии наук. Математика. Информатика. Процессы управления. 2022. Т. 504, № 1. С. 51—73.
- Хелимский 2000 — *Е. А. Хелимский*. Компаративистика, уралистика, лексикостатистика. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Anderson 2006 — *G. D. S. Anderson*. Towards a Typology of the Siberian Linguistic Area // *Y. Matras, A. McMahon, N. Vincent* (eds.). Linguistic Areas. London: Palgrave Macmillan, 2006.
- Vajda 2008 — *E. J. Vajda*. The Languages of Siberia // *Language and Linguistics Compass*. 2008, 3. P. 424—440.

References

- Anderson 2006 — *G. D. S. Anderson*. Towards a Typology of the Siberian Linguistic Area. In: *Y. Matras, A. McMahon, N. Vincent* (eds.). Linguistic Areas. London: Palgrave Macmillan, 2006.
- Arctic Indigenous Peoples languages and revitalization — Arctic Indigenous languages and revitalization: an online educational resource. Language speaker areas map and dataset. 2023 (version 1.0). URL: <https://arctic-indigenous-languages-uito.hub.arcgis.com> (accessed on 21.02.2025).

Dialectological atlas — Ehlektronnyi dialektologicheskii atlas ural'skikh yazykov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. 2014—2016. {Electronic dialectological atlas of the Uralic languages spoken in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. 2014—2016.} URL: <https://philology.nsc.ru/resources/atlas.php> (accessed on 18.02.2025).

Digital Humanities of the North — Digital Humanities of the North. KulturstiftungSibirien. 2019. URL: <https://dh-north.org/>(accession 10.02.2025).

Dinamika yazykovykh kontaktov v tsirkumpolyarnom regione — Dinamika yazykovykh kontaktov v tsirkumpolyarnom regione. 2017—2021. {Dynamics of language contacts in the Circumpolar region. 2017—2021.} URL: <http://circumpolar.iling-ran.ru/en/> (accessed on 27.02.2025).

DOBES — DOBES. Dokumentirovanie yazykov, nakhodyashchikhsya pod ugrozoi ischeznoeniya. 2000—2025. {Documenting endangered languages. 2000—2025.} URL: <https://dobes.mpi.nl/> (accessed on 02.03.2025).

ELAR (Endangered Languages Archive) — ELAR. Endangered Languages Archive. I. Nikolaeva. Tundra Nenets texts. Endangered Languages Archive. 2010. URL: <http://hdl.handle.net/2196/00-0000-0000-0001-D85D-3> (accessed on 01.03.2025).

Endangered languages and cultures of Siberia — I. Nikolaeva, E. Garrett, O. Bond. Endangered Languages and Cultures of Siberia. 2019. URL: www.siberianlanguages.surrey.ac.uk (accessed on 18.02.2025).

GLD — G. Starostin (ed.). The Global Lexicostatistical Database. Moscow: Higher School of Economics, & Santa Fe: Santa Fe Institute. 2011—2019. URL: <http://starling.rinet.ru/new100/> (accessed on 08.02.2025).

Helimski 2000 — E. A. Helimski. Komparativistika, uralistika, leksikostatistika. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. {E. A. Helimski. Comparative studies, uralistics, lexicostatistics. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000.}

INEL — INEL. Grammatiken, Korpora und Sprachtechnologie für indigene nordeuropäische Sprachen. Universität Hamburg, 2023. URL: <https://www.slm.uni-hamburg.de/inel/projekt.html> (accessed on 03.03.2025).

Interaktivnyj atlas korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka — Interaktivnyj atlas korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: yazykiikul'tury. Razrabotan pri podderzhke Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii. 2024—2025. {Interactive Atlas of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East: languages and Culture. Developed with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. 2024—2025.} URL: <https://ataskmns.ru/> (accessed on 07.03.2025).

Karta yazykov Rossijskoi Federatsii — Karta yazykov Rossijskoi Federatsii. 2016. {Map of languages of Russian Federation. 2016.} URL: <http://web-corpora.net/wsgi3/minorlangs/> (accessed on 28.02.2025).

Kielipankki — Kielipankki. The language bank of Finland. 2015—2024. URL: <https://www.kielipankki.fi/language-bank/> (accessed on 08.02.2025).

Komi Media Collection — Komi Media Collection / Ed. by R. Blokland, V. Chuprov, D. Levchenko, M. Fedina, N. Partanen, M. Riessler. Syktyvkar: FU-lab, 2016. URL: <http://videocorpora.ru/en> (accessed on 03.03.2025).

LingvoDoc — LingvoDoc 3.0. Lingvisticheskaya platforma. 2012—2025. {LingvoDoc 3.0. Linguistic platform. 2012—2025.} URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/> (accessed on 21.02.2025).

Malye yazyki Rossii — Malye yazyki Rossii. Proekt Instituta yazykoznaniiya RAN. 2019—2025. {Project “Small Languages of Russia”. IEA RAS. 2019—2025.} URL: <https://minlang.iling-ran.ru/> (accessed on 2.03.2025).

Normanskaya i dr. 2022 — Yu. V. Normanskaya, O. D. Borisenko, I. V. Beloborodov, A. I. Avetisyan. Programmnyaya sistema LingvoDoc i vozmozhnosti, kotorye ona predlagaet dlya dokumentirovaniya i analiza obsko-ugorskikh yazykov. In: Doklady Rossijskoi akademii nauk. Matematika. Informatika. Protsessy upravleniya. 2022. T. 504, № 1. S. 51—73. {Yu. V. Normanskaya, O. D. Borisenko, I. V. Beloborodov, A. I. Avetisyan. The Software System LingvoDoc and the possibilities it offers for documentation and analysis of Ob-Ugric languages. In: Reports of the Russian Academy of Science. Mathematics. Computer science. Control processes, 2022. Vol. 504, № 1. P. 51—73.}

NorthEuralex — J. Dellert, T. Daneyko, A. Münch et al. Lang Resources & Evaluation. 2019 (version 0.9). URL: <https://doi.org/10.1007/s10579-019-09480-6> (accessed on 07.02.2025).

Ob-Ugric database — Ob-Ugric database. Analyzed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects. 2023. URL: <https://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?navi=links&abfrage=links> (accessed on: 26.02.2025).

Siberianlang: Malye yazyki Sibiri: nashe kul'turnoe nasledie — Siberianlang: Malye yazyki Sibiri: nashe kul'turnoe nasledie (na materiale yazykov bassejna Srednego i Eniseja i Verhnego taza). 2012—2025. URL: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru> (accessed on 11.02.2025).

Tavda Mansi — Tavda Mansi Language / N. Szilágyi (ed.). 2023. URL: <https://norbertszilagyi91.wixsite.com/tawdamansi/about-the-project> (accessed on 02.03.2025).

Tundra Nenets Materials — TEHP. Teoreticheskie I ehksperimental'nye podkhody k dialektnym variatsiyam I kontaktno-indutsirovannym izmeneniyam: na primere tundrovyykh nentsev. 2020. URL: <https://tundranenetsdata.nytud.hu/tools-ru.html> (accessed on 02.03.2025).

UraTyp — Uralic Typology Online / Ed. by M. Norvik, Y. Jing, R. Forkel. URL: <https://uralic.clld.org/> (accessed on 15.02.2025).

Vajda 2008 — E. J. Vajda. The Languages of Siberia. In: Language and Linguistics Compass. 2008, 3. P. 424—440.

Yazyki narodov Sibiri, nakhodyashchiesya pod ugrozoi ischeznovenii — Yazyki narodov Sibiri, nakhodyashchiesya pod ugrozoi ischeznovenii. Otdel Severa i Sibiri, IEA RAN. 2005. URL: <https://lingsib.iea.ras.ru/en/> (accessed on 10.02.2025). {Endangered Languages of Indigenous Peoples of Siberia — Endangered Languages of Indigenous Peoples of Siberia. Department of the North and Siberia, IEA RAS. 2005. URL: <https://lingsib.iea.ras.ru/en/> (accessed on 10.02.2025).}

Yazyki obsko-eniseiskogo yazykovogo areala — A. Fil'chenko. Yazyki obsko-eniseiskogo yazykovogo areala. 2010. {A. Filchenko. Languages of the Ob-Yenisei language area. 2010.} URL: <https://siblang.tspu.ru/project09/RUSS/corpus.htm> (accessed on 01.02.2025).

Yazyki Rossii — Proekt “Yazyki Rossii”. Lingvogeograficheskij proekt Jurija Korjakova. 2020—2023. {Project “Languages of Russia”. Linguistic and geographical project of Yuri Koryakov.} URL: <http://jazykirf.iling-ran.ru/> (accessed on 2.03.2025).

WALS — The World Atlas of Language Structures Online. 2013—2025. URL: <https://wals.info/> (accessed on 28.02.2025).

Комитативные конструкции с единицами *tāγəl* ‘полнота’ и *lūt* ‘все прочее’ в северномансийском языке

Хомченкова Ирина Андреевна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; irina.khomchenkova@yandex.ru

Жорник Дарья Олеговна, Институт языкознания РАН (Москва), Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана; daria.zhornik@yandex.ru

В северномансийском языке существует ряд единиц, употребляющихся в комитативных конструкциях (КомК). Базовым комитативным показателем является послелог *jot* — он используется в прототипической КомК (вида *Иван ушел в лес с Петей*), а также в актантной КомК с симметричными предикатами (*Иван дерется с Петей*), сочинительной КомК (*Иван с Петей ушли*), инклюзорной КомК (*Мы ушли с Иваном (вдвоем)*) и в некоторых идиолектах в копредикативной КомК (*Иван ушел в лес с ружьем*). В сочинительной и инклюзорной КомК возможен и показатель инструментального падежа $-(ə)l/-t(əl)$. В данной работе мы рассматриваем еще две единицы — *tāγəl* ‘полнота’ и «общий распространитель» / показатель симулятивной множественности *lūt* ‘все прочее’. Лексема *tāγəl* употребляется в копредикативных КомК, при этом существительное маркируется проприетивом. Единица *lūt* может использоваться в копредикативных КомК либо вместе с *tāγəl*, либо с инструменталисом. Мы показываем, что *jot* не накладывает никаких ограничений на референта комитативной ИГ, в то время как *tāγəl* и *lūt* типичны в так называемых «холистических» комитативных контекстах, где два объекта образуют единое целое в некоторой ситуации (например, *выбросить шкаф вместе с одеждой*). Мы считаем, что *lūt* в этом случае служит интенсификатором. Такая функция отмечается для общих распространителей и в других языках.

Ключевые слова: комитатив, универсальная квантификация, симулятивная множественность, общие распространители, мансийский, обско-угорские, финно-угорские

COMITATIVE CONSTRUCTIONS WITH *TĀγƏL* ‘FULLNESS’ AND *LŪT* ‘OTHER THINGS’ IN NORTHERN MANSI

Irina A. Khomchenkova, Lomonosov Moscow State University; irina.khomchenkova@yandex.ru

Daria O. Zhornik, Institute of Linguistics RAS (Moscow), Ludwig-Maximilian university of Munich; daria.zhornik@yandex.ru

In Northern Mansi, there are a number of markers used in comitative constructions (ComC). The basic comitative marker is the postposition *jot* — it is used in the genuine ComC (*John went into the forest with Peter*), as well as in the ComC with polyadic predicates (*John is fighting with Peter*), the coordinating ComC (*Ivan with Petya are leaving*, which is ungrammatical in English), the inclusory ComC (*We left with Ivan (together)*, which is also ungrammatical in English) and in some idiolects in the depictive ComC (*Ivan went into the forest with a gun*). In the coordinating and inclusory constructions, the instrumental case marker $-(ə)l/-t(əl)$ is also possible. It is commonly used with the dual possessive marker, which refers to both NPs. In this paper we consider two more (peripheral) markers: *tāγəl* ‘fullness’ and *lūt* ‘other things’, which is a general extender / a marker of simulative plurality. The first one is used in the depictive ComC; a propriative marker is attached to the noun in this case. The second one can be used in the depictive ComC either together with *tāγəl* or in the instrumental form. We show that *jot* does not impose any restrictions on the referent of the comitative NP, while *tāγəl* and *lūt* are typical in so-called “holistic” comitative contexts, where two objects form a single whole in a situation (for example, *to throw away a closet along with clothes*). We argue that in this case *lūt* serves as an intensifier, which is noted for general extenders in other languages.

Keywords: comitative, universal quantification, simulative plural, general extenders, Mansi, Ob-Ugric, Finno-Ugric

Исследование поддержано грантом РФФ № 22-18-00285 «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование», реализуемом в МГУ им. М. В. Ломоносова. Мы благодарим М. И. Сатину за помощь в сборе полевых данных в ходе экспедиций в г. Ханты-Мансийск в марте—апреле и августе 2024 г.

1. Введение

В северномансийском языке существует ряд единиц, употребляющихся в комитативных конструкциях (далее — КомК): комитативный послелог *jot* (1), показатель инструментального падежа *-(ə)l*, *-t(ə)l* (2), а также единицы *tāyəl* ‘полнота’ (3) и *lūt* ‘все прочее’ (4).

(1) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ¹

Поп эква мас-хат-ас и *Эква-пыгрись ěm мин-ас.*
 поп жена одеть-REFL-PST[3SG] и Эква-пыгрищ СОМ пойти-PST[3SG]
 ‘Жена попа оделась и пошла с Эква-пыгрисем’ [Сайнахова 1966: 124].

(2) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

an χит љау-āyi-tēn-təl ɔl-è-yʷ.
 один мужчина старший-сестра-POSS.3DU-INS жить-NPST-3DU
 ‘Один мужчина со старшей сестрой живет’ [АВНЧ, дело 50, текст 1].

(3) СЫГВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

mōt nak-t am n'āwram-əŋ tāyəl joxt-ēy-m.
 другой случай-LOC 1SG ребенок-PROP полнота прийти-NPST-1SG
 ‘В другой раз я приеду с ребенком’ [Сайнахова 1966: 137].

(4) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

Ань маñь хāп-е нāг ты харт-ыс-т-э,
 теперь маленький лодка-POSS.3SG от_воды PTCL тащить-PST-SG.O-3SG.S
хāп-е л̄ўт-ĕ-м та т̄ўйт-хат-ас.
 лодка-POSS.3SG все_прочее-POSS.3SG-INS PTCL спрятать-REFL-PST[3SG]
 ‘Свою маленькую лодку с берега оттащил, вместе с лодкой спрятался’ [Ромбандеева 2017: 88—89].

Послелог *jot* и инструменталис описаны в грамматиках мансийского языка (см., например, [Murphy 1968: 43; Ромбандеева 1973: 54; Riese 2001: 26]), а также в [Хомченкова, Жорник 2021]. Примеры с послелогом *jot* также доступны в [Сайнахова 1966: 123—124]. Единицы *tāyəl* и *lūt* описаны менее подробно.

Единица *lūt* зафиксирована в словарях [Баландин, Вахрушева 1958: 48] (‘все прочее’) и [Munkácsi, Kálmán 1986] (‘und andere Sachen’²) и кратко упоминается в [Скрибник 2014: 342]: «слова со значением собирательности (напр., *lut* ‘...и все прочее, сюда относящееся’)», см. (5); *lūt* также может функционировать как глагол с аналогичным значением ‘делать все прочее’ (6). Насколько нам известно, в грамматиках и других работах свойства лексемы *lūt* не описываются.

(5) *kwol-jor, lūt śāpit-aŋkwé juw-χajt-i.*

дом-место все_прочее подготовить-INF домой-бежать-NPST[3SG]
 ‘Он бежит домой, чтобы привести дом и все остальное в порядок’ [Munkácsi, Kálmán 1986].

(6) *āl-ey-im, ūnl-ey-im, χuj-ey-im, lūt-ey-im.*

быть-NPST-1SG сидеть-NPST-1SG лежать-NPST-1SG делать_все-NPST-1SG
 ‘Я живу, сижу, лежу и делаю всякое остальное’ [ibid.].

Примеры с *tāyəl* приводятся в [Сайнахова 1966: 136—137]. Эта единица выступает в значении ‘полнота’ [там же: 133—134] (см. (7)—(8)) и может присоединять аффиксы (9). Она также может обозначать пару объектов (10). Кроме того, эта основа видна в глаголах *tāyitaŋkwe* ‘наполнить’, *tāyin taŋkwe* ‘наполниться’ [там же: 135], нечленимых на синхронном уровне.

(7) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

am kent-um tāyəl sorni-ŋ oln ke pin-ēy-ən, lāw-ēy-um.
 1SG шапка-POSS.1SG полнота золото-PROP деньги если положить-NPST-2SG сказать-NPST-1SG
 ‘Если дадите полную шапку золота, скажу’ [там же: 134].

(8) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

an’ am palt-um kit lapka tāyəl pormas at ke tot-ēy-ən
 сейчас 1SG к-POSS.1SG два магазин полнота вещи NEG если нести-NPST-2SG

¹ Здесь и далее при цитировании примеров мы сохраняем запись источника. Мы указываем диалект, если он дается в источнике. В случае если пример из опубликованного источника содержит перевод на русский язык, мы приводим этот перевод в оригинальном виде.

² ‘И другие вещи’ (нем.).

nān-an pussən al-i-jan-um, akw xum at tarat-ēy-um.

2PL-POSS.2PL весь убить-NPST-PL.O-1SG.S один мужчина NEG пустить-NPST-1SG

‘Если вы сейчас мне не привезете столько товара, сколько помещается в двух лавках, я убью вас всех, ни одного не выпущу’ [там же: 134—135].

(9) а. СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

wētra-n tāyl-ēkw wāt-ē-l-n.

ведро-POSS.2SG полнота-ADV собрать-IMP-SG.O-2SG.S

‘Наполни ведро’ (букв. ‘собери ведро полным’) [там же: 135].

б. СЫГВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

tāyl-əŋ pūt-n ul nau-xat-e-n, tatəl-nuw pūt-nəl wuj-e-n.

полнота-PROP котел-LAT PRON залезть-REFL-IMP-2SG пустой-CMPR котел-ABL взять-IMP-2SG

‘Не трогай полный котел, возьми из начатого’ [там же].

(10) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

Менкв-ōйка эква-тэ хурум тупри тāгыл оньс-и.

менкв-мужчина жена-POSS.3SG три обувь полнота иметь-NPST[3SG]

‘У его (= Менква) жены есть три пары обуви’ [Кумаева 2015: 91].

Мы опишем ограничения на употребление единиц *tāyəl* и *lūt* в КомК, основываясь на данных устного анкетирования носителей верхнелозьвинского диалекта родом из д. Тресколье, полученных в 2021 г., носителей сосьвинского диалекта, работающих в редакции газеты «Лүимā Сэрипос», собранных в 2024 г., и на материалах корпуса текстов на верхнелозьвинском диалекте [ВЛМК] (корпус доступен по запросу). Также мы использовали примеры из корпуса [OUDB], выпусков газеты «Лүимā Сэрипос», архива В. Н. Чернецова с северномансийскими текстами на различных диалектах 1925—1938 гг. [АВНЧ], грамматик и других работ по мансийскому языку. Далее примеры, полученные в ходе опроса носителей, не помечаются.

Работа структурирована следующим образом. Раздел 2 посвящен базовым сведениям о северномансийском языке. Раздел 3 кратко описывает его систему комитативных показателей. В разделах 4 и 5 приводится информация об употреблении единиц *tāyəl* и *lūt* соответственно. В разделе 6 подводятся итоги и очерчиваются направления дальнейших исследований.

2. Северномансийский язык: базовые сведения

Северномансийский³ язык относится к обско-угорской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. На нем говорят около 1000 человек (938 по [Перепись 2010], 1008 по [Перепись 2020]) в Свердловской области и Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Далее для удобства мы будем периодически использовать для его обозначения наименование «мансийский язык», поскольку на сегодняшний день у остальных мансийских разновидностей не осталось носителей. Диалектами северномансийского являются верхнелозьвинский, сосьвинский, сыгвинский и обской. Существенные отличия в области грамматики предположительно имеет лишь обской диалект, остальные грамматически совпадают. Данные обского диалекта, ввиду его малоизученности, в настоящей статье не приводятся. Верхнелозьвинский диалект имеет многочисленные фонетические и лексические отличия от сосьвинского и сыгвинского, однако между этими тремя вариантами полная взаимопонимаемость. Сосьвинский диалект является основой литературного мансийского языка, и на нем представлены тексты на стандартном мансийском, например подавляющее большинство материалов мансийской газеты «Лүимā Сэрипос». Главное отличие сосьвинской и сыгвинской разновидностей заключается в следующей фонетической особенности: в сосьвинском, как и в верхнелозьвинском диалекте, произошел переход [t'] > [k] перед передними гласными, в сыгвинском же в этой позиции сохраняется [t'], ср. *kētsum* (верхнелозьвинский и сосьвинский) vs. *t'etsum* (сыгвинский) ‘я послал’.

В северномансийском языке шесть падежных граммем (см. таблицу 1). Выбор формы показателя может либо зависеть от фонетического контекста (например, алломорф инструменталиса *-al* употребляется после основ на согласный, а *-l* — после основ на гласный), либо иметь морфологическую обуслов-

³ Обозначение «северномансийский язык» принято на основе недавних исследований по мансийской лексико-статистике, северномансийский выделяется на основе лексических данных как отдельный язык в таких работах, как [Коряков 2017; Федотова 2021], также он фигурирует в списке языков России, опубликованном Институтом языкознания РАН, см.: <http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Ob-Ugric.shtml>.

ленность (например, алломорф инструменталиса *-t(əl)* используется только после посессивных показателей⁴). Однако в некоторых случаях показатели не находятся в дополнительной дистрибуции (например, варианты показателей латива и локатива могут встречаться в сочетании с одной и той же основой).

Таблица 1. Падежная система северномансийского языка

Название	Показатель	Пример склонения
Номинатив	—	<i>xāp</i> ‘лодка’
Латив	<i>-n, -na</i>	<i>xāpn</i> ‘в лодку’
Локатив	<i>-t, -ta</i>	<i>xāpt</i> ‘в лодке’
Аблатив	<i>-nəl, l, -əl</i>	<i>xāpnəl</i> ‘из лодки’
Инструменталис	<i>-l, -əl, -təl, -t</i>	<i>xāpəl</i> ‘на лодке, лодкой’
Транслатив	<i>-y, -iy</i>	<i>xāpiy</i> ‘(стать) лодкой’

В северномансийском языке выделяются граммы единственного, двойственного (*-(i)y, -(a)y*) и множественного (*-(ə)t, -(a)n*) числа. Единственное число не маркируется специальным показателем; выбор показателя двойственного/множественного числа зависит от наличия посессивных показателей: в сочетании с ними используются алломорфы *-(a)y* ‘DU’ и *-(a)n* ‘PL’, в их отсутствие — *-(i)y* ‘DU’ и *-(ə)t* ‘PL’, ср. *xāp-ət* (лодка-PL) ‘лодки’ и *xāp-an-um* (лодка-PL-POSS.1SG) ‘мои лодки’. (Отметим, что при сочетании показателя множественного числа и посессивного показателя 3-го лица множественного числа происходит гаплогогия; в результате получается омонимичная форма, ср. *xāp-anəl* (лодка-PL-POSS.3PL / ‘лодка-POSS.3PL) ‘их лодки / их лодка’.) Система посессивных показателей представлена в таблице 2. Порядок следования аффиксов в именной словоформе такой: число — посессивность — падеж, см., например, *xāp-ay-anəl-n* (лодка-DU-POSS.3PL-LAT) ‘в их (многих) две лодки’.

Таблица 2. Посессивные показатели в северномансийском языке

Лицо (↓) и число (→) обладателя	SG	DU	PL
1	<i>(u)m</i>	<i>mēn</i>	<i>(u)w</i>
2	<i>(ə)n</i>	<i>(ē)n</i>	<i>(ē)n</i>
3	<i>(t)e</i>	<i>(t)ēn</i>	<i>(a)nəl</i>

В северномансийском языке имеется послеложная система; послелог присоединяется к номинативной форме существительного: *āy(i-te) jot* (дочь-POSS.3SG с) ‘с (ее/его) дочерью’ (см., в частности, [Ромбандеева 1973: 193]). В сочетании с личными местоимениями послелог принимает посессивные показатели соответствующего лица и числа, например *am jot-um* (1SG COM-POSS.1SG) ‘со мной’. Существуют также «серийные» послелогии, образованные от реляционных имен: *kol kīwər-n* (дом внутренность-LAT) ‘внутри дома’, ср. *kīwər-n* ‘внутри’ (лативная форма), *kīwərt* ‘внутри’ (локативная форма), *kīwəral* ‘изнутри’ (аблативная форма); в сочетании с личными местоимениями они также принимают посессивные показатели, при этом соблюдается стандартный порядок следования показателей, т. е. посессивный показатель находится до падежного: *tān kīwər-anəl-t* 3PL (внутренность-POSS.3PL-LOC) ‘внутри них’. К этой же группе относятся составные послелогии с элементом *pal*. Они состоят из локативного элемента с атрибутивизатором *-i* (например, *joli* ‘нижний’ от *jol* ‘низ’, *ēli* ‘передний’ от *ēl* ‘перед’), единицы *pal* со значением ‘часть, сторона’ и падежного показателя (локатива, латива или аблатива). Например, составной послелог *jol-i-pal-n* (низ-ATTR-часть-LAT) обозначает ‘вниз’, т. е. буквально ‘в нижнюю часть’. В сочетании с личными местоимениями составные послелогии также принимают посессивные показатели: *taw ēl-i-pal-ē-t* (3SG перед-ATTR-часть-POSS.3SG-LOC) ‘в его передней части’.

В северномансийском языке существует субъектное спряжение, при котором глагол согласуется по лицу и числу с субъектом, а также объектное спряжение, при котором глагол согласуется с субъектом по лицу и числу и с объектом по числу, ср. (11). Выбор спряжения в северномансийском языке зависит от информационной структуры и таких свойств объекта, как одушевленность и референциальные характеристики, см. [Muravuev, Zhornik 2024]. В обоих типах спряжения объект не маркируется каким-либо падежным показателем.

⁴ Раньше картина распределения алломорфов была более сложной, см. [Murphy 1960: 39—40].

- (11) *am xāp wār-s-um / wār-əs-l-um.*
 1SG лодка делать-PST-1SG   делать-PST-SG.O-1SG
 ‘Я сделал лодку’.

В северномансийском языке распространены пассивные конструкции, употребление которых также зависит от информационной структуры [ibid.]. Субъект пассивной конструкции не маркируется, а агенс (если он выражен) присоединяет показатель латива:

- (12) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
am ti-xōtal alpəl kwāl-s-um kwāl-tt-uwe-s-um ruε pīy-na.
 1SG сегодня-день утром встать-PST-1SG встать-CAUS-PASS-PST-1SG русский парень-LAT
 ‘Я сегодня утром встал, меня разбудил русский парень (букв. ‘я был разбужен русским парнем’)’
 [ВЛМК: AEJ_DZh_SP_310118_myday].

Отдельно рассмотрим дитранзитивные конструкции. В субъектном спряжении агенс и тема представлены в немаркированной форме, а реципиент — в лативе (13а). В пассивном залоге реципиент немаркирован, агенс маркируется лативом, а тема — инструменталисом (13б). В объектном спряжении возможны два варианта маркирования. В одном случае субъект и тема не маркируются, а реципиент маркируется лативом (13а), в другом — субъект и реципиент не маркируются, а тема маркируется инструменталисом (13в). Выбор конструкции объясняется информационной структурой, см. [Virtanen 2015]: немаркированным оказывается наиболее топикальный из двух участников (тема vs. реципиент).

- (13) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
- āyi pīy-riε-na nēpak mi-s / mi-s-t-e.*
 девушка юноша-DIM-LAT книга дать-PST[3SG]   дать-PST-SG.O-3SG.S
 ‘Девушка дала мальчику книгу’.
  - pīy-riε āyi-n nēpak-əl mi-we-s.*
 юноша-DIM девушка-LAT книга-INS дать-PASS-PST[3SG]
 ‘Девушка дала мальчику книгу’.
  - āyi pīy-riε nēpak-əl mi-s-t-e.*
 девушка юноша-DIM книга-INS дать-PST-SG.O-3SG.S
 ‘Девушка дала мальчику книгу’.

3. Комитативные конструкции

Система комитативных показателей в мансийском языке описана в [Хомченкова, Жорник 2021]. Кратко охарактеризуем ее.

Согласно [Архипов 2009: 83], комитативная конструкция — это «морфосинтаксическая конструкция, используемая в данном языке для выражения множественного участника У ситуации С, в которой выражения, обозначающие его элементарных участников У1 и У2, синтаксически подчиняются одному предикату и имеют различный структурный ранг». Первый участник (У1) выражается центральной именной группой (далее — ИГ), а остальные участники (У2) — периферийной (комитативной) ИГ. В качестве диагностического контекста используются предложения с глаголами перемещения вида ‘Х пришел/пошел в (место) Z с У-ом’ [там же: 86]. Так, в мансийском предложении (14) множественный участник выражается с помощью элементарных участников *jēn'a* ‘Женя’ (центральная ИГ) и *ūn't'a* ‘Андрей’ (периферийная ИГ), они подчиняются предикату *joxt-* ‘прийти’, имеют различный структурный ранг (‘Женя’ — субъект, ‘Андрей’ — косвенный объект).

- (14) *Жēня Ūнтя ът ѓхт-ыс.*
 Женя Андрей СОМ прийти-PST[3SG]
 ‘Женя пришел с Андреем’.

Кроме комитативной конструкции в узком смысле, рассмотренной выше, существуют ее модификации. Например, в актантной КомК с симметричными предикатами комитативный показатель используется при предикатах, в которых наличие множественного участника обязательно. В мансийском языке в такой конструкции используется послелог *jot*, ср. (15).

- (15) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
Эква-пыгрись хон аги ът анигл-ахт-и,   сипыг-хат-и.
 Эква-пыгрищ царь дочь СОМ целовать-REFL-NPST[3SG]   сосать-REFL-NPST[3SG]
 ‘Эква-пыгрись обнимается, целуется с царской дочерью’ [Сайнахова 1966: 123].

В сочинительной КомК центральная и периферийная ИГ образуют единую составляющую, которая вызывает множественное (или двойственное) глагольное согласование. В мансийском языке в такой конструкции используется либо послелог *jot* (16), либо показатель инструментального⁵ падежа (17).

- (16) *Татьяна Филипповна ты āги-тэ ёт тэлы маснут ос пурка юнт-э-г,*
Татьяна Филипповна этот дочь-POSS.3SG COM зима одежда ADD унты шить-NPST-3DU
тувыл тынал-ы-ян-эң.
потом продать-NPST-PL.O-3DU.S
‘Татьяна Филипповна с этой дочерью шьют зимнюю одежду и унты, потом продают’ [Лүимā Сэрипос, 2013, № 9 (1051)].
- (17) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
ан хит җау-āҗи-тән-тәл әл-ә-җʸ.
один мужчина старший-сестра-POSS.3DU-INS жить-NPST-3DU
‘Один мужчина со старшей сестрой живет’ [АВНЧ, дело 50, текст 1].

В инклюзорной КомК (или в конструкции с поглощением референта) присутствует местоимение, которое отсылает в том числе к референту комитативной группы, ср. *Мы с Дашей* (= ‘я и Даша’) *вдвоем пошли в лес*. В мансийском в этих конструкциях также употребляются послелог *jot* (18) и инструменталис (19).

- (18) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
tuwəl mēn jurт-xum-im jot tuw ta worat-as-mēn ta māssin-na.
затем 1DU товарищ-мужчина-POSS.1SG COM туда PTCL стремиться-PST-1DU тот машина-LAT
‘Тогда мы с моим другом попросились в ту машину’ [ВЛМК: AEJ_SP_030218_lovestory].
- (19) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
Мән ойка-мән-тыл аквхойпулув тәл аквёет ол-ы-мән
1DU мужчина-POSS.1DU-INS одиннадцать год один.COM быть-NPST-1DU
‘Мы с мужем одиннадцать лет вместе живем’ [Бахтиярова, Динисламова 2016: 13].

В копредикативной КомК периферийная ИГ семантически определяет одного из участников и в типичном случае ее референт является неодушевленным. Основное отличие между прототипической КомК (*Я приду с Дашей*) и копредикативной КомК (*Я приду с сумкой*) заключается в том, что в последнем случае не утверждается, что второй участник самостоятельно совершает перемещение. В мансийском языке в копредикативных конструкциях используется либо перифрастическая конструкция (вида ‘он взял X и ушел’ и ‘он пришел и принес X’), либо (в некоторых идиолектах) послелог *jot* (20), либо единица *tāyəl* (21). К этой же группе относятся и примеры с *lūt* (22).

- (20) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
ʃjēn'a sāyrap jot joxт-әс.
Женя топор COM прийти-PST[3SG]
‘Женя пришел с топором’ [Хомченкова, Жорник 2021: 138].
- (21) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
taw sumka-η tāyл joxт-s.
3SG сумка-PROP полнота прийти-PST[3SG]
‘Он пришел с сумкой’ [Сайнахова 1966: 137].
- (22) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
Ань мәнх хән-е нāг ты харт-ыс-т-э,
теперь маленький лодка-POSS.3SG от_воды PTCL тащить-PST-SG.O-3SG.S
хән-е лүт-э-т та түйт-хат-ас.
лодка-POSS.3SG все_прочее-POSS.3SG-INS PTCL спрятать-REFL-PST[3SG]
‘Свою маленькую лодку с берега оттащил, вместе с лодкой спрятался’ [Ромбандеева 2017: 88—89].

⁵ В КомК инструменталис часто употребляется с посессивным показателем двойственного числа, отсылающего к обеим ИГ (см. [Хомченкова, Жорник 2021]).

В разделе 5 мы рассмотрим, как соотносятся конструкции с инструменталисом и инструментальной формой от *lūt*. Мы относим его к периферийным комитативным показателям на основании того, что не все носители допускают инструменталис без лексемы *lūt* в контекстах типа (22), см. (23).

(23) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

?*Ань ма́нь хāп-е нāг ты харт-ыс-т-э,*
теперь маленький лодка-POSS.3SG от_воды PTCL тащить-PST-SG.O-3SG.S
хāп-е-т-ыл та тūйт-хат-ас.
лодка-POSS.3SG-INS PTCL спрятать-REFL-PST[3SG]

‘Свою маленькую лодку с берега оттащил, вместе с лодкой спрятался’.

Обобщим информацию в таблице 3.

Таблица 3. Комитативные конструкции в северномансийском языке

КомК	<i>jot</i> ‘COM’	-(ə)l / -tal ‘INS’	<i>tāyəl</i>	<i>lūt</i>
Собственно КомК (‘X пришел с Y’)	OK	—	—	—
Актантная (‘X дерется с Y’)	OK	—	—	—
Сочинительная (‘X с Y ушли’)	OK	OK	—	—
Инклюзорная (‘мы с X ушли вдвоем’)	OK	OK	—	—
Копредикативная (‘уйти с сумкой’)	?	?	OK	OK

Послелог *jot* является базовым комитативным показателем. Он употребляется во всех приведенных комитативных конструкциях (за исключением копредикативной КомК, где он оказывается неграмматичным в некоторых идиолектах). Дистрибуция инструменталиса ограничена: он используется в сочинительных и инклюзорных конструкциях (см. [Хомченкова, Жорник 2021]). Система комитативных маркеров в мансийском также включает более периферийные единицы *tāyəl* и *lūt*, которые встречаются в копредикативных КомК. Рассмотрим далее особенности их употребления.

4. Единица *tāyəl*

В [Сайнахова 1966: 136—137] единица *tāyəl* описывается как послелог, обладающий, в частности, следующими значениями: а) сопроводительные отношения, б) косвенный объект. Имя существительное в этом случае маркируется проприетивом -əŋ⁶.

В категорию сопроводительных отношений попадают примеры типа (24), где референты центральной и комитативной ИГ одушевленные. А. И. Сайнахова отмечает, что «в данном значении послелог *tāyəl* встречается редко» [там же: 137].

(24) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

taw kaŋk-əŋ jaŋ-āyi-ŋ tāyəl joxt-s.
3SG брат-PROP старший-сестра-PROP полнота прийти-PST[3SG]
‘Она приехала с братом и сестрой’ [там же].

В категорию косвенного объекта, по [Сайнахова 1966], попадают примеры типа (25), где комитативная группа семантически относится к агенту (‘они уехали’, ‘они были с вещами’), и примеры типа (26), где комитативная группа относится к пациенсу (‘он их вытащил’, ‘они были с корнями’, ‘он вытащил их корни’).

(25) СЫГВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

tēn portas-əŋ tāyəl min-as-iŋ.
3DU вещи-PROP полнота пойти-PST-3DU
‘Они (двое) уехали с вещами’ [там же: 137].

⁶ В северномансийском языке существуют два проприетивных показателя: -(ə)ŋ и -(ə)p. Согласно [Ромбандеева 1973: 87], разница между ними заключается в том, что -(ə)p сочетается только с именными группами, содержащими зависимые. Показатель -(ə)p в конструкции с *tāyəl* невозможен:

СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
(i) *āyi mina-s wīyir sumka-ŋ / *sumka-p tāyəl.*
девочка уйти-PST[3SG] красный сумка-PROP сумка-PROP2 полнота
‘Девочка ушла вместе с красной сумкой’.

(26) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

tār-əŋ tāyl nōx=xart-s-an-e.
 корень-PROP полнота вверх=тянуть-PST-PL.O-3SG.S
 ‘Он вытащил их с корнем’ [там же].

Согласно нашим данным, большинство носителей не употребляют *tāyəl* с одушевленными именными группами. Однако в тех идиолектах, где это возможно, *tāyəl* накладывает интересные семантические ограничения на референта комитативной группы. Так, в (27а) Женя и Андрей не являются равноправными участниками в ситуации прихода (и поэтому эта конструкция не является собственно комитативной), в отличие от (27б). Наиболее естественная интерпретация примера типа (27а) подразумевает то, что Андрей и Женя состоят в родственных отношениях, при этом Андрей значительно младше Жени и воспринимается как его «часть». Эти ограничения не распространяются на предложения с базовым комитативным послелогом *jot* (27б).

(27) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

- а. *ʔЖёня Ёнтя-ŋ tāgył ěxt-ыс.*
 Женя Андрей-PROP полнота прийти-PST[3SG]
 ‘Женя пришел с Андреем’. (Андрей — младший брат или маленький сын.)
- б. *Жёня Ёнтя ěт ěxt-ыс.*
 Женя Андрей COM прийти-PST[3SG]
 ‘Женя пришел с Андреем’.

Аналогичный эффект виден и в следующей серии примеров. Единица *tāyəl* возможна в некоторых идиолектах с терминами родства (наряду с послелогом *jot*) тогда, когда референт комитативной ИГ находится в «подчиненном» отношении к референту центральной ИГ (28). В противном случае употребление *tāyəl* недопустимо (29).

(28) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

- а. *Ома няврам-е ěт ěxt-ыс.*
 мать ребенок-POSS.3SG COM прийти-PST[3SG]
 ‘Мама пришла с ребенком’.
- б. *ʔОма няврам-ыц tāgył ěxt-ыс.*
 мать ребенок-PROP полнота прийти-PST[3SG]
 ‘Мама пришла с ребенком’.

(29) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

- а. *Няврам ома-тэ ěт ěxt-ыс.*
 ребенок мать-POSS.3SG COM прийти-PST[3SG]
 ‘Ребенок пришел с мамой’.
- б. **Няврам ома-ŋ tāgył ěxt-ыс.*
 ребенок мать-PROP полнота прийти-PST[3SG]
 Ожидаемое значение: ‘Ребенок пришел с мамой’.

Если сравнивать примеры из категории «косвенный объект» с *tāyəl* и *jot* из [Сайнахова 1966], то также можно увидеть семантические различия между ними. Примеры с *jot* нейтральные (30)—(31), в то время как примеры с *tāyəl* (32) подразумевают полноту вовлечения участника в ситуацию, т. е. к комитативному значению добавляется и значение универсальной квантификации: в (32а) чашка была выброшена не отдельно, а вместе с рыбой, которая в этот момент находилась в чашке, и тем самым образовывала с ней в рамках данной ситуации единое целое («ситуационный комплект»); в (32б) корень является частью дерева, и дерево было вырвано целиком, вместе с корнем («ингерентный комплект»).

(30) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

- а. *solwal-əŋ xūl kartōpka jot tē-ŋkwe saka jomas.*
 соль-PROP рыба картошка COM есть-INF очень хороший
 ‘Очень хорошо соленую рыбу есть с картофелем’ [Сайнахова 1966: 124].
- б. *n’ār xūl solwal jot tē-we*
 сырой рыба соль COM есть-PASS[NPST.3SG]
 ‘Сырую рыбу едят с солью’ [там же].
- в. *sēməl n’ān’ jot akw istakan cakwit aj-al-as*
 черный хлеб COM один стакан молоко пить-ASP-PST[3SG]
 ‘Он выпил один стакан молока с черным хлебом’ [там же].

(31) СЫГВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

n'ōwəl' jot kartōpka ōs at-əŋ
 мясо СОМ картошка ADD вкус-PROП
 'Картофель вкусный и с мясом' [там же].

(32) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

- а. *āni xūl-əŋ tāyl xot=woek-as-awe-s*
 чашка рыба-PROП полнота от=бросить-ASP-PASS-PST[3SG]
 'Чашку выбросили с рыбой' [там же: 137].
- б. *tār-əŋ tāyl nōx=xart-s-an-e*
 корень-PROП полнота вверх=тянуть-PST-PL.O-3SG.S
 'Он вытащил их с корнем' [там же].

Этот контраст можно увидеть и в (33). Нейтральный перевод предложения 'съесть булку с изюмом' строится с помощью проприетива (букв. 'съесть ягодный хлеб'), см. (33а). В случае использования послелога *jot* интерпретация меняется и (33б) начинает напоминать примеры (30): один объект употребляется в пищу наряду с другим, отдельным объектом, поскольку здесь комитативная группа не является зависимым имени, в отличие от примера (33а). В (33в) комитативная группа также не образует единую составляющую с существительным 'хлеб'; в то же время *tāyəl* подчеркивает целостность рассматриваемого объекта: изюм является частью булки, при этом съедение булки могло произойти без вовлечения изюма в действие, однако агенс принимает решение не разрывать «комплект», в результате чего оба объекта оказываются съедены.

(33) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

- а. *Маша пйл-ыу нянь тэ-с.*
 Маша ягода-PROП хлеб есть-PST[3SG]
 'Маша съела булку с изюмом'⁷. (Булка, в которой есть изюм.)
- б. *Маша нянь пйл ёт тэ-с.*
 Маша хлеб ягода с есть-PST[3SG]
 'Маша съела булку с изюмом'. (Булка отдельно, изюм отдельно.)
- в. *Маша нянь пйл-ыу тдгыл тэ-с.*
 Маша хлеб ягода-PROП полнота есть-PST[3SG]
 'Маша съела булку вместе с изюмом'. (Маша не любит изюм, но не стала его доставать из булки.)

Такое ограничение на «комплектность» зафиксировано и в других языках. Так, в ительменском языке (< ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИЕ) существуют два комитативных показателя. Показатель *к/х-...-ŋ* («сопроводительный I») употребляется и в собственно КомК (34а), и в копредикативных КомК (34б); он используется для обозначения «двух целых, независимо друг от друга существующих предметов, представленных как часть и целое». Показатель *к/х-...-чом* («сопроводительный II») употребляется в КомК, в которых он обозначает «целое и часть в некотором предмете, существующем обычно как единый предмет» (34в) [Володин 1976: 152]:

(34) ИТЕЛЬМЕНСКИЙ

- а. *Кэмма к'-иплхе-л т-к'ол-кичен.*
 я СОМ1-друг-СОМ1 1SG-приходить-PST.1SG.S
 'Я пришел с другом'.
- б. *Ихлхе-лн схези-уеуи салауке к-ч'си-л.*
 мужчина-PL поехать-PST.3.S река.DAT СОМ1-ружье-СОМ1
 'Мужчины отправились за реку с ружьями'.
- в. *К'-иллал-чом улу т-тллу-кичен.*
 СОМ2-кора-СОМ2 дерево 1SG-приносить-PST.1SG.S
 '(Я) принес дерево с корой'.

Такие «комплектные», или «холистические», комитативные показатели есть и в уральских языках, например в венгерском [Fekete 2013], финском [Sirola-Belliard 2011], марийских [Хомченкова 2019; 2023], мордовских [Коляденков 1962: 159—160].

⁷ В примерах (33а—в) в последней строке представлены стимулы, предложенные носителям для перевода на мансийский язык. Сочетание *пйл-ыу нянь* буквально переводится как 'хлеб/пирог с ягодами', но в данном случае носители предпочли адаптировать предложение к мансийским реалиям.

Приведем еще одну иллюстрацию из обско-угорских языков. В венгерском существуют два комитативных показателя: комитативно-инструментальный *-val/-vel* и социативный *-stul/-stül*⁸. Последний обозначает, что «две сущности, которые обычно и ассоциативно принадлежат друг другу, не “просто вместе” в произвольной манере, как в случае комитатива, но скорее рассматриваются как единое целое, как если бы эти два объекта были мысленно склеены вместе» [Fekete 2013: 102]⁹. Так, И. Фекете отмечает, что в примерах (35а—б) дом и сад были проданы вместе, однако социативный аффикс в (35а) подчеркивает тот факт, что «дом и сад ингерентно принадлежат друг другу» [ibid.]:

(35) ВЕНГЕРСКИЙ¹⁰

а. *Kert-estül adta el a házat.*

сад-SOC продать.PST PV DEF дом

‘Он продал дом вместе с садом’.

б. *A kert-tel együtt adta el a házat*

DEF сад-COM вместе продать.PST PV DEF дом

‘Он продал дом вместе с садом’. (Возможно, что дом и сад находятся в разных местах.)

Одно из интересных употреблений венгерского показателя *-stul/-stül* представлено в контекстах вида (36): комитативно-инструментальный показатель оказывается менее приемлемым, в этом случае появляется интерпретация, в которой агент выполнял действие держа одежду отдельно (36б), в то время как социативный показатель *stul/-stül* обозначает то, что человек купался не снимая одежды (36а). Аналогичный контраст наблюдается и в мансийском (37).

(36) ВЕНГЕРСКИЙ

а. *Ruhá-stul fürdött.*

одежда-SOC 3SG.купаться.PST

‘он купался в одежде’ [Fekete 2013: 102].

б. *??A ruhá-já-val fürdött.*

DEF одежда-POSS.3SG-COM 3SG.купаться.PST

‘он купался с одеждой’ [ibid.].

(37) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

а. *Vāica vit-na cun-an-ə ěm porыг-м-ас.*

Вася вода-LAT одежда-PL-POSS.3SG COM прыгнуть-МОМ-PST[3SG]

‘Вася прыгнул в воду с одеждой’. (Вася отдельно, одежда отдельно.)

б. *Vāica vit-na cun-ың тāгыл порыг-м-ас.*

Вася вода-LAT одежда-PROP полнота прыгнуть-МОМ-PST[3SG]

‘Вася прыгнул в воду в одежде’.

Некоторые холистические комитативные показатели имеют также ограниченную синтаксическую дистрибуцию: например, в осетинском языке предлог *æd* в общем случае не употребляется с ИГ, имеющими зависимые, в отличие от базовых комитативных показателей *-имæ* (в иронском диалекте) / *хæццæ* (в дигорском диалекте), см. [Erschler 2019; Хомченкова 2022; Хомченкова, Беляев 2023]. Также *æd* не употребляется с местоимениями; ограничения на местоимения есть и у горномарийского холистического комитативного показателя *-ge* [Хомченкова 2019; 2023]. Мансийский *tāyəl* может модифицировать ИГ, имеющую зависимые (38) (отметим, что мы не нашли примеры такого типа в текстах). Однако он не сочетается с местоимениями (ср. **ам-ың тāгыл* ‘1SG-PROP полнота’, **тав-ың тāгыл* ‘3SG-PROP полнота’).

(38) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

а. *Māша яныг / та / хурум хўрг-ың тāгыл ěхт-ыс.*

Маша большой тот три сумка-PROP полнота прийти-PST[3SG]

‘Маша пришла с большой сумкой / с той сумкой / с тремя сумками’.

б. *Māша ам хўрг-ум тāгыл мин-ас.*

Маша 1SG сумка-POSS.1SG полнота прийти-PST[3SG]

‘Маша пришла с моей сумкой’.

⁸ Именно этим показателем переводится *tāyəl* в словаре [Munkácsi, Kálmán 1986].

⁹ «The sociative *-stUl* entails that two entities, which commonly and associatively belong together, are not “just together” in an ad-hoc manner as in the case of the comitative, but rather they are also considered as a unit, as if the two were mentally glued together» [Fekete 2013: 102].

¹⁰ Некоторые глоссы в этих примерах скорректированы нами.

Помимо употребления в «холистических» КомК, единица *tāyəl* может выражать время совершения какого-то действия (39)—(40), что также относится в [Сайнахова 1966: 136—137] к ее послеложным функциям. Заметим, что когда *tāyəl* присоединяется к прилагательному, проприетив не используется.

(39) СЫГВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

tī xum mān' tāyl ti-t ol-i.

этот мужчина маленький полнота этот-LOC быть-NPST[3SG]

‘Этот мужчина здесь живет с детства’ [там же: 137].

(40) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

am xosa-t tāyəl wōr-aj-ēy-um wōr-t jōm-iyt-ēy-um.

1SG длинный-LOC полнота лес-VBZ-NPST-1SG лес-LOC шагать-ASP-NPST-1SG

‘Я издавна охочусь, в лесу хожу’ [ВЛМК: PSP_SP_060218_hunting].

В примерах выше *tāyəl* маркирует начальную точку во времени (‘since’). Эту конструкцию можно рассматривать как обстоятельственную (сирконстантную). Также *tāyəl* может обозначать временной промежуток (‘while’), см. (41)—(44), напоминая конструкции с депиктивной вторичной предикацией. Такое употребление кажется логичным, поскольку копредикативные КомК, в которых употребляется *tāyəl*, и являются депиктивными (см. [Schultze-Berndt, Himmelmann 2004: 110]), в частности «ситуация, выражаемая копредикатом, имеет место во временной рамке ситуации, выраженной главным предикатом» [Архипов 2009: 208]. Однако типичные комитативные копредикаты обозначают (временное) обладание, ср. рус. *Иван ушел с сумкой* (= ‘Иван ушел, в это время у него была сумка’). В отличие от них, *tāyəl* имеет более общую семантику (временного) состояния (‘выпить яйцо сырым’ = ‘выпить яйцо, когда/пока оно сырое’)¹¹.

(41) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

sōrər tuji nar-tāyəl juu=aj-al-anuw-ən.

глухарь яйцо сырой-полнота домой=пить-ASP-COND-2SG

‘Глухариное яйцо сырым выпил бы (= пока оно сырое)’ [АВНЧ, дело 54, текст 1].

(42) *Лилы-нг* тагыл пув-нэ уйрис-ум март этнос пора-т 25 хотал-т

дыхание-PROP полнота ловить-PTCP.NPST птица-PL март месяц время-LOC день-LOC

кона липась тарат-аве-с-ым.

наружу свобода отпустить-PASS-PST-3PL

‘Птицы, пойманные живыми, отпускались на свободу 25 марта’ [Ульянова 1938: 27].

(43) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

taw xol-as mān' tāyəl.

3SG умереть-PST[3SG] маленький полнота

‘Она умерла молодой’.

(44) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

akv mat sali kelp-ij tafyl hajti.

один момент олень кровь-PROP полнота бежать-NPST[3SG]

‘В один момент олень окровавленный бежит’ [АВН, дело 40, текст 11].

Согласно [Sipőcz 2017], в мансийском в депиктивных конструкциях в первую очередь используется транслатив (45); использование единицы *tāyəl* не обсуждается. Опрос носителей показал, что в этих конструкциях *tāyəl* употребляется ограничено, см. неграмматичность *tāyəl* в (46).

(45) *am taw-e stud'entka-y wa-s-l-um.*

1SG 3SG-POSS.3SG студентка-TRANS видеть-PST-SG.O-1SG.S¹²

‘Я встретила ее студенткой’ [ibid.: 388].

¹¹ Подчеркнем, что холистические конструкции с *tāyəl* отличаются от обычных копредикативных (депиктивных). Действительно, есть ряд случаев, где различие между депиктивами и холистическими конструкциями может стираться (например, глаголы движения с одушевленным агенсом и неодушевленным предметом типа ‘Они приехали (вместе) с вещами’ в (25), когда участники образуют «ситуационный комплект» — ‘они приехали, у них были вещи’). Однако в случае «ингерентного комплекта», когда два объекта находятся в отношении часть — целое (например, ‘вырвать дерево с корнем’), комитативная группа однозначно семантически относится к главному предикату, а не к ИГ. В [Архипов 2009: 209] такие примеры классифицируются как конструкции с обстоятельством образа действия.

¹² Некоторые глоссы в этом примере скорректированы нами.

(46) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

vaεa kos at=aj-i, ti-xōtal aj-um-iy / aj-um tāyəl joxt-εs.
 Вася CONC NEG=пить-NPST[3SG] этот-день пить-PTCP.RES-TRANS пить-PTCP.RES полнота прийти-PST[3SG]
 ‘Вася не пьет, но сегодня пришел пьяный’.

Выражение временных отношений с помощью холистических комитативных показателей зафиксировано, например, в марийских языках, ср. употребление *-nek* в типичных контекстах (47), а также во временных контекстах (48). В [Saarinen 2017: 277—278] отмечается, что такие конструкции в основном лексикализованы.

(47) СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ МАРИЙСКИЙ

a. *šoʒā-m kejž-län nöröp-äš i-m opt-at lā°m-n'ek.*
 весна-ACC лето-DAT погреб-ILL лед-ACC класть-NPST.3PL снег-COM
 ‘Весной на лето в погреб кладут лед вместе со снегом’.
 б. *kugi mardež kož-ām važ-n'ek lā°kt-ā°n šu-en.*
 большой ветер ель-ACC корень-COM извлекать-CVB бросать-PRET
 ‘Буря опрокинула ель вместе с корнем’ [Иванов, Тужаров 1970: 111—112].

(48) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

a. *тетя-м изи-нек тымды-∅.*
 ребенок-ACC маленький-COM учить-IMP.2SG
 ‘Ребенка с детства обучай’ [Саваткова 2008: 56].
 б. *изи тыл-ым изи-нек йөр-т-ымблӓ.*
 маленький огонь-ACC маленький-COM гаснуть-CAUS-DEB
 ‘Огонь надо гасить, пока он маленький’ [там же: 284].

В хантыйском языке также есть единица *telna* с дистрибуцией, похожей на мансийский *tāyəl*, см. (49). При этом интересно, что в хантыйском значение ‘полный’ выражается с помощью отдельной однокоренной единицы, в отличие от мансийского, см., например, данные из словаря казымского хантыйского (50).

(49) ОБДОРСКИЙ ХАНТЫЙСКИЙ

a. *āj telna mosəj o-s*
 маленький с больной быть-PST.3SG
 ‘с малых лет болел’
 б. *рəʃkan-i telna man-εs*
 ружье-PROP с уходить-PST.3SG
 ‘с ружьем ушел’ [Николаева 1995: 157].

(50) а. *тєл* 1. ‘сосуд’, ‘посуда’; 2. ‘одежда’
 б. *тєл* прил. ‘полный’
 в. *тєлӓйэва* ‘полный’
 г. *тєлау* прил. ‘полный’
 д. *тєлэн* послелог ‘с’ [Соловар 2014: 317].

Таким образом, единица *tāyəl* употребляется в копредикативных КомК и в КомК с прямым объектом. На основании типичных для нее контекстов ее можно отнести к категории «холистических» комитативных показателей, которые подчеркивают «целостность» или «комплектность» референтов центральной и комитативной ИГ. Однако отметим, что «комплектность» в мансийских примерах с *tāyəl* лучше всего видна в конструкциях с прямым объектом, в то время как в копредикативных конструкциях семантика «холистичности» наличествует не всегда, ср.:

(51) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

Няврам-ыт та-кем ёвт-ыу, нял-ыу тӓгыл хӓйт-ыгт-эг-ыт.
 ребенок-PL тот-APPR лук-PROP стрела-PROP полнота бегать-FREQ-NPST-3PL
 ‘Дети с луками, со стрелами так и бегают’ [Кумаева 2015: 61].

(52) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

Ам ос таух-эгү-м ёвт-ыу нял-ыу тӓгыл хӓйт-ыгт-ауқв, ёнг-ууқв.
 1PL ADD хотеть-NPST-1SG лук-PROP стрела-PROP полнота бегать-FREQ-INF играть-INF
 ‘Я тоже хочу с луком и стрелами бегать, играть’ [там же].

5. Единица *lūt*

Как мы упоминали во введении, единица *lūt* имеет значение ‘все прочее’ [Баландин, Вахрушева 1958: 48]. Таким образом, она является «общим распространителем» (англ. *general extenders*), ср. [Overstreet 1999; Overstreet, Yule 2021]. Также это значение соответствует понятию симилятивной множественности по [Даниэль 2000: 92] (‘и ему подобные’). Разница между этими терминами состоит в том, что «общими распространителями» обычно называются аналитические конструкции с соответствующей функцией (ср. рус. *и всякое такое*, англ. *and all* и пр.), а показателями симилятивной множественности — синтетические показатели, см. [Mauri, Sansò 2020: 4].

Единица *lūt* употребляется в конструкции *X lūt* как в единственном (53), так и во множественном числе (54). Форма двойственного числа *lūtiy* не зафиксирована.

(53) *Тав мән-ав-н тэнут лўт пāйт-ы тытт-авē-в ай-т-авē-в.*
3SG 1PL-OBL-LAT еда все_прочее варить-NPST[3SG] есть.CAUS-PASS[NPST]-1PL пить-TR-PASS[NPST]-1PL
‘Он(а) нам готовит еду и прочее, нас кормит, поит’ [Луимā Сэрипос, 2013, № 20 (1062)].

(54) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
Сунс-ы: акваг нэвли-т, лўт-ыт сēнит-аве-с-ыт.
смотреть-NPST[3SG] всегда мясо-PL все_прочее-PL приготовить-PASS-PST-3PL
‘Смотрит: собрали (ненцы) все мясо, остальную пищу’ [Кумаева 2015: 82].

Лексема *lūt* может присоединять посессивные показатели (которые в данном случае обязательны и на первом существительном). В (55) представлен пример с единственным числом, а в (56)—(57) — со множественным. При этом в (56) мы видим длинное перечисление объектов, некоторые существительные имеют определения, в (57) же *lūt* записывается через дефис, напоминая тем самым сложное слово.

(55) *Кэр-е лўт-э нуссын ам-ти щēнит-ас-ан-ум, тйвт-с-ан-ум.*
железо-POSS.3SG все_прочее-POSS.3SG весь 1SG-EMPH приготовить-PST-PL.O-1SG.S наточить-PST-PL.O-1SG.S
‘Железные вещи и прочее я все сам приготовил, наточил’ [Луимā Сэрипос, 2019, № 14 (1200)].

(56) *Пётр Ефимович хол-ам-е юи-пāл-т 1981 тāл-т тав ам-ум*
Петр Ефимович умереть-PTCP.RES-POSS.3SG задний-часть-LOC год-LOC 3SG собрать-PTCP.RES
мāньци эрг-ан-э, ханс-ан-э, пēs йис потр-ан-э, мōйт-ан-э,
манси песня-PL-POSS.3SG орнамент-PL-POSS.3SG старый век рассказ-PL-POSS.3SG сказка-PL-POSS.3SG
āмц-ан-э, эрг-ум хури-ян-э, лўт-ан-э
загадка-PL-POSS.3PL строгать-PTCP.RES картина-PL-POSS.3SG все_прочее-PL-POSS.3SG
Хāльūs краеведческий музей-н май-вē-с-ыт.
Березово краеведческий музей-LAT дать-PASS-PST-3PL
‘Петр Ефимович умер в 1981 году, и им собранные мансийские песни, (орнаменты), рассказы старых времен, сказки, загадки, выстроганные картины и прочее передали в краеведческий музей в Березово’ [там же, 2020, № 16 (1226)].

(57) *Ань кāsың хōтна библиотека-н ёхт-ал-анэ-тэ пора-т,*
теперь каждый человек библиотека-LAT прийти-ASP-PTCP.NPST-POSS.3SG время-LOC
Валерий Константинович нам-на колнак-н щалт-с-уукве вёрм-и, тот моц
Валерий Константинович имя-PROP комната-LAT войти-ASP-INF мочь-NPST[3SG] там немного
ўнл-ахōл-уукве, нэпак-ан-э ловиньт-аукве,
сидеть-ATT-INF книга-PL-POSS.3SG читать-INF
пормас-ан-э-лўт-ан-э сунс-ыгл-аукве верм-и.
вещи-PL-POSS.3SG-все_прочее-PL-POSS.3SG смотреть-ASP-INF мочь-NPST[3SG]
‘Теперь, когда каждый человек приходит в библиотеку, можно зайти в комнату имени Валерия Константиновича, там немного отдохнуть, книги почитать, посмотреть на вещи и все остальное’ [там же, 2020, № 6 (1216)].

Все словоформы с посессивными показателями лексемы *lūt* в единственном и во множественном числе представлены в таблицах 4 и 5. Полужирным выделены те формы, которые встретились в текстах.

Согласно корпусным данным, единственный падежный показатель, используемый с лексемой *lūt*, — инструменталис, который обычно повторяется и на других существительных (58). (Его употребление в (58) объясняется тем, что тема в дитранзитивной пассивной конструкции маркируется инструменталисом, см. раздел 2.)

Таблица 4. *lūt* в единственном числе с посессивными показателями

	SG	DU	PL
1	<i>lūt-um</i>	<i>lūt-mēn</i>	<i>lūt-uw</i>
2	<i>lūt-ən</i>	<i>lūt-ēn</i>	<i>lūt-ēn</i>
3	<i>lūt-e</i>	<i>lūt-ēn</i>	<i>lūt-anəl</i>

 Таблица 5. *lūt* во множественном числе с посессивными показателями

	SG	DU	PL
1	<i>lūt-an-um</i>	<i>lūt-an-mēn</i>	<i>lūt-an-uw</i>
2	<i>lūt-an-ən</i>	<i>lūt-an-ēn</i>	<i>lūt-an-ēn</i>
3	<i>lūt-an-e</i>	<i>lūt-an-ēn</i> ¹³	<i>lūt-anəl</i> ¹⁴

(58) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

Тэнут-ыл, лүт-ыл тах ми-ве-мэн.

еда-INS все_прочее-INS FUT дать-PASS[NPST]-1DU

(Я шкуру (этой россомахи) к младшему купцу отнесу.) ‘Еду и прочее нам даст (купец за нее)’ [Кумаева 2015: 62].

Также встретилась форма инструменталиса с посессивным показателем 3-го лица единственного числа (*lūt-ē-təl*¹⁵ ‘все_прочее-POSS.3SG-INS’). Прочие сочетания числовых, посессивных и падежных показателей не зафиксированы.

Примеры со словоформой *lūtētəl* делятся на три типа. Во-первых, употребление инструменталиса может вызываться внешним контекстом. Так, в (59) он маркирует тему в пассивной конструкции, как и в (58). Инструменталис может выступать в качестве групповой флексии (59а) или маркировать каждое существительное (59б). В первом случае (с «общим» инструменталисом) без слова *lūtētəl* предложение оказалось бы неграмматичным.

(59) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

а. *Ёрнкол-э, лүт-э-тыл май-ве-с ёт.*

чум-POSS.3SG все_прочее-POSS.3SG-INS дать-PASS-PST[3SG] с

‘(Девушке родственники) дали с собой чум, имущество’ [Кумаева 2015: 48].

б. *Ёрнкол-э-тыл, лүт-э-тыл май-ве-с ёт.*

чум-POSS.3SG-INS все_прочее-POSS.3SG-INS дать-PASS-PST[3SG] с

‘(Девушке родственники) дали с собой чум, имущество’.

Во-вторых, инструменталис может иметь комитативную функцию. Первое существительное в данной конструкции не может присоединить этот показатель, а само слово *lūtētəl* можно опустить без изменения грамматичности примера, см. некоторые иллюстрации:

(60) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

Туп-е лут-э-тыл пин-ыс-т-э и хул-ис-т-э.

весло-POSS.3SG все_прочее-POSS.3SG-INS положить-PST-SG.O-3SG.S и оставить-PST-SG.O-3SG.S

‘Положил весло и все прочее (на полку) и оставил там’ [Баландин, Вахрушева 1958: 48].

(61) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

Кол-э лүт-э-тыл нāй-н тāй-ве-с.

дом-POSS.3SG все_прочее-POSS.3SG-INS огонь-LAT съесть-PASS-PST[3SG]

‘Дом и все, что было там, все сгорело’ [Ромбандеева 2017: 156].

¹³ Форма *lūtānēn* многозначна; показатель *-ēn* в этом случае может маркировать посессора 2-го и 3-го лица двойственного числа, а также 2-го лица множественного числа. Эта форма встретилась в текстах один раз; вывод о том, что в данном случае это показатель 3-го лица двойственного числа, можно сделать по глагольному согласованию, см. (79).

¹⁴ Показатель *-anəl* маркирует посессора 3-го лица множественного числа. Как мы отмечали в разделе 2, при присоединении показателя множественного числа *-an* происходит слияние *-an-anəl* → *-anəl*; в результате словоформа *lūtānəl* оказывается многозначной. Мы определяем, какая перед нами форма, основываясь на том, какая форма (единственного или множественного числа) употреблялась бы в соответствующем контексте без посессивных показателей, которая в этом случае однозначно определяется.

¹⁵ В некоторых диалектах — *lūt-ē-t*.

(62) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

Сыплув-е супи та с̄агр-ап-аве-с, х̄урыг к̄ыыр-н ма̄гумтавец
 шея-POSS.3SG пополам PTCL рубить-PFV-PASS-PST[3SG] мешок внутренность-LAT дать-ASP-PASS-PST[3SG]
пунк-е, л̄үт-э-тыл, юв та тот-ве-с.
 голова-POSS.3SG все_прочее-POSS.3SG-INS домой PTCL нести-PASS-PST[3SG]
 ‘Шею разрубили, в мешок голову, все тело затолкали, домой его конь увез’ [Кумаева 2012: 34].

Наконец, в-третьих, инструменталис также имеет комитативное значение, однако опустить *lütētäl* нельзя, см. (63)—(65). Основное различие между вторым и третьим типами примеров с *lütētäl* заключается в том, что во втором типе конструкция образуется формой *lütētäl* и непосредственно предшествующей ИГ: «[X-POSS *lütētäl*]» ‘X и прочее’. В третьем типе центральная ИГ обособлена: выражена местоимением (63) / нулем (64) / полной ИГ (65) и отделена от цепочки ИГ, несущей посессивный показатель и заканчивающейся на *lütētäl*: «X ... [Y-POSS Z-POSS *lütētäl*]» ‘X ... вместе с Y, Z и прочим’.

(63) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

Т̄ан тах э̄лмх̄ола-э, лув-е, л̄үт-э-тыл
 3PL FUT человек-POSS.3SG лошадь-POSS.3SG все_прочее-POSS.3SG-INS
вит аюукв пат-эг-ыт тах.
 вода пить-INF начать-NPST-3PL FUT
 ‘Тогда они с людьми, лошадьми и прочим будут пить воду’ [Кумаева 2015: 18].

(64) *Ань ма̄нь х̄āп-е н̄āг ты харт-ыс-т-э,*

теперь маленький лодка-POSS.3SG от_воды PTCL тащить-PST-SG.O-3SG.S
х̄āп-е л̄үт-э-т та т̄үйт-хат-ас.
 лодка-POSS.3SG все_прочее-POSS.3SG-INS PTCL спрятать-REFL-PST[3SG]
 ‘Свою маленькую лодку с берега оттащил, вместе с лодкой спрятался’ [Ромбандеева 2017: 88].

(65) ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

taw laj sāli-t pussən taw taj-ap-as-an-e ēlmx̄ōlas-e lüt-e-täl
 3SG DISC олень-PL весь 3SG съесть-PFV-PST-PL.O-3SG.S человек-POSS.3SG все_прочее-POSS.3SG-INS
 ‘Он, говорит, оленей всех съел, **вместе с** людьми’ [ВЛМК: ASN_SP_060218_menkvy].

Примеры таких конструкций обнаруживаются и в словаре [Munkácsi, Kálmán 1986] s. v. *lutätel* ‘со всем, со всеми вещами’¹⁶ (66)—(67). При этом, по сравнению с предыдущими примерами, в (66) первое существительное маркируется инструменталисом. Также во всех приведенных примерах лексема *lüt* располагалась в конце перечисления, в отличие от (67). (Такую позицию *lüt* можно объяснить, рассматривая его как обобщающее слово: ‘с людьми и всем прочим: с козами, коровами, лошадьми’.)

(66) *māt-ä-tël-lut-ä-tël*

земля-POSS.3SG-INS-все_прочее-POSS.3SG-INS
 ‘с землей и всем, что с ней связано’ [ibid.].

(67) *ti ūs mir-ä-lut-ä-tel ās-ä-tel*

этот город народ-POSS.3SG-все_прочее-POSS.3SG-INS коза-POSS.3SG-INS
mis-ä-tel luw-ä-tel akw-mūs am-ki mā-m-ne tot-an!
 корова-POSS.3SG-INS лошадь-POSS.3SG-INS один-до 1SG-EMPH земля-POSS.1SG-LAT нести-IMP.2PL
 ‘Этот город с его людьми, с козами, коровами и лошадьми везите на мою родину!’ [ibid.].

Учитывая примеры второго и третьего типов, а также употребление инструменталиса в (67), возникает вопрос о его функциях. Опрос носителей показал, что в верхнелозьвинском диалекте в примерах типа (68) невозможно употребление инструменталиса без единицы *lüt*; таким образом, комитативное значение привносит их сочетание. Вместе с тем в сосьвинском мансийском такое употребление было оценено как грамматичное (но только с посессивным показателем 3-го лица единственного числа).

(68) а. ВЕРХНЕЛОЗЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

*taw sāli-t pussən taj-ap-as-an-e ēlmx̄ōlas-e-täl / ēlmx̄ōlas-t-äl.
 3SG олень-PL весь съесть-PFV-PST-PL.O-3SG.S человек-POSS.3SG-INS человек-PL-INS
 Ожидаемое значение: ‘Он всех оленей съел вместе с людьми’.

¹⁶ ‘Mit allem, was drum und dran hängt, mit Sack und Pack’.

б. СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

taw laj sāli-t pussən taw taj-ap-as-an-e ēl̄mxōlas-e-təl / *ēl̄mxōlas(-t)-əl.
 3SG DISC олень-PL весь 3SG съесть-PFV-PST-PL.O-3SG.S человек-POSS.3SG-INS человек-PL-INS
 ‘Он, говорит, оленей всех съел, **вместе с людьми**’.

Можно предположить, что ранее инструменталис употреблялся в более широком наборе комитативных контекстов. В частности, в [Чернецов 1937] приводятся примеры с инструменталисом и глагольным согласованием по единственному числу (69). Аналогичный пример находится и в корпусе [OUDB] (70). Дополнительным аргументом в пользу того, что дистрибуция инструменталиса изменилась с течением времени, может служить пример (71) с сочинительной конструкцией и двумя инструментальными ИГ из того же корпуса — согласно [Хомченкова, Жорник 2021: 140], этот пример оценивается носителями как неграмматичный.

(69) а. *as-e-təl min-i*
 отец-POSS.3SG-INS пойти-NPST[3SG]
 ‘с отцом идет’

б. *tau kutuv-e-təl al-isl-i*
 3SG собака-POSS.3SG-INS добыть-ASP-NPST[3SG]
 ‘он со своей собакой промышляет’ [Чернецов 1937: 176].

(70) *juw jox̄t-əs a:yi-jan-e:-təl piy-an-e:-təl o:l-i.*
 домой прийти-PST[3SG] дочь-POSS.PL-POSS.3SG-INS сын-POSS.PL-POSS.3SG-INS жить-NPST[3SG]
 ‘Он пришел домой, живет со своими сыновьями и дочерьми’ [OUDB: Northern Mansi, 745: 85].

(71) *e:k^wa piyris^j a:k^w-en-təl e:k^wa-te-təl¹⁷ take:m ta jomas^j-ak^we*
 Эква_Пыйрищ тетя-POSS.3DU-INS женщина-POSS.3SG-INS так тот хороший-DIM
o:l-un̄k^we us^j ta pat-s-ət.
 быть-INF сейчас PTCL начать-PST-3PL
 ‘Потом Эква Пыйрищ со своей тетей и женой так хорошо жить стали’ [ibid., 1238: 120].

Также в словарях зафиксирована форма *lūtəŋ* ‘со всем прочим’ [Баландин, Вахрушева 1958: 48], т. е. ‘все_прочее-PROP’. Соответствующие примеры в источниках в основном включают и лексему *tāyəl*, которая и обуславливает появление проприетива:

(72) *tār-ij lūt-ij tāyəl.*
 корень-PROP все_прочее-PROP полнота
 ‘Со всеми корнями’ [Munkácsi, Kálmán 1986].

(73) *Тыг мән 2014 тәл-т нормас-ың-лūt-ың тәгыл вәнты-с-ув.*
 сюда 1PL год-LOC вещь-PROP-все_прочее-PROP полнота переехать-PST-1PL
 ‘Сюда мы в 2014 году с вещами и всем прочим переехали’ [Луимә Сэрипос, 2021, № 2 (1236)].

Однако в нескольких случаях встретилось употребление *lūtəŋ* и без *tāyəl* (74)–(75). По-видимому, здесь перед нами приименные зависимые, что и объясняет проприетивную форму:

(74) *Пәвлу-в тәра вөр ләүх хосыт нормас-ың-лūt-ың мәсына мин-ас.*
 деревня-POSS.1PL мимо лес дорога вдоль вещь-PROP-все_прочее-PROP машина пойти-PST[3SG]
 ‘Мимо нашего селения по лесной дороге машина с грузом проехала’ [ОСМЯ].

(75) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
Анас-ың, лūt-ың яг-әги тыг-ле та вәнты-апт-уве-с.
 обоз-PROP все_прочее-PROP старший-девушка сюда-DIR PTCL переехать-CAUS-PASS-PST[3SG]
 ‘Со всем обозом (оленым), имуществом сестру перевезли’ [Кумаева 2015: 46].

В большинстве случаев *lūt* употребляется с неодушевленными ИГ. В текстах обнаружен единственный пример с одушевленным существительным *n’āwrat* ‘ребенок’ вместе с лексемой *tāyəl*:

¹⁷ Как отмечается в [Хомченкова, Жорник 2021: 140], наличие посессивного показателя 3-го лица единственного числа кажется некорректным, поскольку в данном контексте ожидается посессивный показатель 3-го лица двойственного числа, как и у предыдущего слова, маркированного инструменталисом. Это может быть ошибкой записи, поскольку внешнее различие между этими показателями незначительное, ср. *e:k^wa-te-təl* ‘женщина-POSS.3SG-INS’ и *e:k^wa-ten-təl* ‘женщина-POSS.3DU-INS’.

(76) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ

Няврам-ың-лүт-ың тәгыл, ань ты ләвылт-ам кол-ув-т,
 ребенок-PROP-все_прочее-PROP полнота теперь этот говорить-PST дом-POSS.1PL-LOC
тот ты тәнт ол-ум.
 там этот тогда жить-PST
 ‘С детьми и со всеми в тот период в вышеупомянутом доме он и жил’ [Иванова 2004: 86—89].

Помимо употребления *lüt* с инструменталисом и с лексемой *tāyəl* (в проприетивной форме), в текстах встретилось и его сочетание с послелогом *jot*:

(77) *Ном-и-л-ум, яныг пәрса ёхт-ыс, мән пормас-ан-ув лүт-ан-ув*
 помнить-NPST-SG.O-1SG.S большой баржа прийти-PST[3SG] 1PL вещь-PL-POSS.1PL все_прочее-PL-POSS.1PL
ёт тув тәлт-т-увә-с-ув, Ягрим-н та тот-ве-с-үв.
 COM туда погрузиться-TR-PASS-PST-1PL Игрим-LAT PTCL нести-PASS-PST-1PL
 ‘Помню, большая баржа пришла, мы с нашими вещами и всем остальным туда были погружены, в Игрим нас отвезли’ [Лүимә Сәрипос, 2021, № 2 (1236)].

(78) *Мәхм-ан-ув сәлы-яныл лүт-аныл ёт мөт мән та вәнтл-ыс-ыт.*
 народ-PL-POSS.1PL олень-PL-POSS.3PL все_прочее-PL-POSS.3PL COM другой земля-LAT PTCL переезжать-PST-3PL
 ‘Наши люди с оленями и всем остальным на другое место кочевали’ [там же, 2018, № 23 (1185)].

(79) *Станок-ан-эн лүт-ан-эн ёт ёхт-ал-ас-ыг, тыт моц мәцтыр-л-ас-ыг.*
 станок-PL-POSS.3DU все_прочее-PL-POSS.3DU COM прийти-ASP-PST-3DU здесь немного мастер-VBZ-PST-3DU
 ‘Приходили со станками и всем остальным, тут немного мастерали’ [там же, 2018, № 2 (1164)].

Обсудим функции показателей симулятивной множественности. Согласно [Overstreet 1999: 79, 85], «общие распространители» могут использоваться в качестве интенсификаторов. Например, в (80) утверждается, что (гербицид) уничтожает различные элементы сорняков, даже корни, т. е. употребление сочетания *and all* показывает, что корни занимают крайнюю точку на шкале наших ожиданий относительно того, какие части сорняков легче/сложнее извести:

(80) *Kills even tough weeds roots and all* [idid.: 85].
 ‘Убивает даже сильные сорняки вместе с корнями’.

Интересно, что в [Fekete 2013: 99] при обсуждении семантики венгерского холистического комитативного показателя *-stul / -stül* приводятся параллели именно с этим английским выражением: «*stUl*-конструкция семантически напоминает английскую идиоматическую конструкцию *and all*, например в предложении *He ate the whole fish, bones and all* ‘Он съел всю рыбу вместе с костями’»¹⁸, ср. также (81).

(81) ВЕНГЕРСКИЙ

Sikerül-t ki-ven-n-em a kullancs-ot fej-estül.
 удаваться-PST[3SG] PV-брат-INF-POSS.1SG DEF клещ-ACC голова-SOC
 ‘I managed to remove the tick, head **and all**’ [ibid.: 98].
 ‘Мне удалось удалить клеща вместе с головой’.

Употребление показателя симулятивной множественности в похожих контекстах обсуждается, например, в [Saló 2016: 206] на материале эрзянского языка, см. (82). Она рассматривает конструкции с единицей *mež-ńek* ‘что-СОМ’ как один из типов сложных слов, называемых ornamental co-compounds в терминологии [Wälchli 2005], в которых вторая часть сложного слова ничего не привносит семантически к значению целого (М. Сало отмечает, что *mež-ńek* повторяет значение первого существительного либо «возможно, слегка его расширяет»¹⁹ [Saló 2016: 206]). Аналогичные конструкции представлены также, например, в чувашском языке (83).

(82) ЭРЗЯНСКИЙ

Šemija-m tu-ś pakša-v soka-ńek — mež-ńek.
 семья-POSS.1SG идти-PST.3SG поле-LAT плуг-СОМ что-СОМ
 ‘Моя семья пошла в поле с плугами и прочим’.

¹⁸ «The *-stUl* construction semantically resembles the English idiomatic construction *and all*, as in the sentence *He ate the whole fish, bones and all*» [Fekete 2013: 99].

¹⁹ «Possibly broadens it a little» [Saló 2016: 206].

(83) ЧУВАШСКИЙ

- а. *Арча-сен-е мён-сен-е кил-е пӑрах-са хӑвар-т-ӓм.*
сундук-PL-OBJ что-PL-OBJ дом-OBJ оставлять-CVB оставлять-PST-1SG
'Сундуки и тому подобное я оставил дома' [Ашмарин 1898: 204].
- б. *Чие-не сапак-и-мён-ӓ-н=ех тат-нӓ.*
вишня-OBJ черешок-POSS.3-что-POSS.3-INS=EMPH срывать-PTCP.PST
'Вишня собрана вместе с черешками' [Скворцов 1985: 340].

В хантыйском языке также есть единица с похожим употреблением и похожей структурой, см. иллюстрации:

(84) КАЗЫМСКИЙ ХАНТЫЙСКИЙ

- хә:n jir βer-l-ət, βuli sox talantelən*
если жертвоприношение делать-PRS-3PL олень шкура полностью
βefsox-əl muj-əl-ən xor-l-a s'it pata
шкура_щеки-POSS.3SG что-POSS.3SG-LOC снимать-PRS-PASS[3SG] этот из-за
'Когда они делают кровавое жертвоприношение, они снимают с оленя шкуру полностью, вместе с кожей щек и проч., потому что...' [OUDB: Kazym Khanty, 878: 18].

- (85) *n'oxsəŋ ta:s'-əl muj-əl-əm, βə:jəŋ ta:s'-əl muj-əl-ən*
соболь вещи-POSS.3SG что-POSS.3SG-LOC олень вещи-POSS.3SG что-POSS.3SG-LOC
me:n'n'e ləlt-əm ə:xəl-ən joxi man-ti pit-əs
невеста загрузить-PTCP.PST сани-LOC домой пойти-INF начать-PST[3SG]
'Он отправился домой, взяв с собой соболей и подобных, оленей и подобных, сани, на которые он посадил невесту' [ibid., 886: 59].

- (86) *Ма хинт-ам му=ем=н юхи си луң-с-ум.*
1SG хинт-POSS.1SG что-POSS.1SG-LOC домой FOC входить-PST-1SG
'Я с хинтом в дом вошла' [Кошкарева 1996: 55].

Таким образом, единица *lūt* является «общим распространителем». Помимо собственно контекстов симилиативной множественности, она встречается в КомК с прямым объектом вместе с инструменталисом, а также в КомК с *tāyəl* в проприетивной форме. Интересно, что употребление показателей симилиативной множественности в «холистических» комитативных контекстах встречается и в других языках.

6. Заключение

Мы описали свойства лексем *tāyəl* 'полнота' и *lūt* 'все прочее', которые употребляются в том числе в КомК, сравнив их с базовым комитативным послелогом *jot* и показателем инструментального падежа.

Лексема *tāyəl* употребляется в копредикативных КомК, при этом существительное маркируется проприетивом. Также *tāyəl* употребляется в депиктивных конструкциях с прилагательными. В отличие от послелога *jot*, *tāyəl* накладывает ограничения на референта комитативной ИГ: он интерпретируется как «часть» первого объекта, вместе с которым они образуют единое целое. В связи с этим он типичен в контекстах типа *выбросить шкаф вместе с одеждой*, которые подразумевают универсальную квантификацию: «выбросить шкаф целиком». Таким образом, *tāyəl* можно считать холистическим комитативным показателем.

Лексема *lūt* является «общим распространителем» / показателем симилиативной множественности. Она была зафиксирована в форме единственного и множественного числа в конструкциях вида X(-PL)-*lūt*(-PL). В этих конструкциях допустимы посессивные показатели и показатель инструменталиса. При этом в сочетании с инструменталисом она употребляется в КомК. Также она встречается в проприетивной форме вместе с лексемой *tāyəl*. Мы считаем, что в этом случае она имеет интенсификационное значение, отмечаемое, в частности, в [Overstreet 1999].

Мы также показали, что в хантыйском языке существуют единицы с похожей на первый взгляд дистрибуцией — *телэн* [Соловар 2014: 317] и *муйн* [Кошкарева 1996: 55]. Учитывая, что хантыйский — ближайший родственник мансийского, в дальнейшем необходимо их исследовать и сравнить с мансийскими данными.

Сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	LAT — латив
ABL — аблатив	LOC — локатив
ACC — аккузатив	MIR — миратив
ADD — аддитив	MOM — моментатив
ADV — адвербиализатор	NEG — отрицание
APPR — приблизительность	NPST — непрошедшее время
ASP — аспектуальный показатель	O — объектное спряжение
ATT — аттенуатив	OBJ — объектный падеж
ATTR — атрибутивизатор	PASS — пассив
CAUS — каузатив	PFV — перфектив
CMPR — компаратив	PL — множественное число
COM — комитатив	POSS — посессивность
COND — условное наклонение	PRET — претерит
CVB — деепричастие	PRON — прохибитив
DAT — датив	PROP — проприетив
DEB — дебитив (показатель с семантикой долженствования)	PRS — настоящее время
DEF — определенность	PST — прошедшее время
DIM — диминутив	PTCL — частица
DIR — директив	PTCP — причастие
DISC — дискурсивный маркер	PV — преверб
DU — двойственное число	REFL — рефлексив
FREQ — фреквентатив	RES — результатив
FUT — будущее время	S — субъектное спряжение
ILL — иллатив	SG — единственное число
IMP — императив	SOC — социатив
INF — инфинитив	TR — транзитиватив
INS — инструменталис	TRANS — транслатив
	VBZ — вербализатор

Источники

- АВНЧ — Архив В. Н. Чернецова, Музей археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского.
- Баландин, Вахрушева 1958 — *А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева*. Мансийско-русский словарь. Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1958.
- Бахтиярова, Динисламова 2016 — *Т. П. Бахтиярова, С. С. Динисламова*. Мансийско-русский словарь (верхнелозьвинский диалект). Ханты-Мансийск: Формат, 2016.
- ВЛМК — Корпус верхнелозьвинского мансийского диалекта (53 332 сл.), собранный в ходе экспедиций Д. О. Жорник, С. В. Покровской и В. С. Харитоновой к носителям верхнелозьвинского диалекта в дд. Ушма и Тресколье Ивдельского района Свердловской области в 2017—2019 гг.
- Динисламова 2007 — *С. С. Динисламова*. Лавим лёнханув (Наши судьбы) (букв. «предсказанные нам пути»): Сборник публицистических очерков на мансийском языке. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007.
- Иванова 2004 — *В. С. Иванова*. Тăгт мăхум мйтыт-потрыт. Томск: Изд-во Томского университета, 2004.
- Кумаева 2012 — Сказки, предания и былички верхнесосьвинских манси / Авт.-сост. *М. В. Кумаева*. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012.
- Кумаева 2015 — Сказки, песни, загадки народа манси: фольклорный сборник / Сост. *М. В. Кумаева*; [пер. с манс.], прим.: *М. В. Кумаева*. Деп. образования и молодежной политики ХМАО — Югры, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015.
- Лўимă Сэрипос — Общественно-политическая газета Ханты-Мансийского автономного округа-Югры «Лўимă Сэрипос». URL: <https://khanty-yasang.ru/luima-seripos>
- ОСМЯ — Онлайн-словарь по мансийскому языку (составлен в Обско-угорском институте прикладных исследований и разработок). URL: <https://mansy-audio-example-dic.ouipiir.ru/>
- Перепись 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Т. 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство», Таблица 5 «Владение языками населением Российской Федерации»).

- Перепись 2020 — Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/> (Т. 5 «Национальный состав и владение языками», Таблица 4 «Владение языками и использование языков населением»).
- Ромбандеева 2017 — Мансийская (вогульская) народная поэзия: военные и героические сказания / Сост., транслит. текстов, пер. на рус. яз. *Е. И. Ромбандеевой*. Тюмень: Формат, 2017.
- Саваткова 2008 — *А. А. Саваткова*. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2008.
- Скворцов 1985 — Чувашско-русский словарь: Ок. 40 000 слов / И. А. Андреев, А. Е. Горшков, А. И. Иванов и др.; под ред. *М. И. Скворцова*. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985.
- Соловар 2014 — *В. Н. Соловар*. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Ханты-Мансийск: Формат, 2014.
- Ульянова 1938 — *А. И. Ульянова*. Ильич мань порат ос ханисьтахтам порат олум таланэ. М.; Л.: Центральный комитет Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи: Изд-во детской литературы, 1938.
- Munkácsi, Kálmán 1986 — *В. Munkácsi, В. Kálmán*. Wogulisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986.
- OUIDB — Ob-Ugric Database: analysed text corpora and dictionaries for less-described Ob-Ugric dialects. URL: <http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/>

Литература

- Архипов 2009 — *А. В. Архипов*. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009.
- Ашмарин 1898 — *Н. И. Ашмарин*. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898.
- Володин 1976 — *А. П. Володин*. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976.
- Даниэль 2000 — *М. А. Даниэль*. Типология ассоциативной множественности. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2000.
- Иванов, Тужаров 1970 — *И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров*. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1970.
- Коляденков 1962 — *М. Н. Коляденков*. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1: Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1962.
- Коряков 2017 — *Ю. Б. Коряков*. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода // Вопросы языкознания. 2017, 6. С. 79—101.
- Кошкарева 1996 — *Н. Б. Кошкарева*. Послелог хантыйского языка (на материале казымского диалекта) // *Н. А. Лукьянова* (ред.). Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Вып. 1. Новосибирск: Новосибирский университет, 1996. С. 45—61.
- Николаева 1995 — *И. А. Николаева*. Обдорский диалект хантыйского языка. М.; Гамбург: Societas Uralo-Altaica, 1995.
- Ромбандеева 1973 — *Е. И. Ромбандеева*. Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука, 1973.
- Сайнахова 1966 — *А. Н. Сайнахова*. Служебные слова в мансийском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 1966.
- Скрибник 2014 — *Е. К. Скрибник*. Служебное слово *karaj* в мансийском языке // *N. Inaba, J. Luutonen, A. Hamari, E. Ahola* (eds.). Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 270). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2014. S. 341—354.
- Федотова 2021 — *И. В. Федотова*. Диалектное членение мансийского языка по данным базисной лексики // Вестник угроведения. 2021, 11 (2). С. 338—346.
- Хомченкова 2019 — *И. А. Хомченкова*. Показатель *-ge* в горномарийском языке: между комитативом и аддитивной частицей // Acta Linguistica Petropolitana. 2019, 1. С. 405—438.
- Хомченкова 2022 — *И. А. Хомченкова*. Комитативный предлог *aed* в осетинском языке // Известия СОИГСИ. 2022, 46 (85). С. 126—134.
- Хомченкова 2023 — *И. А. Хомченкова*. Комитатив // *Е. В. Кашкин* (отв. ред.), *М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова* (ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2023. С. 97—119.
- Хомченкова, Беляев 2023 — *И. А. Хомченкова, О. И. Беляев*. Комитативные показатели в осетинском языке на генетическом и ареальном фоне // Вопросы языкознания. 2023, 6. С. 67—102.
- Хомченкова, Жорник 2021 — *И. А. Хомченкова, Д. О. Жорник*. Именное сочинение и комитативные конструкции в северных диалектах мансийского языка // Урало-алтайские исследования. 2021, 4. С. 124—148.
- Чернецов 1937 — *В. Н. Чернецов*. Мансийский (вогульский) язык // *Г. Н. Прокофьев* (ред.). Языки и письменность народов Севера. Ч. 1: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.; Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1937. С. 163—192.

- Erschler 2019 — D. Erschler. A new argument for existence of the DP in languages without articles // Journal of Linguistics. 2019, 55 (4). P. 879—887.
- Fekete 2013 — I. Fekete. Hungarian *gyerekestül* vs. *gyerekkel* ('with [the] kid') // Hungarian Cultural Studies. 2013, 6. E-Journal: <http://ahea.pitt.edu>.
- Mauri, Sansò 2020 — C. Mauri, A. Sansò. Heterogeneous sets: a diachronic typology of associative and similative plurals // Linguistic Typology. 2020, 27 (1). P. 1—40.
- Muravyev, Zhornik 2024 — N. Muravyev, D. Zhornik. Passive in Ob-Ugric: information structure and beyond // Finisch-Ugrische Mitteilungen. 2024, 47. P. 67—95.
- Murphy 1968 — L. W. Murphy. Sosva Vogul Grammar. PhD thesis. Terre Haute, Indiana: Indiana University, 1968.
- Overstreet 1999 — M. Overstreet. Whales, candlelight, and stuff like that. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Overstreet, Yule 2021 — M. Overstreet, G. Yule. General extenders: The forms and functions of a new linguistic category. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Riese 2001 — T. Riese. Vogul. München: Lincom Europa, 2001.
- Saarinen 2017 — S. Saarinen. The Mari essive and its functional counterparts // C. de Groot (ed.). Uralic Essive and the Expression of Impermanent State. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2017. P. 261—281.
- Schultze-Berndt, Himmelmann 2004 — E. Schultze-Berndt, N. Himmelmann. Depictive secondary predicates in crosslinguistic perspective // Linguistic Typology. 2004, 8 (1). P. 59—131.
- Sipőcz 2017 — K. Sipőcz. The essive-translative in Mansi // C. de Groot (ed.). Uralic essive and the expression of impermanent state. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2017. P. 379—396.
- Sirola-Belliard 2011 — M. Sirola-Belliard. Is there a future for the Finnish comitative? Arguments against the putative synonymy of the comitative case *-ine* and the postposition *kanssa* // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). Case, animacy and semantic roles. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2011. P. 135—153.
- Virtanen 2015 — S. Virtanen. Transitivity in Eastern Mansi — An Information Structural Approach. PhD thesis. Helsinki: University of Helsinki, 2015.

References

- Arkhipov 2009 — A. V. Arkhipov. Tipologiya komitativnykh konstruktov. Moskva: Znack, 2009. {A. V. Arkhipov. Typology of comitative constructions. Moscow: Znack, 2009.}
- Ashmarin 1898 — N. I. Ashmarin. Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1898. {N. I. Ashmarin. Materials for research on the Chuvash language. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1898.}
- AVNCh — Arkhiv V. N. Chernetsova, Muzei arkheologii i etnografii Sibiri imeni V. M. Florinskogo. {Archive of V. N. Chernetsov, Museum of Archeology and Ethnography of Siberia named after V. M. Florinsky.}
- Bakhtiyarova, Dinislamova 2016 — T. P. Bakhtiyarova, S. S. Dinislamova. Mansiysko-russkiy slovar (verkhne-lozvin-skiy dialekt). Khanty-Mansiysk: Format, 2016. {T. P. Bakhtiyarova, S. S. Dinislamova. Mansi-Russian dictionary (Upper Lozva dialect). Khanty-Mansiysk: Format, 2016.}
- Balandin, Vakhrusheva 1958 — A. N. Balandin, M. P. Vakhrusheva. Mansiysko-russkiy slovar. Leningrad: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, Leningradskoye otdeleniye, 1958. {A. N. Balandin, M. P. Vakhrusheva. Mansi-Russian dictionary. Leningrad: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, Leningradskoye otdeleniye, 1958.}
- Chernetsov 1937 — V. N. Chernetsov. Mansiiskii (vogul'skii) yazyk. In: G. N. Prokofyev (red.). Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. 1: Yazyki i pis'mennost' samoedkikh i finno-ugorskikh narodov. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo, 1937. S. 163—192. {V. N. Chernetsov. The Mansi (Vogul) language. In: G. N. Prokofyev (ed.). Languages and writing systems of the peoples of the Northern. Part 1: Languages and writing systems of Samoyedic and Finno-Ugric peoples. Moscow: Leningrad: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo, 1937.}
- Daniel 2000 — M. A. Daniel. Tipologiya assotsiativnoi mnozhestvennosti. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva: RGGU, 2000. {M. A. Daniel. Typology of associative plurality. PhD thesis. Moscow: Russian State University of Humanities, 2000.}
- Dinislamova 2007 — S. S. Dinislamova. Lavim lejkhhanuv (Nashi sudby) (bukv. «predskazannyye nam puti»): Sbornik publitsisticheskikh ocherkov na mansiyskom yazyke. Khanty-Mansiysk: Poligrafist, 2007. {S. S. Dinislamova. Lavim lejkhhanuv (Our destinies) (lit. "paths predicted to us"): A collection of journalistic essays in Mansi. Khanty-Mansiysk: Poligrafist, 2007.}
- Erschler 2019 — D. Erschler. A new argument for existence of the DP in languages without articles. In: Journal of Linguistics. 2019, 55 (4). P. 879—887.

Fedotova 2021 — I. V. Fedotova. Dialektnoe chlenenie mansiiskogo yazyka po dannym bazisnoi leksiki. In: Vestnik ugrovedeniya. 2021, 11 (2). S. 338—346. {I. V. Fedotova. Dialect separation of the Mansi language in diachrony according to the basic vocabulary. In: Bulletin of Ugric Studies. 2021, 11 (2). P. 338—346.}

Fekete 2013 — I. Fekete. Hungarian *gyerekestül* vs. *gyerekkel* (‘with [the] kid’). In: Hungarian Cultural Studies. 2013, 6. E-Journal: <http://ahea.pitt.edu>.

Ivanov, Tuzharov 1970 — I. G. Ivanov, G. M. Tuzharov. Severo-zapadnoe narechie mariiskogo yazyka. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. {I. G. Ivanov, G. M. Tuzharov. The Northwestern dialect of the Mari language. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970.}

Ivanova 2004 — V. S. Ivanova. Tägt mäkhum möytyt-potryt (Skazki i rasskazy naroda Sosvy). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2004. {V. S. Ivanova. Tägt mäkhum möytyt-potryt (Tales and stories of the people of Sosva). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2004.}

Khomchenkova 2019 — I. A. Khomchenkova. Pokazatel' *-ge* v gornomariiskom yazyke: mezhdru komitativom i additivnoi chastitse. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2019, 1. S. 405—438. {I. A. Khomchenkova. The affix *-ge* in Hill Mari: between a comitative and additive particle. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2019, 1. P. 405—438.}

Khomchenkova 2022 — I. A. Khomchenkova. Komitativnyi predlog *æd* v osetinskom yazyke. In: Izvestiya SOIGSI. 2022, 46 (85). S. 126—134. {I. A. Khomchenkova. Comitative preposition *æd* in Ossetic. In: Izvestiya SOIGSI. 2022, 46 (85). P. 126—134.}

Khomchenkova 2023 — I. A. Khomchenkova. Komitativ. In: E. V. Kashkin (otv. red.), M.-E. A. Winkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (red.). Ehlementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Moskva: Buki Vedi, 2023. S. 97—119. {I. A. Khomchenkova. Comitative. In: E. V. Kashkin, M.-E. A. Winkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (eds.). Elements of the Hill Mari language in typological perspective. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 97—119.}

Khomchenkova, Belyaev 2023 — I. A. Khomchenkova, O. I. Belyaev. Komitativnye pokazateli v osetinskom yazyke na geneticheskom i areal'nom fone. In: Voprosy yazykoznanija. 2023, 6. S. 67—102. {I. A. Khomchenkova, O. I. Belyaev. Ossetic comitative markers in intragenetic and areal perspective. In: Voprosy yazykoznanija. 2023, 6. P. 67—102.}

Khomchenkova, Zhornik 2021 — I. A. Khomchenkova, D. O. Zhornik. Imennoe sochinenie i komitativnye konstruktсии v severnykh dialektakh mansiiskogo yazyka. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2021, 4. S. 124—148. {I. A. Khomchenkova, D. O. Zhornik. Nominal coordination and comitative constructions in Northern Mansi. In: Ural-Altai Studies. 2021, 4. P. 124—148.}

Kolyadenkov 1962 — M. N. Kolyadenkov. Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i ehrzyanskogo) yazykov. Chast' 1: Fonetika i morfologiya. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. {M. N. Kolyadenkov. A Grammar of Mordvin (Moksha and Erzya) languages. Part 1: Phonetics and morphology. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.}

Koryakov 2017 — Yu. B. Koryakov. Problema “yazyk ili dialekt” i popytka leksikostatisticheskogo podkhoda. In: Voprosy yazykoznanija. 2017, 6. S. 79—101. {Yu. B. Koryakov. Language vs. dialect: A lexicostatistic approach. In: Voprosy Jazykoznanija. 2017, 6. P. 79—101.}

Koshkaryova 1996 — N. B. Koshkaryova. Poslelogi khantyiskogo yazyka (na materiale kazym'skogo dialekta). In: N. A. Lukyanova (red.). Yazykovye edinit'sy v semanticheskom i leksikograficheskom aspektakh. Vyp. 1. Novosibirsk: Novosibirskii universitet, 1996. S. 45—61. {N. B. Koshkaryova. Khanty postpositions (based on Kazym dialect data). In: N. A. Lukyanova (ed.). Language entities: semantic and lexicographic aspect. Issue 1. Novosibirsk: Novosibirsk University, 1996.}

Kumaeva 2012 — Skazki, predaniya i bylichki verkhnesosvinskikh mansi / Avt.-sost. M. V. Kumayeva. Khanty-Mansiysk: Yugrafika, 2012. {Tales, legends and little stories of the Upper Sosva Mansi / Author and compiler M. V. Kumaeva. Khanty-Mansiysk: Yugrafika, 2012.}

Kumaeva 2015 — Skazki, pesni, zagadki naroda mansi: folklor'nyy sbornik / Sostavleniye, perevod s mansiiskogo, primechaniya M. V. Kumayevoy. Departament obrazovaniya i molodezhnoy politiki KHMAO — Yugry, Obsko-ugorskiy institut prikladnykh issledovaniy i razrabotok. Khanty-Mansiysk: Yugorskiy format, 2015. {Tales, songs, riddles of the Mansi people: a folklore collection / Compiled, translated from Mansi, notes by M. V. Kumaeva. Department of Education and Youth Policy of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development. Khanty-Mansiysk: Yugorskiy format, 2015.}

Lüimä Sēripos — Obshestvenno-politicheskaya gazeta Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga-Yugry «Lüimä Sēripos». URL: <https://khanty-yasang.ru/luima-seripos> {Socio-political newspaper of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra “Luima Seripos”. URL: <https://khanty-yasang.ru/luima-seripos>}

Mauri, Sansò 2020 — C. Mauri, A. Sansò. Heterogeneous sets: a diachronic typology of associative and simulative plurals. In: Linguistic Typology. 2020, 27 (1). P. 1—40.

Munkácsi, Kálmán 1986 — B. Munkácsi, B. Kálmán. Wogulisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986.

Muravyev, Zhornik 2024 — N. Muravyev, D. Zhornik. Passive in Ob-Ugric: information structure and beyond. In: Finisch-Ugrische Mitteilungen. 2024, 47. P. 67—95.

- Murphy 1968 — L. W. Murphy. *Sosva Vogul Grammar*. PhD thesis. Terre Haute, Indiana: Indiana University, 1968.
- Nikolaeva 1995 — I. A. Nikolaeva. *Obdorskii dialekt khantyiskogo yazyka*. Moskva; Gamburg: Societas Uralo-Altaica, 1995. {I. A. Nikolaeva. *Obdorsk dialect of Khanty*. Moscow; Hamburg: Societas Uralo-Altaica, 1995.}
- OSMYA — Onlayn-slovar po mansiyskomu yazyku (sostavlen v Obsko-ugorskom institute prikladnykh issledovaniy i razrabotok). URL: <https://mansy-audio-example-dic.ouipiir.ru/> {Online Mansi dictionary (compiled at the Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development). URL: <https://mansy-audio-example-dic.ouipiir.ru/>}
- OUDB — Ob-Ugric Database: analysed text corpora and dictionaries for less-described Ob-Ugric dialects. URL: <http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/>
- Overstreet 1999 — M. Overstreet. *Whales, candlelight, and stuff like that*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Overstreet, Yule 2021 — M. Overstreet, G. Yule. *General extenders: The forms and functions of a new linguistic category*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Perepis 2010 — Vserossiyskaya perepis naseleniya 2010 goda. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Tom 4 «Natsionalnyy sostav i vladeniye yazykami, grazhdanstvo», Tablitsa 5 «Vladeniye yazykami naseleniyem Rossiyskoy Federatsii»). {All-Russian population census 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Vol. 4 “Ethnic composition and language proficiency, citizenship”, Table 5 “Language proficiency of the population of the Russian Federation”).}
- Perepis 2020 — Vserossiyskaya perepis naseleniya 2020 goda. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/> (Tom 5 «Natsionalnyy sostav i vladeniye yazykami», Tablitsa 4 «Vladeniye yazykami i ispolzovaniye yazykov naseleniyem»). {All-Russian population census 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/> (Vol. 5 “National composition and language proficiency”, Table 4 “Language proficiency and language use by the population”).}
- Riese 2001 — T. Riese. *Vogul*. München: Lincom Europa, 2001.
- Rombandeeva 1973 — E. I. Rombandeeva. *Mansiiskii (vogul'skii) yazyk*. Moskva: Nauka, 1973. {E. I. Romandeeva. *The Mansi (Vogul) language*. Moscow: Nauka, 1973.}
- Rombandeeva 2017 — Mansiyskaya (vogul'skaya) narodnaya poeziya: voyennyye i geroicheskiye skazaniya / Sostavleniye, transliteratsiya tekstov, perevod na russkiy yazyk E. I. Rombandeyevoy. Tyumen: Format, 2017. {Mansi (Vogul) folk poetry: military and heroic tales / Compiled, transliterated, translated into Russian by E. I. Rombandeeva. Tyumen: Format, 2017.}
- Saarinen 2017 — S. Saarinen. *The Mari essive and its functional counterparts*. In: C. de Groot (ed.). *Uralic Essive and the Expression of Impermanent State*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2017. P. 261—281.
- Savatkova 2008 — A. A. Savatkova. *Slovar gornomariyskogo yazyka*. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2008. {A. A. Savatkova. *Hill Mari dictionary*. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2008.}
- Saynakhova 1966 — A. N. Saynakhova. *Sluzhebnye slova v mansiiskom yazyke*. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN, 1966. {A. N. Sainakhova. *Function words in Mansi*. PhD thesis. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1966.}
- Schultze-Berndt, Himmelmann 2004 — E. Schultze-Berndt, N. Himmelmann. *Depictive secondary predicates in crosslinguistic perspective*. In: *Linguistic Typology*. 2004, 8 (1). P. 59—131.
- Sipőcz 2017 — K. Sipőcz. *The essive-translative in Mansi*. In: C. de Groot (ed.). *Uralic essive and the expression of impermanent state*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2017. P. 379—396.
- Sirola-Belliard 2011 — M. Sirola-Belliard. *Is there a future for the Finnish comitative? Arguments against the putative synonymy of the comitative case -ine and the postposition kanssa*. In: S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, animacy and semantic roles*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2011. P. 135—153.
- Skrinbnik 2014 — E. K. Skrinbnik. *Sluzhebnoe slovo kapaj v mansiiskom yazyke*. In: N. Inaba, J. Luutonen, A. Hamari, E. Ahola (eds.). *Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 270)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2014. S. 341—354. {E. K. Skrinbnik. *Function word kapaj in the Mansi language*. In: N. Inaba, J. Luutonen, A. Hamari, E. Ahola (eds.). *Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 270)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2014. P. 341—354.}
- Skvortsov 1985 — *Chuvashsko-russkiy slovar: Ok. 40 000 slov / I. A. Andreyev, A. E. Gorshkov, A. I. Ivanov i dr.; pod red. M. I. Skvortsova*. 2-e izd., stereotip. Moskva: Russkiy yazyk, 1985. {Chuvash-Russian dictionary: About 40 000 words / I. A. Andreev, A. E. Gorshkov, A. I. Ivanov et al.; ed. by M. I. Skvortsov. 2nd ed., reprint. Moscow: Russkiy yazyk, 1985.}
- Solovar 2014 — V. N. Solovar. *Khantyysko-russkiy slovar (kazym'skiy dialekt)*. Khanty-Mansiysk: Format, 2014. {V. N. Solovar. *Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)*. Khanty-Mansiysk: Format, 2014.}
- Ulyanova 1938 — A. I. Ulyanova. *Ilich man porat os khanistakhtam porat olum talane (Detskiye i shkolnyye gody Ilicha)*. Moskva; Leningrad: Tsentralnyy komitet Vsesoyuznogo Leninskogo kommunisticheskogo soyuza molodezhi: Izdatel'stvo detskoy literatury, 1938. {A. I. Ulyanova. *Ilich man porat os khanistakhtam porat olum talane (Childhood and school years of Ilyich)*. Moscow; Leningrad: Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union: Izdatel'stvo detskoy literatury, 1938.}

Virtanen 2015 — S. Virtanen. Transitivity in Eastern Mansi — An Information Structural Approach. PhD thesis. Helsinki: University of Helsinki, 2015.

VLMK — Korpus verkhnelozvinskogo mansiyskogo dialekta (53 332 slovopotrebleniya), sobranny v khode ekspeditsiy D. O. Zhornik, S. V. Pokrovskoy i V. S. Kharitonova k nositelyam verkhnelozvinskogo dialekta v derevni Ushma i Treskolye Ivdelskogo rayona Sverdlovskoy oblasti v 2017—2019 godakh. {The corpus of the Upper Lozva Mansi dialect (53,332 words) collected during the expeditions of D. O. Zhornik, S. V. Pokrovskaya and V. S. Kharitonov to the speakers of the Upper Lozva dialect in the villages of Ushma and Treskolye, Ivdelsky District, Sverdlovsk Region in 2017–2019.}

Volodin 1976 — A. P. Volodin. Itel'menskii yazyk. Leningrad: Nauka, 1976. {A. P. Volodin. The Itelmen language. Leningrad: Nauka, 1976.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Э. А. Грунина. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Г. Дёрфер. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — F. Kiefer, B. Gyuris. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. F. Kiefer. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. J. Fernandez-Vest. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — L. V. Clark. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — E. Helimski. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluraltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
31.03.2025

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

Editor
Maria Maksimova

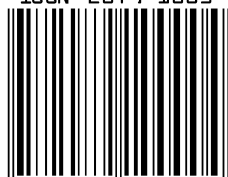
Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages
jurnaluraltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
31.03.2025

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >